

КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал
в секретариате РОПРЯЛ по адресу:

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта,
д. 11/2, офис 204

Тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62

Тел./факс: (812) 323-66-20

e-mail: avlova@ropryal.ru, info@ropryal.ru,

а также

в Издательском доме «МИРС» по адресу:

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта,
д. 11/2, офис 202

Тел.: (812) 325-11-33

e-mail: mirs@ropryal.ru, sales-mirs@yandex.ru

Об условиях и стоимости подписки можно узнать
в Издательском доме «МИРС» и С.-Петербургской штаб-
квартире РОПРЯЛ по указанным адресам.

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» – 72396.

С сентября 2007 года Высшая аттестационная комиссия Министерства
образования и науки Российской Федерации включила журнал
«Мир русского слова» в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук.

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

Уважаемые коллеги!

По вопросам подписки
и доставки журнала за пределами
СНГ обращайтесь к нашим
дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский
пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22;
факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского,
39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47;
факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел/факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы“»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел/факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б,
Международный центр научной
и технической информации;
тел: +7 (499) 740 6410, +7 (499) 198 7041,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

Germany: Kubon & Sagner (Munich),
tel. (+49 89) 54-218-110
fax (+49 89) 54-218-218

Switzerland: PinkRus GmbH (Zurich),
tel. (+41 1) 262-2266
fax (+41 1) 262-2434

Sergei Fjodorov, subscriptions division
Ruslania Books Ltd
Lapinlahdenkatu 1 C
FI-00180 Helsinki, FINLAND
Tel. (+358 9) 27270737
Fax (+358 9) 27270720
sergei.fjodorov@ruslania.com
Internet: www.ruslania.com

Japan: Nauka Ltd. (Tokyo),
tel. (+81 03) 5259-2711
fax (+81 03) 5259-2714

№ 3 2009

В НОМЕРЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Учредитель
Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей
русского языка и литературы»

Редакционный совет:

Л. А. Вербицкая
В. В. Воробьев
Л. П. Клобукова
Ю. Е. Прохоров
Е. Е. Юрков
В. М. Шаклеин
С. Н. Голубев

Адрес редакции:
199034, С.-Петербург,
наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
факс: (812) 323-66-20
e-mail: editor@ropryal.ru

Издательский дом «МИРС»

[официальные материалы]

4 В Правлении РОПРЯЛ

[лингвистические заметки]

- 5 А. К. Киклевич
Двенадцать функций языка
- 14 Е. Е. Хазимуллина
О вариантах преодоления асимметрии языковой
и когнитивной картин мира в условиях полилингвизма
- 20 Н. Ш. Галлямова
Коммуникативно-интенциональный словарь:
теоретические и прикладные аспекты
- 28 Д. В. Колесова
Интенция как базовая категория текстовой деятельности
- 32 О. В. Хорохордина
«Чужое» в текстовой деятельности

[культура речи]

- 40 Е. В. Осетрова
Неавторизованная информация в обстоятельствах живого диалога
- 47 И. М. Вознесенская, Т. И. Попова
Правила речевого поведения в Интернет-общении: нормативный
и этический аспект
- 53 Н. И. Белунова
Особенности реализации эмоционально-оценочной функции в тексте
дружеского письма (на материале писем творческой интеллигенции
конца XIX — первой четверти XX века)

[завяжи узелок на память]

- 59 Н. А. Колкова
Русская погребальная паремиология и фразеология
в лингвокогнитивном аспекте: смерть как сценарий ухода

[взаимосвязь литературы и языка]

- 64 О. С. Муравьева
«Передо мной явилась ты...» (К проблеме оценки лирического текста
как психологического документа)

Главный редактор:
К. А. Рогова

Оригинал-макет:
М. С. Шишков

Над журналом работали:
Редакторы:
Т. Б. Авлова, Д. А. Шукина
Корректор:
Н. В. Лутц
Перевод аннотаций:
А. М. Осипова
Вып. редактор:
М. С. Шишков

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам
печати, телерадиовещания
и средств массовых
коммуникаций (свидетельство
ПИ № 77–5399 от 11.09.2000)
ISSN 1811–1629

Тираж 5 000 экз.

Подписано в печать 01.09.2009
Отпечатано в типографии
«Невская жемчужина»,
Санкт-Петербург

При перепечатке
материалов ссылка на журнал
«Мир русского слова»
обязательна

Присланные рукописи
не возвращаются

Плата с аспирантов
за публикацию рукописей
не взимается

Материалы с краткой
аннотацией и списком
ключевых слов просьба
представлять только
в электронном виде.
Требования к оформлению
статей:
[http://www.spbmirs.ru/
magazine/rules.html](http://www.spbmirs.ru/magazine/rules.html)

- 70 Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков
Крылатое слово А. В. Кольцова в русском языковом пространстве
- 76 Т. А. Хазбулатова
О Собеседнике Мандельштама

[методика преподавания языка и литературы]

- 80 А. С. Шатилов
Устное общение в условиях межкультурного взаимодействия
- 85 И. Ю. Павловская, Я. А. Тункун
Межполушарная асимметрия и сенсорные предпочтения
как определяющие факторы успешности обучения иностранному языку
- 94 Зейнеп Зафер
Русская литературная классика в программах средней школы (гимназии)
и университетов Турции

[представляем новые книги. рецензии]

- 100 И. А. Гончар —
Кокетти С. Поговорим о России. Введение в русскую культуру. —
Милан, 2009.
- 116 В. Ю. Прокофьева. Лингвистическая кунсткамера,
или Речевые монстры под микроскопом —
Кудрин В. С. Словарь слов (кое-что из лингвистической тератологии). —
Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ», 2008. — 284 с.

[хроника]

- 19 Выставка фоторабот Юрия Роста
- 101 «Корректор-2008»
- 58 II Международная научная конференция «Язык, литература,
ментальность: разнообразие культурных практик»
(г. Курск, 14–16 мая 2009 года)
- 46 Недели русского языка и российского образования в странах Азии

[россия... народы, языки, культуры]

- 103 Оренбуржье
- 109 Т. А. Юдина
Оренбург в русской литературе XIX–XX вв.
- 115 Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка
Оренбургского государственного университета

В ПРАВЛЕНИИ РОПРЯЛ

10 июня 2009 года в Санкт-Петербурге состоялось заседание Правления РОПРЯЛ, на котором присутствовали Л. А. Вербицкая, Е. Е. Юрков, С. И. Богданов, Ю. Е. Прохоров, Л. П. Клобукова, В. А. Степаненко, И. П. Лысакова, В. В. Воробьев, В. М. Шаклеин, К. А. Рогова, С. И. Демидова, И. В. Тяпкина, С. Н. Голубев, В. П. Абрамов, А. Н. Ременцов, В. В. Родионов.

Были рассмотрены вопросы о подготовке к очередному отчетно-выборному собранию, о расширении состава региональных центров и активизации их работы. Особое внимание было уделено состоянию нормативной базы по преподаванию русского языка как иностранного в российских вузах.

Члены правления РОПРЯЛ выразили озабоченность фактом факультативного статуса дисциплины «Русский язык как иностранный», что привело к тому, например, что иностранным аспирантам, обучающимся в российских вузах, в качестве кандидатского экзамена предлагается сдавать английский, французский, немецкий и испанский языки. До сих пор кандидатский экзамен проводился по русскому языку.

Отказ от преподавания русского языка иностранным учащимся в вузе делает сомнительной возможность получения данным контингентом высшего образования на русском языке, что подрывает престиж российского высшего образования в мире. Кроме того, наметившаяся тенденция вытеснения русского языка как иностранного из системы высшего образования, несомненно, приведет к сокращению распространения русского языка и, как следствие, снижению влияния России и русской культуры в мире.

Было отмечено, что в системе высшего образования, сложившейся в советское время, существовали нормативные документы, были утверждены Программы, в которых фиксирова-

лось количество часов изучения русского языка как иностранного на каждом курсе вузов для разных категорий учащихся. В настоящее время существует детально разработанная система сертификационных уровней владения русским языком, утвержденная в «Требованиях к проведению государственного тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку как иностранному» от 24 декабря 2007 года. Данная система позволяет определить уровень владения русским языком как иностранным для обучения иностранца в российском вузе (ТРКИ-I) и уровень, которым он должен владеть при окончании вуза. Единые требования к владению русским языком как иностранным на разных уровнях должны стать базой для преподавания русского языка как иностранного в вузах.

Члены правления приняли решение о необходимости обращения к Заместителю министра образования и науки И. И. Калине с просьбой рассмотреть вопрос о ситуации, сложившейся в системе высшего образования в области преподавания русского языка как иностранного, и принять меры для разработки нормативной базы преподавания этой дисциплины, содержащей такие положения, как:

- включение учебной дисциплины «Русский язык как иностранный» в классификатор дисциплин, преподаваемых в вузе;
- создание УМО по русскому языку как иностранному;
- введение Стандарта по русскому языку как иностранному (или включении дисциплины «Русский язык как иностранный» в существующий Стандарт по иностранным языкам);
- предоставление иностранным аспирантам возможности сдавать кандидатский экзамен по русскому языку как иностранному.

А. К. Киклевич

ДВЕНАДЦАТЬ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА

ALEKSANDER K. KIKLEWICH
TWELVE LANGUAGE FUNCTIONS

Статья посвящена проблеме классификации функций языка. Автор рассматривает шесть параметров языковой деятельности, которые служат в качестве критериев выделения функций языка. Рассматриваются два аспекта функционирования языка: экспликативный и процедурный. Это позволяет автору выделить двенадцать функций языка: номинативную, магическую, индексальную (презентативную), экспрессивную, социативную (символическую), прагматическую, стилистическую, этологическую (эвристическую), когнитивную, креативную, статусную и интерлингвистическую (инициативную).

Ключевые слова: философия языка, функционализм в языкознании, функции языка, эколлингвистика.

The article discusses the problem of language function, and namely different types of their classification. The author takes into account 6 parameters of linguistic activity, which treats as criterions of language function detachment. The author takes into account two aspects of language functioning: the explicational (representative) and the procedural (instrumental). This permits the author to distinguish twelve language functions: nominative, magical, deictic, expressive / interpretative, sociative / symbolic, pragmatic, stylistic, ethological / heuristic, cognitive / cumulative, creative, constitutional / distributional, interlinguistical / initiating.

Keywords: language philosophy, functionalism in linguistics, language functions, ecolinguistics.

**Александр Константинович
Киклевич**

Доктор филологических наук, профессор Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша)
► akiklewicz@gmail.com

Экспликативно-процедурная модель функций языка

Функция в языке является реляционной категорией. Определить функции языка значит установить множество его регулярных отношений к среде, а именно к таким ее элементам, как: 1) мир, т. е. материальная (физическая), социальная, психическая и т. д. действительность (реальность); 2) человек, т. е. языковой субъект, носитель языка — индивидуальный или групповой; 3) интеракция, т. е. взаимодействие субъектов с помощью речевых сообщений; 4) дискурс, т. е. коммуникативная ситуация и ее параметры: сцена и обстановка речевой интеракции, время и продолжительность взаимодействия, атрибуты, вспомогательные коды и др.; 5) конвенция, т. е. общая для речевых партнеров апперцептивная (другими словами — когнитивная) база; 6) языковая ситуация, т. е. группа языков и социальных вариантов языка, культивируемых в границах определенного административно-территориального сообщества.

Функциональная релевантность языка реализуется в двух аспектах: 1) экспликативном и 2) процедурном. Экспликация состоит в том, что

Таблица. Функции языка в экспликативно-процедурной модели

Факторы языковой деятельности	Аспекты языковой деятельности	Функции языка
Мир	экспликативный	1) номинативная
	процедурный	2) магическая
Человек	экспликативный	3) индексальная
	процедурный	4) экспрессивная
Интеракция	экспликативный	5) социативная
	процедурный	6) прагматическая
Дискурс	экспликативный	7) стилистическая
	процедурный	8) этологическая
Конвенция	экспликативный	9) когнитивная
	процедурный	10) креативная
Языковая ситуация	экспликативный	11) конститутивная
	процедурный	12) интерлингвистическая

в языковых знаках и в формах речевой деятельности отражаются, моделируются элементы внешнего мира, психической и социальной жизни людей. Процедурный, другими словами — инструментальный, аспект функционирования языка касается его употребления как средства реализации действий, организации человеческой деятельности.

Общую систему функций — с учетом изложенных выше предпосылок — можно представить схематически (табл.).

Номинативная функция

Номинативная функция заключается в передаче языковыми знаками информации о мире. Данная функция является специфической для вида *homo sapiens* — в коммуникации животных используются так называемые перформативы: предупреждение, угроза, просьба и др. Насколько важны в процессах номинации языковые знаки, показывает следующий, описанный Георгием Данелией эпизод: грузин и русский, находясь в заграничной командировке в Риме (в 60-е годы прошлого столетия), делают покупки в магазине:

Баскаков хорошо знал немецкий (во время войны он был военкором) и стал по-немецки объяснять, что ему надо. Продавцу что немецкий, что грузинский — одно и то же. Не понимает...

— Пошли Нею приведем, — сказал Баскаков. — Она по-французски объяснит.

— Не надо, сами управимся. Какой размер?

— Сорок шесть.

Я показал продавцу пальцем на кофточку на витрине, достал ручку и написал на бумажке: 46. Продавец написал цену, и кофточку мы приобрели.

— Мне еще колготки нужны, — сказал Баскаков.

— А что это такое? (у нас тогда колготки были большой редкостью, и я впервые услышал это слово от Баскакова).

— Это такие чулки, переходящие в трусы.

Я показал продавцу на ноги и сделал вид, будто что-то на них натягиваю, до пояса.

Тот положил передо мной брюки.

— Нет, — я показал ему свои носки и изобразил, что натягиваю их до пупка.

Продавец положил на прилавок кальсоны.

— Но! Для синьоры, — и я показал руками груди.

Продавец достал лифчик. <...>

Номинативная функция охватывает разные аспекты действительности: 1) физические состояния: *На улице метель*; 2) физиологические состояния: *Маше холодно*; 3) ментальные состояния: *Иван о чем-то задумался*; 4) эмоциональные состояния: *Маша радуется*; 5) языковые состояния: *Гласные звуки бывают долгие и краткие* и др. Важно подчеркнуть, что номинация охватывает не только сферу физических объектов и положений дел, но также сферу психических состояний. Так, в предложении из стихотворения Иннокентия Анненского *И дам ей*

жаль разоблаченных реализуется номинативная функция — представление эмоционального состояния описываемого третьего лица, тогда как в высказывании из другого стихотворения поэта *Мне жаль последнего вечернего мгновенья* реализуется экспрессивная функция — выражение эмоционального отношения героя (*жаль*) к описываемому событию (*последнее вечернее мгновение*) (см. далее).

Магическая функция

Магическая функция основывается на вере человека в то, что слово (устное или письменное) представляет собой обязательную часть обозначаемого предмета, а значит, воздействуя на слово, человек воздействует и на предмет [16; 9: 23 и след.]. А. А. Потеня писал, что в наивном, мифологическом («простонародном») сознании «между родным словом и мыслью о предмете <...> такая тесная связь, что <...> изменение слова казалась непременным изменением предмета» [13: 173]. Ср. характерную с этой точки зрения русскую поговорку *Легок на помине: Зачем ты только про него сказал — вот он и легкий на помине* (А. Битов). В связи с этим В. фон Гумбольдт приводил анекдот о простолюдине, который, слушая разговор астрономов, спросил: «Я понимаю, что с помощью приборов людям удалось измерить расстояние звезд от Земли, узнать их расположение и движение. Но как вам удалось узнать названия звезд?» (см.: [3, Т. 2: 311]).

Магическая функция особенно характерна для детской речи, в которой, по наблюдениям С. Н. Карповой и И. Н. Колобовой, «складываются смутные <...> представления о действительности речи, отличной от действительности предметов и явлений, ею обозначаемых» [6: 156]. Другой сферой широкого распространения магической функции являются поэтические тексты, о чем писал А. А. Потеня [13: 173]. Кроме того, магическая функция характерна также для пропагандистских текстов, особенно относящихся к так называемому «новоязу» [19; 21]. Так, С. С. Ермоленко [5: 11] приводит в качестве примера отклоненный коммунистической цензурой очередной том «Большой советской энциклопедии» (второе из-

дание), который начинался статьей «ВКП (б)», а заканчивался статьей «Водевиль». С точки зрения цензора, как пишет Ермоленко, «соседство этих двух слов на корешке тома было сочтено недопустимым».

Индексальная функция

Индексальная функция (в терминологии английской социолингвистики: [20: 11; 17: 6; 18: 140]) состоит в идентификации личности отправителя сообщения или же, чаще, его принадлежности к определенной социальной группе. Р. Т. Белл пишет, что индексальная информация «сообщает о <...> социальном статусе говорящего <...> и помогает обрисовать его отношение к себе и к другим и определить роль, которую он сам отводит себе как участник интеракции» [1: 102]. Ср. характерный пример из кинофильма «Свадьба» (по чеховским сюжетам): *Они свою образованность показать хотят, оттого и говорят о непонятном*. Поскольку в зависимости от пользователей каждый живой этнический язык делится на социальные варианты — социолекты, то эту функцию языка можно также назвать социолектной: выбирая ту или иную социально и культурно маркированную подсистему языка, говорящий — намеренно или ненамеренно — манифестирует свою принадлежность к определенному сообществу, определенной культурной парадигме. В этом отношении характерен приводимый в дневниковых записях Георгия Даниелии эпизод: *Как-то в Ташкенте я смотрел по телевизору фильм Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны», дублированный на узбекский язык. Там Борман, когда вошел в кабинет к фюреру, выкинул руку вперед и воскликнул: «Салам алейкум, Гитлер-ага!»* Комизм здесь возникает из-за несовместимости ситуации (с участием Гитлера и Бормана) с культурным (азиатским) фоном, определяемым характером коммуникативных реплик на узбекском языке.

Индексальная функция непосредственно связана с социативной, так как манифестация социокультурных параметров речевого субъекта обычно влияет на распределение ролей в коммуникативной ситуации.

Экспрессивная функция

Экспрессивная функция позволяет говорящему «выразить себя», т. е. свои эмоции, суждения, мысли. Ср. расхожее определение такой функции языка, как *выпустить пар*: *Должна быть возможность пары выпустить. Хочет человек высказаться — пусть, очень даже хорошо. Знаете, есть выражение: сказал — и облегчил душу* (В. Розов). Обычно экспрессивная функция реализуется посредством категории модальности. Ср. фрагмент из стихотворения Евгения Баратынского «Мне с упоением заметным...», в котором доминируют формы экспрессивной функции, например, выражение *предавшись нежному томленью*. Все они указывают на эмоциональные состояния лирического героя:

*Когда я в очи вам гляжу,
Предавшись нежному томленью,
Слегка о прошлом я тужу,
Но рад, что сердце нахожу
Еще способным к упоенью.*

К сфере экспрессивной функции относят (вслед за К. Бюлером) также неинтенциональные языковые симптомы — касающиеся как формы, так и содержания речи, по которым можно установить физические, физиологические или психические состояния говорящего, например: *Ешли... (зевота раздирала мне рот и от этого слова я произносил неряшливо), — кого-нибудь привезут... вы дайте мне знать шюда...* (М. Булгаков). Следует различать номинацию интенциональных состояний от интерпретации передаваемой в предложении семантической информации. Считается, что экспрессивная функция реализуется знаками-симптомами, указывающими на внутреннее состояние человека, но этого определения недостаточно, чтобы однозначно интерпретировать высказывания о «внутренних состояниях», например: *Я знаю, что правительство уходит в отставку / Я рад, что правительство уходит в отставку / Мне жаль, что правительство уходит в отставку / Я не верю, что правительство уходит в отставку*. В теории функционального синтаксиса (см.: [22: 168 и след.]) подобные выражения рассматриваются в области деонтической (интенциональной) модальности, в отличие от но-

минации интенциональных состояний в высказываниях типа: *Маша была не в духе*.

Социативная функция

Данная функция заключается в языковом выражении социальных отношений между участниками интеракции. Известно, что в обыденной коммуникации «отношения лишь иногда определяются полностью осознанно» [2: 15]. Для выражения социальных взаимоотношений чаще используются невербальные знаки, такие, как интонация, темп речи, атрибуты, жестикация и др. Насколько трудным бывает порой намеренное выражение отношений с помощью речевых высказываний, хорошо показывает следующий фрагмент из романа Владимира Набокова «Машенька»:

Людмила вдруг перевернулась на спину и, смеясь, распахнула голые худенькие руки. Утро к ней не шло: лицо было бледное, опухшее и желтые волосы стояли дыбом.

— Ну же, — протянула она и зажмурилась.

Ганин перестал бренчать.

— Вот что, Людмила, — сказал он тихо.

Она привстала, широко открыв глаза.

— Что-нибудь случилось?

Ганин пристально посмотрел на нее и ответил:

— Да. Я, оказывается, люблю другую женщину.

Я пришел с тобой проститься.

Она заморгала спутанными своими ресницами, прикусила губу.

— Это, собственно, все, — сказал Ганин. — Мне очень жаль, но ничего не поделаешь. Мы сейчас простимся. Я полагаю, что так будет лучше.

Людмила, закрыв лицо, опять пала ничком в подушку. Лазурное стеганое одеяло стало косо сползать с ее ног на белый мохнатый коврик. Ганин поднялся, поправил его. Потом прошел два раза по комнате.

— Горничная не хотела меня впускать, — сказал он.

Людмила, уткнувшись в подушку, лежала как мертвая.

— Вообще говоря, — сказал Ганин, — она какая-то неприветливая.

— ... Пора перестать топить. Весна, — сказал немного погодя. Пошел от двери к белому трюмо, потом надел шляпу.

Людмила все не шевелилась. Он еще постоял, поглядел на нее молча и, издав горлом легкий звук, как будто хотел откашляться, вышел из комнаты.

Во всем диалоге только одна реплика — *Я люблю другую женщину* непосредственно касается области межличностных отношений, а все остальное — это косвенные речевые акты, своего рода фатическая оболочка, которая в большей степени обусловлена культурной конвенцией, чем информативной или социативной функцией языка.

Что касается языковой манифестации социальной структуры дискурса, то с этой целью — в зависимости от типа дискурса, в особенности степени его официальности или фамилийности, — употребляются различные средства — прямые (например: *Как человек более опытный, советую...*) или косвенные. Последние обстоятельно описаны в монографии польского исследователя Я. Василевского [27: 125 и след.]. К примеру, отмечается, что высокая степень вежливости считается признаком низшего статуса, а разговор «на повышенных тонах» — признаком конфликта.

Прагматическая функция

Прагматическая (коммуникативная, импрессивная, аппелятивная, перформативная, иллюкутивная и т. д.) функция проявляется в стремлении речевого субъекта влиять на социальные отношения, в частности, на поведение коммуникативных партнеров с помощью речевых сообщений. Это воздействие касается как физических, так и психических, а также речевых действий и состояний адресатов, ср.: *Подойди поближе! / Успокойся! / Замолчи!* Во многих философских и лингвистических концепциях коммуникативная функция языка считается главной. Ср. афористическое утверждение Х. Ортеги-и-Гассета, что, когда мы говорим, мы находимся в обществе, а когда мы думаем, мы одиноки.

В теории польского философа Т. Скальского [25] прагматическая функция (которую Скальский квалифицирует как медиальную) противопоставлена семантической (номинативной): в средствах массовой коммуникации в последние десятилетия в центре внимания все чаще находится не передача информации, а конечный эффект воздействия на массового потребителя.

Кроме целенаправленных, интенциональных речевых действий в коммуникативной прак-

тике широко распространены также реактивные, т. е. конвенциональные, ритуальные, речевые акты, например, большинство пословиц и поговорок. Ср. один из характерных примеров:

Так прошли недели её (Маши. — А. К.) замужества, похожего на суровое заключение в тюрьме, но она не сдавалась...

— *Никитка, гляди, утоплюсь!* — пригрозила Машиа.

— *Баба с возу — кобыле легче!* — ответил Никита. — *Кабы я тебя из воды не волок, и давно бы женился на доброй девице, детей нарожал, да покой бы ведал! Повдовею — женюсь* (С. Злобин).

Пословица *Баба с возу — кобыле легче* появляется здесь на фоне реплики *Гляди, утоплюсь!* и выражает реакцию Никиты на угрозы жены. Трудно было бы представить себе коммуникативную ситуацию, в которой рассматриваемый фразеологизм выступал бы в инициальной позиции, т. е. в качестве темы интеракции. К реактивным речевым действиям следует отнести реализацию «стереотипных реплик в стандартных ситуациях», о которых пишет Б. Ю. Норман [12], речь идет, например, о народных приметах типа: *Посуда бьется — к счастью; Зеркало разбить — к несчастью*. Данным аспектом коммуникативного функционирования языка занимается новая научная дисциплина — диспозиционная прагматика.

Третья сфера прагматической функции языка представлена фатическим общением, цель которого состоит в поддержании или сохранении социального контакта коммуникантов.

Несколько минут все трое молчат. Наконец Панчук с трудом проглатывает большой кусок и сдавленным голосом равнодушно спрашивает:

— *Что, брат, дневалишь?*

Он и без того отлично знает, что Меркулов дневалит, и предложил этот вопрос ни с того ни с сего, без всякого интереса; просто так себе, спросилось (А. Куприн).

Стилистическая функция

В зависимости от типа дискурса и его участников языковая система реализуется в том или ином ее варианте. Языковые формы прямо или косвенно информируют нас о категории коммуникативной ситуации, в которой они задейство-

ваны как носители сообщений. В этом и заключается сущность стилистической функции языка.

Стилистическая маркированность касается единиц разных уровней языка — фонем, морфем, лексем, предложений, ср. реализацию разговорного стиля фонетическими средствами: *Я, Лидья Якольна, нахал!* (Н. Заболоцкий). *Силового жонглера Рюмина в цирке звали «Ващета».* *Так он произносил мусорное словечко «вообще-то», вставляя его в свою речь кстати и некстати* (В. Ливанов). *Бу сделано* (В. Астафьев).

Стилистическая характеристика речи чрезвычайно важна в ситуациях перекодирования, когда речевой субъект выбирает такую подсистему стилистических средств языка, которая наиболее соответствует данному коммуникативному контексту [7: 353]. Покажем это на примере рассказа Аркадия Аверченко «Русское искусство». Русская актриса, оказавшись после революции 1917 года в эмиграции, работает служанкой в доме барона. Встретив на улице Константинополя старого знакомого (от лица которого и ведется повествование), она предается сентиментальным воспоминаниям:

— *Слушайте, простодушный! Очень хочется вас видеть. Ведь вы — мой старый милый Петербург! Приходите чайку попить.*

И вот герой появляется в доме барона:

— *Что угодно?*

— *Анна Николаевна здесь живет?*

— *Какая?*

— *Русская. Беженка.*

— *Ах, это вы к Аннушке! Аннушка! Тебя кто-то спрашивает.*

Раздался стук каблучков и в переднюю впригнула моя приятельница, в фартуке и с какой-то тряпкой в руке. Первые ее слова были такие:

— *Чего тебя, ирода, черти по парадным носят? Не мог через черный ход приттнуть?!*

— *Виноват, — растерялся я. — Вы сказали...*

— *Что сказала, то и сказала. Это мой кум, барыня. Я его допрежь в Петербурге знала. Иди уж на кухню, раздевайся там. Недотена!*

Передача и декодирование стилистической информации является нормой речевой коммуникации. Напротив, как утверждают специалисты в области нейролингвистического программиро-

вания [26: 76], некоторые формы патологии психики, например шизофрения, состоят в том, что субъект не в состоянии определить тип речевого контакта, идентифицировать коммуникативную ситуацию. Сознательное смешение стилей является одним из средств создания фaszинативного эффекта в текстах художественной литературы, СМИ и рекламы. Ср. отрывок из молодежной песни, в которой выступают элементы поэтического стиля — *девушка моей мечты*, и просторечия — *зараза*:

Ты отказала мне два раза.

«Не хочу!» — сказала ты.

Вот такая ты зараза,

Девушка моей мечты.

Этологическая функция

Этологическая (другими словами — эргономическая, эвристическая) функция языка наиболее редко обсуждается в лингвистической литературе, большинство исследователей ее вообще и не выделяет.

Сущность этологической функции языка состоит в том, что благодаря речевой деятельности говорящий организует дискурс, оптимизирует собственное поведение.

На уровне гипердискурса (т. е. таких категорий, как «общество», «государство», «партия», «фирма» и т. п.) язык играет роль фундаментального организатора деятельности общественных институтов — как в сфере внешней коммуникации, охватываемой понятием маркетинга [23: 16], так и в сфере внутренней коммуникации, т. е. внутри группы. Этологическая функция языка выступает в этом случае как институциональная.

В интерперсональных дискурсах частным случаем реализации этологической функции является употребление рекреационных операторов, т. е. вспомогательных языковых выражений, облегчающих решение говорящим определенных психологических или практических задач (Б. Ю. Норман называет это явление хезитацией, см.: [11: 192]). Таковы, например, вводные слова и выражения *видите ли...*, *так сказать*, *вот, как говорится* и т. п.

Примером реализации этологической функции могут быть разного рода вспомогательные речевые действия, которые носят бессознательный,

неинтенциональный характер. Например, человек, однажды неправильно набравший номер телефона, при повторном наборе начинает его проговаривать. Подобная ситуация наблюдается в детском возрасте, когда при решении сложных практических задач ребенок прибегает к проговариванию, что было описано Л. С. Выготским [3, Т. 6: 23].

К области этологической функции языка следует отнести и явление, известное под названием эхолоалии — многократного повторения одних и тех же реплик с целью их закрепления в памяти. Чаще всего эхолоалия выступает в детской речи — таким образом усваивается структура языка.

Когнитивная функция

Когнитивная (или познавательная, аккумулятивная, гностическая) функция языка заключается в том, что в форме и структуре языковых единиц и языковых категорий хранится информация о мире, тем самым благодаря знанию языка его носители получают доступ к конвенциональной, выработанной данной культурной традицией картине мира, т. е. системе концептов и стереотипов, относящихся к окружающим предметам (в том числе и лицам), действиям, состояниям, событиям, свойствам и процессам.

В системе языка когнитивную функцию наиболее полноценно выражают единицы лексического уровня — лексемы и фразеологизмы. Каждая усвоенная лексическая единица означает квант информации о мире.

В основе когнитивных исследований лежит обоснованный в русле психологического языкознания XIX века тезис о мотивационной природе языка, т. е. обусловленности его внутренней структуры психическими процессами, происходящими в сознании и подсознании языковых субъектов. Во второй половине XX века, как пишет В. З. Демьянков [4: 21], в мировом языкознании произошла «когнитивная революция», сущность которой состоит в распространении интерпретативного подхода к описанию знаковых систем.

Креативная функция

Креативная функция языка реализуется в силу действующего в каждой культуре языко-

вого детерминизма, т. е. воздействия структуры языка, в первую очередь его лексических категорий (которые Э. Сэпир называл «концептуальными»), на познание и поведение языковых субъектов.

Креативная функция языка проявляется, в частности, в лексикализации грамматических значений, например, в явлении персонификации значений грамматической категории рода [15]. В качестве примеров можно привести женский образ смерти в русской народной мифологии, основанный на грамматическом значении женского рода существительного *смерть*, или мужской образ смерти в немецкой мифологии — в немецком языке существительное *der Tod* мужского рода.

Существительное *Kunst* в немецком языке, напротив, женского рода, поэтому нет ничего удивительного, что на картине *Die freien Künste* («Свободные искусства»), которую видят посетители принадлежащей семье Круппов виллы Хюгель в Эссене, искусства представлены образами прекрасных женщин. Впрочем, эта традиция в изобразительном искусстве имеет античное происхождение: в латыни существительное *ars* 'искусство' — женского рода.

Влиянием грамматической категории рода можно объяснить название известной книги Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо», а также строки из стихотворения Булата Окуджавы: *Любили женщину одну — / Она звалась Победа*. Другим интересным примером такого рода является функционирование в разных европейских языках существительного *звезда*. В русском и в польском языках оно относится к словам женского рода, в немецком языке (*der Stern*) — к словам мужского рода. Не случайно в русском языке (особенно в поэтических текстах) *звезда* выступает символом любимой женщины.

В немецком языке существительное *Stern* имеет несколько иную символику: в немецкой поэзии XVII–XIX вв. оно, главным образом, символизировало женщину как объект любовных переживаний, но в XX веке выражение *Du bist mein Stern* превратилось в топик женской поэзии и больше ассоциируется с мужчиной. В поль-

ском языке реже, чем в русском, существительное *gwiazda* ‘звезда’ выступает с эротической символикой — видимо, под влиянием религиозной традиции (о символике звезды в христианском богословии см.: [14: 996]).

Конститутивная функция

Конститутивная функция реализуется по отношению к языковым ситуациям и означает статус языка в социальной структуре общества, в частности — его административный статус.

Так, в бывшей Югославии (СФРЮ) сербско-хорватский язык имел статус одного из государственных языков (кроме словенского и македонского), а также употреблялся в речи на территории четырех республик: в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, а также в Черногории. После политических событий 80-х и 90-х годов прошлого столетия стали формироваться две независимые литературные нормы — сербская и хорватская; сфера функционирования этих языков сузилась и теперь они обладают преимущественно моноэтническим статусом.

В зависимости от социокультурного ранга, а также от спектра функционирования этнические языки обладают разными конститутивными свойствами. С учетом этих свойств можно представить несколько оппозиций языковых систем (см.: [10: 130 и след.]):

- 1) кодифицированные (письменные) — не кодифицированные (устные);
- 2) интердиалектные — диалектные;
- 3) литературные — нелитературные;
- 4) полиэтнические (употребляемые несколькими народами) — моноэтнические;
- 5) государственные (официальные, конституционные, национальные) — негосударственные (местные, региональные, языки национальных меньшинств);
- 6) документные (языки, на которые в официальном порядке переводятся резолюции Государственной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН) — полудокументные;
- 7) пророческие (профетические, сакральные, апостольские, например: ведийский, древнееврейский, древнегреческий, классический араб-

ский, веньянь и др.) — непророческие (народные, vernaculae);

8) язык как вспомогательное средство при обучении другому языку — язык, на котором ведется преподавание, — язык как учебный предмет.

Интерлингвистическая функция

Интерлингвистическая функция состоит в воздействии одной языковой системы на другую (на другие). Можно различать несколько типов обусловленности языковых изменений:

- 1) контактные — неконтактные;
- 2) однонаправленные — взаимные;
- 3) конвергенционные — дивергенционные.

Результатом языковых контактов (в рамках определенного культурно-географического ареала) обычно является интерференция языковых систем — проникновение элементов одного языка в систему другого, и наоборот. В условиях неконтактного взаимодействия интерлингвистическую функцию выполняют языки, имеющие высокий культурный статус, например классические языки.

Чаще всего взаимодействие языков имеет однонаправленный характер, как это наблюдается при экспансии латыни в средневековой Европе, французского языка в XVII–XIX вв. или английского языка в XX веке — первой декаде XXI века (см.: [28: 105; 24: 23]).

Языковая дивергенция обычно проявляется в условиях центробежных социально-политических процессов. С таким явлением мы имеем дело в странах бывшего Советского Союза и бывшей СФРЮ: начиная с 90-х годов XX века в бывших республиках проводится (официальная или неофициальная) языковая политика, целью которой является децентрализация языка. Например, в белорусских оппозиционных изданиях, особенно в Интернете, культивируется альтернативная по отношению к официальной литературная норма белорусского языка, в значительной степени основанная на экспансии полонизмов [8; 23]. Подобными же процессами можно объяснить и возникновение в конце прошлого столетия боснийского литературного языка [21: 72 и след.].

Заключение

Представленная в статье модель функций имеет несколько особенностей: 1) учитываются экспликативные функции, т. е. такие, которые заключаются в использовании языковых знаков в качестве носителей информации; 2) учитывается инструментальная («медийная») природа языка, т. е. функционирование языковых знаков как средств реализации действий, например магических или политических; 3) система функций языка, в принципе, имеет открытый характер: с учетом новых отношений языка и элементов его окружения (среды) могут появляться новые функции. Это приводит нас к заключению, что язык является не только системой систем, как подчеркивали теоретики структурализма, но и элементом в системе культуры, которая во многом определяет содержание и направления функционирования языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Р. Т. Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы. М., 1980.
2. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Аксиомы теории коммуникации // Межличностное общение / Ред. Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. СПб., 2001. С. 12–25.
3. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982; Т. 6. Научное наследство. М., 1984.
4. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
5. Еромоленко С. С. Язык тоталитаризма и тоталитаризм языка // Мова тоталітарного суспільства / Ред. Г. М. Яворска. Київ, 1995. С. 7–15.
6. Карпова С. Н., Колобова И. Н. Особенности ориентации на слово у детей. М., 1978.
7. Киклевич А. Притяжение языка. Т. 1. Семантика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика. Olsztyn, 2007.
8. Кіклевіч А. К., Пацехіна А. А. Беларуская літаратурная норма: дынаміка і інавацыі (на матэрыяле сучаснага беларускага друку) // Slavia Orientalis. 2000. Вып. 49. № 1. С. 93–105.
9. Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985.
10. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: Учеб. пос. М., 2001.
11. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
12. Норман Б. Ю. К социо- и психоллингвистической интерпретации некоторых стереотипных реплик в стандартных ситуациях // Русский язык. Минск, 1988. Вып. 8. С. 87–92.
13. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
14. Словарь библейского богословия / Ред. К. Леон-Дюфура. Брюссель, 1974.
15. Успенский Л. Слово о словах. Л., 1971.
16. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986.
17. Abercrombie D. Elements of General Phonetics. Edinburgh, 1967.
18. Agryle M. Social Interaction. London, 1969.
19. Bralczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. Kraków, 1986.
20. Communication in Face to Face Interaction / Eds. J. Laver, S. Hutchesson. Harmondsworth, 1972.
21. Hofman-Pianka A. Socjolingwistyczne aspekty współczesnego języka bośniackiego. Kraków, 2000.
22. Kiklewicz A. Podstawy składni funkcjonalnej. Olsztyn, 2004.
23. Komunikacja marketingowa: instrumenty i metody / Red. B. Szymoniuk. Warszawa, 2006.
24. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Köln, 2005.
25. Skalski T. Sprawcza funkcja języka. Z zagadnień naturalizacji umysłu i języka. Łódź, 2002.
26. Walker W. Przygoda z komunikacją. Gdańsk, 2001.
27. Wasilewski J. Retoryka dominacji. Warszawa, 2006.
28. Zimmer D. E. Sprache in Zeiten ihrer Unverbesserlichkeit. Hamburg, 2005.

Е. Е. Хазимуллина

О ВАРИАНТАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ АСИММЕТРИИ ЯЗЫКОВОЙ И КОГНИТИВНОЙ КАРТИН МИРА В УСЛОВИЯХ ПОЛИЛИНГВИЗМА

ELENA E. HAZIMULLINA

ABOUT THE TYPES OF OVERCOMING OF ASYMMETRY
OF THE LANGUAGE AND COGNITIVE PICTURES OF THE WORLD
IN THE CIRCUMSTANCES OF POLYLINGUISM

**Елена Евгеньевна
Хазимуллина**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, докторант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета
► lenahk@gmail.com

В статье рассматриваются два варианта преодоления асимметрии между языковыми системами и концептуальными картинами мира в полилингвистической и поликультурной ситуациях взаимодействия. Один из них — заимствование тюркских слов региональным вариантом русского языка в Башкортостане. Другой вариант — контаминация русских и башкирских языков в двуязычной и многоязычной речи говорящих. В статье показывается, что массовые заимствования приводят к нивелированию языкового разнообразия.

Ключевые слова: языковая картина мира, когнитивная картина мира, полилингвизм.

The paper deals with two types of the compensating for asymmetry between language systems and conceptual pictures of the world in polylingual and polycultural interaction situation. One of them is the adoption of the Turkic words by the regional variant of the Russian language in Bashkortostan. The another type is the blending of the Russian and Bashkir languages in a bilingual and polylingual speakers's speech. It's shown that the mass adoptions lead to leveling of the language variety.

Keywords: language picture of the World, cognitive picture of the World, polylinguism.

Вот уже более двухсот лет проблемы взаимодействия и взаимовлияния языков находятся в поле зрения лингвистов. В данном исследовании взаимодействие языков осмысливается сквозь призму задач и терминологического аппарата когнитивной лингвистики, в частности рассматриваются социальные, психологические и собственно лингвистические факторы вариантного формирования языковых картин мира вследствие потребности говорящих погасить «когнитивный конфликт» в процессе межкультурной коммуникации полилингвального региона (на примере Республики Башкортостан).

Поликультурная и полиязыковая среда способствует формированию в сознании большинства граждан стран СНГ сложных когнитивных пространств, характеризующихся конфигурацией гетерогенных элементов и моделей познания. «Этнокультурносинкретичные» карти-

ны мира складываются в результате активного социально-политического, экономического, культурного и бытового взаимодействия различных народов — естественным образом (при условии толерантности), а также под влиянием регулирующей деятельности государств (проводимой национальной, языковой политики, идеологических, образовательных и др. мер).

В стремлении адекватно выражать свои мысли, во избежание неудач в межкультурной коммуникации говорящие вынуждены компенсировать подобную асимметрию тремя традиционными способами: 1) созданием новых единиц, называющих релевантные элементы синкретичных когнитивных пространств, путем комбинации наличных ресурсов родного языка; 2) заимствованием наиболее пригодных средств контактирующих языков; 3) контаминацией элементов разных, в том числе разноструктурных, языков. Как известно, все эти процессы могут быть стихийными, бессознательными или же целенаправленными, осознанными; они могут приводить к положительным и к некоторым негативным последствиям. Например, неудачная номинация с помощью ресурсов родного языка может отвергаться говорящими и усиливать тенденции заимствования иноязычных элементов; с другой стороны, массовые разноуровневые заимствования чреватые языковой ассимиляцией и смешением языков. Не случайно явления интерференции, трансференции, калькирования, варваризации и пуризма характеризуются не только научной, но и непреходящей общественной значимостью (достаточно упомянуть, например, античные учения о «порче» языка, дискуссии славянофилов и западников, а также пуристскую просветительскую и речетворческую деятельность нашего современника — М. Эпштейна и его последователей).

Приспосабливаясь к различным условиям функционирования в регионах Российской Федерации, русский язык как средство межнационального общения, не разрушая своего тождества, варьируется, принимая элементы иных языков, тесно взаимодействующих с ним в общем коммуникативном и социокультурном пространстве. Так, на территории Республики Башкортостан

в ситуации естественного полиязычия складывается особый региолект (региональный вариант русского языка; ср.: [4: 13]), используемый русскоязычными монолингвами в устном общении с носителями башкирского, татарского и др. языков. Означивание адаптированных сознанием говорящих элементов тюркской культуры в данном региолекте закономерно осуществляется с помощью тюркской лексики: заимствуются наименования географических и уникальных социальных объектов, предметов быта (блюд, напитков, одежды, утвари и т. п.), животных, рыб, растений, видов местности, явлений культурной жизни тюрков (их религиозных верований, обрядов, традиций, родственных, общественных отношений) — в основном существительные. Так, в различные периоды истории русским языком были освоены тюркизмы *айда, аркан, бай, байрам, барс, башка, башлык, беркут, буран, бурундук, деньги, кабан, кайма, карагач, каракули, каракуль, карандаш, колпак, колчан, кумач, кумыс, курган, куркуль, кушак, лошадь, майдан, медресе, сундук, табун, тюбетейка, тюк, тюрьма, тюфяк, юрта, яшма; (не смыслит / не понимает) ни бельмеса*, ср. тат. *белмәстән* ‘не зная; вслепую’), *баш на баш, кирдык башка* и мн. др. Процесс адаптации подобных наименований не только русским региолектом Башкирии, но и всем русским языком продолжался в течение нескольких веков, поэтому их «иноязычность» практически не осознается говорящими. К «недоосвоенным» тюркизмам, также компенсирующим асимметрию языковой и когнитивной картин мира, относятся этнографизмы, называющие специфические явления жизни тюркоязычных народов, «иноязычные вкрапления» и относительно поздние заимствования: *батыр, мулла, имам, хаер, ураза-байрам, никах, курултай, кунак, Кыш бабай, айран, корот, каймак, буза, самса, кыстыбый, баурсак, беишбармак, кумган, аптарган / аптраган* и т. п. Наиболее широкий список тюркизмов русского языка, включающий региональные и диалектные наименования, содержит известный словарь Е. Н. Шиповой [11] (см. также труды Н. А. Баскакова, Н. К. Дмитриева, И. Г. Добродомова, Э. М. Ахунзянова, В. Д. Аракина, Г. С. Амирова и др. исследователей).

В состав русского региолекта Башкортостана закономерно входят и уникальные имена собственные, активно употребляемые населением республики: «Ханум» (ресторан в г. Уфе), «Тамыр» (детская киностудия Башкортостана), «Кургазак» (название минеральной воды), «Шайтаночка» (марка водки), «Уныш», «Темле» (наименования сортов хлеба) и др. В речи можно встретить следующие их реализации: — *Ты где живешь? — На Юрюзани;* — *Куни «Темле», он вкусный.*

Все эти единицы встраиваются в ментальность носителей русского языка, вживляя в нее образы тюркской культуры, ее онтологии и гносеологии. Они входят в различные языковые поля, наделяются определенным статусом, значимостью, становятся способными к семантическому и формальному деривационному развитию, обогащая русский язык интригой лексической конкуренции. Вторичные значения образуют, например, заимствования *калым* — лит. 'выкуп за невесту', разг. 'подработка' (конкурирует с разг. *шабашка*, образованным на базе др.-евр. *шабаши*); *карга* — диал. 'ворона', диал., лит. 'злая старая женщина' (синонимы — исконные слова *ведьма*, *Баба-яга* и др.); *кабан* — лит. 'свинья', разг. 'крепко сложенный мужчина' (ср. рус. *здоровяк*), жарг. *кабан* '600-й Мерседес' (ср. жарг. *мерс*, *мерин*). Прилагательные, наречия и глаголы чаще образуются на базе заимствованных существительных с помощью средств русского языка: разг. *закадычный* 'надежный', разг. *калымить* 'подрабатывать', разг. *калымщик* 'тот, кто калымит', разг. *табуниться* 'собираться толпой, держаться группой'. От тюркского прилагательного *якши* 'хороший' образуется разговорный глагол *якшаться* 'быть в хороших отношениях с кем-либо' → 'дружить, знать (с кем-либо)'.

Русскими монолингвами, в целях установления контактов с тюркоязычным населением, часто используются, в основном шуточные (или ироничные), фразы типа *Как халляр / Как халляр-малляр?*; *Аллабирса хорошо / Дела идут Аллабирса хорошо; Полный кирдык!*; *Рахмат тебе большой!*; *А мне барыбер!*; *Какая красивая кызымка!*; *Ну, девушка просто зур матур!*; *Так, кызымка, много не шали!*; *А что, азык-тулек уже закрыли?*

У тебя деньги бар или юк?; *Пойдем сегодня в китапхану?*; междометные высказывания: *Уф / Ай, Алла!*; *Екарны бабай!*; диффузные, «игровые» наименования — *шурум-бурум, фалян-туган, берабара*; дублетные: *чайхана, китапхана, кунакхана, нанайка, картатайка, малайка, кызларки* и т. п. Очевидно, что «гетерогенные социально-коммуникативные системы», по терминологии А. Д. Швейцера [10], неизбежно включают в себя «символьные» единицы [5], сигнализирующие о принадлежности говорящего к данной многонациональной общности.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что доля тюркизмов в исследуемом региолекте гораздо весомее по сравнению с вариантами русского языка, бытующими, например, в центральной части России, не подверженной столь активному влиянию тюрков. Многие из подобных единиц нашли свое отражение в словарях, составленных лингвистами Башкортостана (см.: [1; 8], а также работы Т. М. Гарипова, К. З. Закирьянова, А. П. Майорова и др.). Основной путь заимствования тюркизмов в русский региолект Башкортостана — прямое, активное общение с тюркоязычными билингвами и полилингвами. Важнейшее условие этих процессов — толерантное в целом отношение русского населения к языкам и культурам других народов республики (о различных типах толерантности в изучаемом регионе см.: [9]). Таким образом в некоторой степени выравнивается соотношение неязыкового содержания мышления русских, обусловленного инокультурным влиянием, и их родного языка; при этом объем заимствованных тюркских элементов (около 4 % относительно общего числа заимствований из других языков), с нашей точки зрения, не может дестабилизировать данную языковую систему. Однако, с учетом введения с 2006 года обязательного изучения башкирского языка во всех образовательных учреждениях республики, тенденции заимствования тюркизмов в русский региолект будут сохраняться.

Более значительному воздействию со стороны русского языка как средства межнационального общения подвержены тюркские и другие языки республики. Преобладающее

в Башкортостане русско-национальное двуязычие в силу влияния ряда экстра/интралингвистических факторов, в том числе «конфликта когнитивных систем», имеет тенденцию к трансформации в «смешанный язык с двумя терминами». Наглядной иллюстрацией данного феномена могут служить, например, всевозможные комбинации гетерогенных, свободно варьирующихся репрезентантов семантической модели «я люблю тебя»: *Мин hine люблю; Мин тебя люблю; Мин тебя яратам; Я тебя яратам; Мин hine любить итэм*. По замечаниям наших респондентов, в своей речи они используют некий «русско-башкирский язык», однако этот процесс чаще всего не является осознанным. Включение иноязычных элементов в родную или же, напротив, неродную речь билингов и полилингов может составлять 50 % (при средней длине фразы — 4–8 слов), например: *Безгә кисә, что задавали?; Гин касан приедешь домой?; У вас бармы соленый балык?; Надоело уже укырга ла укырга; Миңә шулай охота что-нибудь сделать*.

Русская лексика в данном случае используется наряду со средствами родного (этнического) языка для обозначения элементов единого семантического ряда. И здесь имеет место не только «когнитивный конфликт», т. к. часто русскими замещаются башкирские наименования действий и состояний (*пойдем, поедешь, привезти, смотреть, гулять, кончиться, слушаться, опоздать, напугать, проспала, учиться, звонить, отстань, давай, (не) забывай, (не) ожидала, понял, виноват, (не) готова*), предметов и явлений (*комната, книга, картина, суп, кольцо, деревня, магазин, утренник, воздух, пример, дело, настроение*), степени уверенности / неуверенности говорящего в происходящем (*навверное, конечно, вряд ли, вроде, неужели*), логические операторы речи (*вообще, вообще-то, значит, тоже, даже, потому что, но, все-таки, если... то*), этикетные формулы (*пожалуйста, извини*). Приходится констатировать, что это общеупотребительная лексика, имеющая аналоги в башкирском языке. Частотны также русские слова со стилистической окраской разговорности и/или эмоциональности: *книжка, спичка, елка, елочка, звездочка, солнышко, окно*

(*перен.*) ‘временной промежуток между занятиями’; слова-паразиты, характерные для современной русской речи: *короче, блин, значит, типа, реально* и т. п.

Реже замещаются башкирские наименования лиц по родству (*инэй, кызым, улым, апай, атай*), местоимения (*мин, миңә, минән, һин, һиңә, без, безгә, үзем*), наречия (*тиз* «быстро», *тизерәк* «быстрее», *һэйбәт* «хорошо, замечательно», *һыуык* «холодно», *барыбер* «безразлично», *касан* «когда», *бер касан да* «никогда», *иртә* «рано», *кисә* «вчера», *бөгөн* «сегодня», *иртәгә* «завтра», *кайза* «куда, где», *кайзан* «откуда», *шунан* «оттуда») и числительные (*бер* «один», *ике* «два», *биш* «пять»). По-видимому, все эти единицы входят в состав базового уровня категоризации башкирского языка. Не поддаются субституции и «культуроносные» наименования, выполняющие, по определению В. А. Аврорина, магическую функцию, типа *Аллага шөкөр, Алла бирһә*. Воспроизводятся в готовом виде или же контаминируются устойчивые сочетания обоих языков: *Надоело уже укырга ла укырга; Где будешь встречать Яңы йыл?; Мы вчера День учителя байрам итеп; Тышиты шундай свежий воздух; Бында инде будь добр; Ышанмаһан ышанма дело твое* (ср., однако: *Одна нога здесь, икенсеһе там*).

Смешение языков проявляется и в парадоксальных, но достаточно активных процессах образования «новых» слов по моделям русского языка типа *кызым-к-а, нәзек-ск-ий, на-примерга, алты-к-а, яндыр-галк-а, йонд-ызд-очк-а* и т. п. Данные наименования получают русифицированное же морфологическое оформление. Особый интерес представляют типичные для речи билингов и полилингов трансформации способов выражения грамматических значений: 1) аналитические формы глагола, в которых основное и / или дополнительное действие называется с помощью русского инфинитива: *Он сегодня звонить итте* («звонил»); *Мин hine любить итэм* («люблю»); *Әйзәгез тышита гулять итеп киләйек* («давайте гулять пойдем», ср. *киләбез*); *Иртәгә опоздать итеп киләм* («приду с опозданием»); *Ты мне һөйләшергә мешать итмә* («разговаривать не мешай»); 2) синтетические «башкирско-

русские» формы: *Ты что на меня так карайыш?* («смотришь» — *карайһың*).

Влияние русского языка на башкирский прослеживается также в области фонетики (приближается к русскому произношению специфических гласных [э], [ө] и согласных [h], [з], [ç], [к], [ң] башкирского языка, особенно в ускоренном потоке речи, что находит отражение и в письменной речи наших респондентов). Частично русифицируется и синтаксис, в частности, нарушается порядок слов, частей сложноподчиненного предложения: *Короче, һин хезер базарға; Позвони мне иртәгә; Мин бит тебе сказала, что бөгөн не пойду.*

Результаты проведенных нами психолингвистических экспериментов позволяют судить о наличии особых, межъязыковых, парадигм, характеризующих сознание билингвов и полилингвов региона: *ярар — эйбәт — булһын — ладно — хорошо — о'к — all right; йорт — дом (юрта, изба, хижина, хата, чум) — home, house; китап — книга — book; барыбер — бирбар — все равно — до лампочки — по барабану — пофиг — по фене — наплевать* и т. п. Элементы подобных парадигм характеризуются свободной взаимозаменяемостью в речи; основным фактором, регламентирующим их реализацию, по нашим наблюдениям, является сфера или ситуация общения. На наш взгляд, это и есть «термины смешанного языка», о которых писал Л. В. Щерба [13; 12]. Более тесной связью в данных парадигмах и частотностью употребления в речи характеризуются, конечно, башкирские и русские наименования.

Таким образом, в процесс взаимодействия оказываются вовлеченными все уровни башкирского языка. Приведенные факты имеют как социокультурное обоснование (высокая языковая плотность, межэтнические браки, урбанизация, влияние прагматизма на статус родного языка в сознании индивида, толерантное отношение к неродным языкам etc.), так и собственно лингвистическое: действие универсальной тенденции к экономии средств выражения мыслей говорящего (по мнению наших респондентов, фонетика русского языка «проще», морфемная структура слов более емка, слова короче), полифункциональ-

ность русского языка и слабое знание билингвов взаимодействующих языков, особенно их литературных вариантов. Третьим мощным фактором влияния на башкирский язык становится достаточно проработанная категоризация современной действительности средствами русского языка (в том числе с помощью единиц иноязычного происхождения), фиксирующего не только бытовую, мифологическую, религиозную, философскую, художественно-поэтическую, но и научно-техническую картины мира. Как справедливо отмечает В. Ю. Михальченко, «двухязычие помогает восполнить языковой дефицит» [6], однако количество таких «восполнений» постепенно изменяет качество языковой реальности.

Условия каждого конкретного коммуникативного акта создают дополнительное, «наслаивающееся», по определению Дж. Гамперца, варьирование (см.: [3]), влияют на оформление речи исследуемой категории говорящих. Например, в общении с русскоязычными монолингвами билингвы и полилингвы используют по возможности русский язык (со «слабыми» или «сильными» интерферентными явлениями), при этом усиливается их речевой контроль. К сожалению, в устной речи, которая в основном исследовалась нами, нет протяженных связных текстов. Но и данный материал в целом показывает, что постоянное противоборство двух «разноязычных реакций» в сознании таких говорящих приводит к постепенному смешению гетерогенных языков.

Бесспорно, дивергенция и конвергенция — естественные пути языкового развития. Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ в своей статье «О смешанном характере всех языков» (1901) указывал на то, что «нет и не может быть ни одного чистого, не смешанного языкового целого» [2: 63], и Б. А. Серебrenников вместе с другими учеными хорошо показал это на широком фактическом материале [7]. Однако в свете сказанного следует заключить, что процессы глобализации, а значит, и компенсации асимметрии когнитивных и языковых картин мира путем массового заимствования, способствуют нивелированию многообразия языков и культур мира. Поскольку, как отмечал Г. Шухардт, «возможность языкового смешения

не знает никаких ограничений», в целях сохранения языкового богатства Башкортостана необходимо качественное, сознательное изменение уровня речевой культуры говорящих. Заимствование должно быть обоснованным. Выбирая в речи новое, иноязычное, наименование, возможно, более яркое, экспрессивное, точное средство выражения наших мыслей, следует понимать, что оно может целиком вытеснить старое, исконное. Язык является, конечно, самоорганизующейся системой, но его функционирование и развитие определяются главным образом экстралингвистическими факторами, укрепляющими или же, напротив, ослабляющими его жизнеспособность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аюпова Л. Л. Лексика народов Башкортостана в русской речи. Уфа, 1994.
2. Бодуэн де Куртене И. А. Избр. труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963.
3. Гамперц Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. 8. Социолингвистика. М., 1975. С. 299–319.

4. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.
5. Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М., 1989.
6. Михальченко В. Ю. Функционирование языков в разных сферах национальной культуры: социолингвистическая норма // III Международная конференция «Язык и культура»: Пленарные доклады. Т. 2. М., 2005. С. 40.
7. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1970.
8. Словарь русских говоров Башкирии. Вып. 1–3. Уфа, 1997–2003.
9. Хазимуллина Е. Е. Толерантность как субъективный фактор языковой ситуации (на примере Республики Башкортостан) // Вопросы филологии. № 2 (23). 2006. С. 19–23.
10. Швейцер А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 39–48.
11. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
12. Щерба Л. В. К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 313–318.
13. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 60–74.

[хроника]

ВЫСТАВКА ФОТОРАБОТ ЮРИЯ РОСТА

Вслед за «Московским домом фотографа» в Петербургском Манеже прошла выставка фоторабот Юрия Роста — «Групповой портрет на фоне века».

— Как люди попадают в ваш объектив? — задал Юрию Росту вопрос журналист, взявший у него интервью.

— Для меня важно, чтобы человек был хорошим — вот и всё. Никто из них не герой, это просто достойные люди. Я не снимаю тех, кто мне несимпатичен».

Сегодня, когда XX век начинает дистанцироваться от нас и когда отчётливее проступают его жестокие контуры, становится так необходимо увидеть в нём достойных людей, внушающих уверенность в разумном и добром начале жизни. На портретах, которые сопровождаются авторскими заметками (хочется сказать — небольшими очерками), люди разных возрастов и занятий:

учёные и поэты, художники и музыканты, те, кто на фоне «взрывов, пулемётных очередей, грохота землетрясений» несли «чистый звук времени», и портреты участников войны, таких, как рядовой Богданов, который «Когда надо было стрелять — стрелял, когда на проволоку лезть — лез, когда брести по грудь в ледяной воде — брёл...», портреты жителей деревни, хранящие её дух, уже уходящий, рабочие, женщины, «что таскают рельсы, кладут асфальт, месят бетон», дети со своими горестями и заботами и просто симпатичные люди, наши современники, с ощущением радости своего бытия. Выставки Юрия Роста пройдут и в других городах. Мы желаем нашим читателям встречи с этим замечательным журналистом, с увиденным им миром людей думающих, творящих, скромно и спокойно делающих своё человеческое дело.

К. А. Рогова

Н. Ш. Галлямова

КОММУНИКАТИВНО-ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

NURIA S. GALLIAMOVA

COMMUNICATIVE-INTENTIONAL DICTIONARY: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

В работе рассказывается о новом типе активного словаря — интенционально-коммуникативном. Основная задача этого словаря — дать функционально-прагматическое описание речевой коммуникации: от интенции, коммуникативного намерения, до ее реализации при помощи различных средств, предоставляемых языком. В статье дается содержательная характеристика словаря, раскрываются его научно-теоретические основы.

Ключевые слова: лексикография, антропоцентрические словари, лексикографическое портретирование, интенция, реализация коммуникативного намерения.

The article tells about a new type of active dictionary — intentional-communicative, the basic task of which is to describe functional and pragmatic aspects of the functioning of speech: from intention of the communicative intent to its realization using various language methods. The article describes the content characteristics of the dictionary, scientific and theoretical base of research.

Keywords: lexicography, anthropocentric dictionaries, lexicographic portraiting, intention, realization of communicative intention.

**Нурия Шайхразиевна
Галлямова**

Кандидат педагогических наук, доцент Башкирского государственного университета
► gal-nuriya@yandex.ru

На протяжении ряда лет¹ автор работает над созданием активного прагматического словаря — коммуникативно-интенционального, основная задача которого — дать практическое, системное описание коммуникативных потребностей общающихся. Направление описания — от интенции, коммуникативного намерения к языковым и речевым средствам ее реализации. Выбор в качестве единицы описания речевой интенции обусловлен значимостью данного компонента в структуре коммуникативного акта. Именно с него начинается общение, речевая деятельность вообще: не будет мотива, интенции — не состоится и сам акт коммуникации — в нем просто не будет надобности.

Работа над словарем выполняется в русле нового направления лексикографических исследований — антропоцентрического. Наиболее полно идеи антропоцентрической лексикографии представлены в работах Ю. Д. Апресяна, В. Н. Телии, Ю. Н. Караулова и др.

Каждая интенция представляет собой сложное системное образование, в котором отражается как собственно языковая, так и когнитивная, ментальная сущность. Мы предлагаем интегральное комплексное описание интенций, включающее: 1) анализ средств номинаций интенций; 2) описание условий успешности: семантических, прагматических и иных правил их функционирования; 3) описание и систематизацию возможных способов речевой реализации данной интенции с учетом

различных ситуативных переменных. Думается, что подобный подход позволит получить наиболее полный речевой «портрет» соответствующего коммуникативного акта, даст пользователю полную информацию о специфике его функционирования в процессе реальной коммуникации.

Кроме принципа интегральности и комплексности в основе построения словаря реализуются принципы активности и системности, принцип ориентации на реальную речевую деятельность, представленную в «наивной» языковой картине мира носителей данного языка. Перечисленные принципы составляют теоретическую концепцию словаря и определяют тот качественный и количественный объем информации, который должна содержать каждая словарная статья.

Актуальность исследования определяется неизменным интересом к проблемам порождения и функционирования речевой деятельности, неразработанностью многих вопросов, связанных с процедурой лексикографического описания семантических и прагматических аспектов речевого общения. Словарь может использоваться в переводческой деятельности, в практике обучения русскому языку как неродному и иностранному, в качестве содержательной основы учебников, ориентированных на коммуникативное обучение.

Следует сказать, что идея создания подобного словаря не нова; посылки к его созданию намечены в научной литературе. Так, можно назвать работы Н. И. Формановской и А. А. Акишиной, где с грамматических и риторических позиций описаны устойчивые речевые формулы приветствия, обращения, знакомства, просьбы, извинения и др., словарь русского речевого этикета А. Г. Балакай. Близок к нашему пониманию замысел создания «Обыденной риторики» Т. В. Шмелевой, предполагающий описание правил пользования языком в повседневном общении, работы самарских коллег в области создания энциклопедии речевых жанров², проект словаря коммуникативов И. А. Шаронова, работы А. Р. Арутюнова и П. Г. Чеботарева и др.

Все эти исследования представляют собой разрозненные наблюдения, по существу, единого

явления, что свидетельствует о важности рассматриваемой проблемы, о необходимости всестороннего изучения данного вопроса и его теоретического осмысления.

Работа над словарем осуществляется автором поэтапно. На первом этапе нашей целью был отбор обозримого и хоть сколько-нибудь ограниченного списка интенций говорящего, параллельно была начата работа по выявлению и отбору языковых и речевых единиц, реализующих отобранные интенции в процессе коммуникации. Первый опыт систематизации полученных результатов был представлен в учебном коммуникативном словаре «Общаемся на русском языке» [2]. Второй этап является продолжением первого и включает в себя выявление и описание интенционально-семантических групп, интенционально-семантических полей. ИСГ включает в себя номинации интенций, различающихся прагматическими оттенками интенционального значения. Каждая из них характеризуется своим прагматическим контекстом — набором коммуникативных смыслов, более детально отражающим существенные признаки анализируемого речевого акта. Выделение и описание этих коммуникативных смыслов есть собственно второй аспект функционально-прагматического анализа интенций: выявление и описание условий и правил функционирования и реализации их в реальном процессе коммуникации. Это самая трудоемкая работа. Завершится она должна составлением собственно интенционального (коммуникативного) словаря.

Единица описания

Несмотря на особую роль интенции в процессе речевого общения, ее научное, психолого-методическое и, тем более, лексикографическое описание только начинается, хотя в последнее время наблюдаются значительные сдвиги в решении данной проблемы. Главная трудность изучения интенций заключается в сложности и уникальности самого объекта исследования. Начать хотя бы с того, что не до конца четко определено само понятие «интенция». Несмотря на то что ни одно из современных исследований, связанных с проблемами речевой коммуникации, не обходится

без употребления данного термина, однозначного определения ему не существует. Не останавливаясь подробно на истории вопроса, отметим наше понимание данного термина.

Известно, что понятие намерения (интенции) говорящего было введено в категориальный аппарат теории речевого акта последователями Дж. Остина с целью уточнения его идей относительно иллокутивного уровня анализа речевого акта. Высказываясь, мы хотим, чтобы собеседник понял не только *что* мы говорим, но также и *для чего, почему, с какой целью* мы так говорим. Эта воздействующая сила, с помощью которой высказывание и становится речевым действием в полном смысле этого слова³, получила название иллокутивной силы, реализуемой в иллокутивном акте. Последний представляет собой действие, совершаемое человеком в процессе речи и посредством речи. Каждый речевой акт соотносится с иллокутивной функцией и вне ее не существует. Поэтому тип иллокутивной функции (иллокутивной направленности) определяет и тип речевого акта. Типовая иллокутивная функция речевого акта включает в себя собственно иллокутивный потенциал и иллокутивную силу. Иллокутивный потенциал представляет собой совокупность коммуникативных возможностей, присущих отдельному высказыванию. Иллюстрируя данное положение, Е. В. Падучева приводит такой пример: высказывание *Ружье заряжено* может быть употреблено с иллокутивной функцией «Сообщая тебе»; «Предупреждаю тебя»; «Я утверждаю»; «Я заметил», «Я угрожаю тебе» и т. д. Однако в конкретном речевом (иллокутивном) акте реализуется лишь одна из этих иллокутивных функций, представляющая собой иллокутивную силу данного конкретного речевого акта, совпадающую с реализацией коммуникативного намерения, интенцией говорящего [6: 226–231].

Итак, иллокутивная сила совпадает с коммуникативным намерением, интенцией говорящего. Если, например, при произнесении некоторого высказывания реализуется коммуникативное намерение извинения, то данное высказывание имеет иллокутивную силу извинения. Иными словами, интенция относится к иллокутивной

силе как значение к функции. В формуле речевого акта F/p/, предложенной Дж. Р. Серлем [8: 151], где F — иллокутивная сила высказывания, а p — пропозиция высказывания, суждение, коммуникативное намерение, интенция говорящего включается в F.

Лексикографическое описание интенций становится возможным в силу того, что интенции отражаются языковыми знаками так же, как любая другая конкретно наблюдаемая реальность. В настоящее время уже не является вольностью утверждение о возможности исчисления коммуникативных потребностей общающихся. Существует ряд работ, в которых практически одновременно с разных позиций решалась эта задача. В качестве примера можно привести диссертационное исследование автора, в котором проблема представления конечного списка коммуникативных потребностей общающихся решалась в учебных целях, а также диссертационное исследование Е. П. Савельевой⁴.

Функцию номинаций речевых интенций коммуникантов выполняют как глаголы⁵, так и существительные, отражающие различные аспекты речевого поведения. Тестом для выявления таких единиц является: а) наличие семы «говорить», т. е. идея речепроизводителя; б) обозначение процесса или продукта речевого действия, соотносимого с прагматическим типом иллокутивного акта (идея «речевого выражения»); в) направленность на адресата. Первые две семы для данных единиц обязательны⁶.

Анализ списка номинаций речевых интенций⁷ показал наличие в нем целых списков языковых единиц — интенционально-семантических групп (ИСГ), — объединенных между собой общностью категориального интенционального смысла, например: обещать, клясться, присягать, зарекаться и под. Каждая из этих единиц, представляя прагматический вариант исходной интенции, характеризуется своим набором коммуникативных характеристик, более детально отражающих существенные признаки анализируемой коммуникативной ситуации, и своими собственными средствами речевой реализации. Описание этих характеристик — наиболее важный аспект

анализа. Думается, что данная информация должна быть включена в словарную статью, поскольку знание именно этой информации создает вокруг интенции тот прагматический контекст, без которого невозможна корректная ее реализация в речи. Пользователь словаря должен получить целостное представление об условиях протекания речевого действия, обусловленного данной речевой интенцией.

В настоящее время автором описано более восьмидесяти ИСГ, ждут своего описания еще около ста. В сущности, функционально-прагматическое «портретирование» той или иной интенции — это отдельное самостоятельное научное исследование.

Ограниченные рамками статьи, приведем для примера функционально-прагматическое описание интенции «обещание, клятва».

ИСГ Обещание, клятва

Обещание, обещать, давать/дать обещание; обязательство, обязываться, давать/дать (брать/взять) обязательство; давать/дать честное слово, давать/дать слово; посул, сулить/посулить¹, пообещать; гарантия, гарантировать, заверять; ручательство¹, порука, ручаться, брать/взять на поруки, дать/давать поруку (уст.); клятва, клясться, давать клятву; божба, божиться, целовать крест; присяга, присягать, давать присягу; обет, давать обет; зарок, зарекаться, давать зарок, закаяться, закаиваться; заключать, держать пари, ударить (ударять)/бить по рукам; договор, заключать/подписывать договор; контракт, заключать/подписывать контракт; соглашение², заключать/подписывать соглашение; сделка, заключать/подписывать сделку; перемирие, заключать/подписывать перемирие, заключать/подписывать мир; договориться, сговориться, условиться; сговор², сговориться¹, заключить сговор²; сговор¹, сговорить, заключить сговор.

Родовой набор коммуникативных смыслов (условия успешности), объединяющих все интенции анализируемой ИСГ:

– говорящий (X), осуществляя определенное речевое действие, берет на себя обязательство перед слушающим (У) или перед самим собой совершить нечто (Р);

– пропозициональное содержание таких высказываний состоит в том, что говорящий (X) совершит некоторое будущее действие (Р) (сделает так, чтобы мир соответствовал словам);

– психологические состояния (условия искренности), выражаемые говорящим, заключаются в том, что говорящий собирается осуществить некоторое действие (Р);

– предварительные и существенные условия, необходимые для осуществления речевого акта «обещание, клятва», следующие: а) X в состоянии совершить Р; б) X считает Р полезным для У или для себя; в) X и У считают, что Р не относится к числу событий, которые произойдут сами собой.

Мотивом интенции X может быть: а) желание, просьба, требование У; б) затруднительная для У или для У и X одновременно ситуация, изменение которой предполагает участие X или У или их обоих одновременно; в) долг X перед У (X считает себя должным перед У или имеет с ним определенную договоренность).

«Обещание, клятва» — конвенциональный речевой акт. Конвенциональные установления (правила, законы, принципы, норм и т. п.), или социальная пресуппозиция данного речевого акта, включают следующие моменты.

1. Если X что-то обещает У, то между ними должна присутствовать некоторая степень знакомства (мы не можем обещать что-либо и тем более клясться в чем-либо совершенно незнакомому человеку).

2. Давая слово, говорящий берет на себя определенные обязательства перед адресатом по выполнению предполагаемого действия. Эти обязательства накладывают на говорящего определенную меру ответственности: в случае невыполнения обещания адресат имеет право принимать соответствующие меры: наказывать, стыдить, осуждать, предавать огласке неблагоприятный поступок (нарушение слова) говорящего и т. п.

3. Говорящий, в случае невыполнения обещания, может лишиться доверия, которым он пользуется у адресата, и не только у него, но и у окружающих: «Я знаю, что, если я не сделаю Р, люди не будут верить, когда я буду говорить,

что сделаю что-то». Это то, что в терминах примитивов сформулировано А. Вежбицкой [1] следующим образом: «Я знаю, что, если я не сделаю Р, люди не будут верить, когда я буду говорить, что сделаю что-то»⁹. Мы бы добавили: «... и будут осуждать или презирать меня за это».

Перечисленные смыслы относятся к тем общим знаниям, входящим в когнитивную базу, без которых невозможно успешное осуществление данного коммуникативного акта.

Видовой набор коммуникативных смыслов.

1. Фактор адресата. Ситуация реализации речевого акта «Обещание, клятва» в основном предполагает два обязательных члена: адресанта и адресата. При этом направленность речевого акта может быть различной. Есть интенции, которые могут обозначать как акт, где адресант и адресат — разные лица, так и акт, где адресант и адресат — одно и то же лицо — говорящий, т. е. поклясться, пообещать и дать слово можно и другому, и самому себе. К таким двунаправленным речевым актам относятся интенции *обещать, дать (давать) обещание, клясться, дать (давать) клятву, дать (давать) слово, обязаться, клятвенно обещать* и некоторые другие. Как правило, когда данные интенции направлены на самого адресанта, они сопровождаются конкретизаторами: *покаялся в душе, дал обещание самому себе, поклялся перед самим собой, пообещал самому себе* и под.: *В его душе будто бы странно сошлись страсть и ненависть, и он хотя и дал, наконец, после мучительных колебаний, согласие жениться на «скверной женщине», но сам поклялся в душе горько отомстить ей за это...* (Ф. М. Достоевский. Идиот).

К интенциям, где и автор, и адресат только одно лицо — автор, относятся интенции *закаяться, заречься* — «*дать себе слово, зарок не делать чего-либо впредь*»: *Помилуйте, я, говорит, теперь закаялся: капли в рот не беру* (Слепцов. Трудное время).

И, наконец, к интенциям, где автор и адресат только разные лица, и коммуникативный акт направлен только на адресата, относятся интенции *сулить, посулить, побожиться, божиться,*

присяга, присягать, обет, дать обет, поручительство, поручиться, гарантия, гарантировать, дать гарантию, заверять.

Кроме рассмотренных в данной ИСГ есть интенции, в которых направленность интенциональной силы «круговая», одновременная: когда каждый участник коммуникативной ситуации выступает одновременно и в качестве адресанта, и в качестве адресата. Это такие интенции, как *заключать/подписывать договор, контракт, соглашение, сделку, перемирие, договориться, сговориться, условиться, ударить(ударять)/бить по рукам, сговор2, сговориться1, заключить сговор2, заключать/подписывать мир, заключать, держать пари.* Общий интенциональный смысл данных интенций — «взаимное обещание (обязательства) сторон по отношению к чему-либо».

2. Статус говорящего и адресата. Выбор формальных языковых способов выражения обещания (прежде всего выбор перформативного глагола как показателя иллокутивной силы высказывания) диктуется совокупностью факторов социолингвистического характера: распределением коммуникативных и социальных ролей; характером отношений — официальные/неофициальные; ситуацией общения.

При несимметричных отношениях (когда $P_x > P_y$ или $P_x < P_y$) возможны не все речевые акты, мотивированные интенциями анализируемой ИСГ. Эти ограничения соблюдаются, в первую очередь, при официальных отношениях. Официальность обстановки общения характеризуется тем, что обязательным компонентом коммуникативной ситуации является должностное лицо, позиционно занимающее приоритетную позицию. Эта позиция не позволяет говорящему, например, *божиться, клясться, давать зарок, давать обет, сулить, заключать пари, зарекаться: *Начальник побожился перед сотрудниками...* Это не логическая и не языковая аномальность, это пресуппозитивная неправильность, когда происходит нарушение, отклонение от норм. Могут быть и исключения, например, если говорящий и слушающий — приятели, то вне рабочей обстановки, при «возврате» к приятельским отношениям, степень речевой свободы может возрастать.

При симметричных отношениях, когда роли обоих участников ситуации равны ($P_x = P_y$), возможно использование всех речевых интенций ИСГ «Обещание, клятва». Функционирование их регулируется лишь официальным/неофициальным регистром общения.

3. Внеязыковые установления. Анализ интенций ИСГ «Обещание, клятва» с точки зрения данного параметра показал, что для большей части интенций анализируемой группы никаких специальных внеязыковых установлений не требуется. *Обещать, клясться, зарекаться, давать слово* можно в любых условиях, в любой обстановке и делать это не возбраняется никому. Такие же интенции, как *присягать, давать присягу, давать обет, заключать контракт, заключать договор, держать, заключать пари и т. п.*, — мотивируют речевые акты, реализация которых обеспечивается определенным соотношением речевых и неречевых действий. Это так называемые институализованные речевые акты: речевое действие признается успешным только тогда, когда выполняется ряд необходимых обстоятельств и действий. Так, давать присягу можно только при наличии у говорящего и адресата специальных полномочий, осуществляться данный речевой акт должен в особом месте и в особых условиях (ср., например, процедуру воинской присяги, обряд обета безбрачия у священников-католиков и др.). Пари чаще всего заключается в присутствии третьих лиц, которые выступают в роли свидетелей, оно же (третье лицо) «разбивает» руки заключающих пари, т. е. производятся обязательные, ритуализованные неречевые действия.

4. Степень ответственности. Не все речевые интенции ИСГ «обещание, клятва» равнозначны с этой точки зрения. Например, такие интенции, как *клясться, божиться, присягать, давать/брать обязательство, давать обет, гарантировать, ручаться, заключать/подписывать договор, заключать/подписывать контракт, заключать пари*, предполагают большую долю ответственности говорящего. Так, нарушение *присяги* (дезертирство, предательство Родины, нарушение присяги при даче показаний в суде и т. п.) преследуется законом, влечет за собой опреде-

ленное наказание; нарушение *обязательств, договора, контракта, поручительства* может повлечь за собой судебное разбирательство; нарушение *клятвы, обета* — предполагает в случае их нарушения наказание со стороны высшей силы. Интенции же *обещать, давать обещание, давать слово, сулить, заверять* предполагают только морально-этическую ответственность говорящего. Однако нельзя сказать, что последние интенции абсолютно равнозначны с точки зрения данного параметра. Наиболее «легковесной» с этих позиций представляется интенция *сулить*, не предполагающая, по мнению адресата, серьезного намерения со стороны говорящего сделать обещанное. Адресат испытывает недоверие к словам говорящего: *Посулы примать — не устать ждать. Посуленное ждетя. Посуленное данному не ближняя родня. На посуле, что на стуле: посидишь, да и встанешь и т. п.* Обещание же связано с понятием чувства долга, чести, достоинства. По мнению английского философа Дэвида Юма, «...У нас нет иных мотивов, которые побуждали бы нас исполнять обещания, кроме чувства долга. Если бы мы думали, что обещаниям не присуща нравственная обязательность, мы не чувствовали бы склонности соблюдать их»¹⁰. Особенность русского менталитета по отношению к понятию «слово», «обещание», самым непосредственным образом связанного с понятием «честь», хорошо продемонстрирована Н. Михалковым в его фильме «Сибирский цирюльник»: «Здесь могут убить, обмануть, ограбить, но порою данное кем-то слово может цениться дороже бумаги с сургучной печатью, а неосторожно сказанное — привести к кровопролитию...» Особенно четко эта идея отражена в пословицах, поговорках и афоризмах: *Честь чести и на слово верит. Лучше споткнуться ногою, нежели словом. Что сказано, то свято. Что сказано, то и сделано. Слово — олово (т.е. тяжело, веско). Слово лучше (крепче) печати. Кто в кони пошел, тот и воду вози. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Не молвя, крепись, а молвя, держись!* И др.¹¹ Однако, с другой стороны, обещание не юридический документ — за невыполнение его голову не снесут, отсюда — *Обещанного три года ждут. От слова до дела — сто перегонов* и др.

5. Степень самостоятельности высказывания (соотнесенность с остальной частью дискурса). Речевые акты, обусловленные иллокутивными смыслами интенций ИСГ «Обещание, клятва», как правило, иллокутивно зависимые речевые акты, т. е. акты, иллокутивное назначение которых всецело определяется либо иллокутивным назначением предшествующей реплики, либо предшествующей коммуникативной ситуацией. Обещая, давая слово, давая обет и т. п., говорящий стремится обосновать мотивы своего обещания, аргументирует, конкретизирует его:

— Вы не оставите меня, генерал, не уйдете?

— Я даю вам слово, что он придет к вам сам, но теперь он нуждается в отдыхе (Ф. М. Достоевский. Идиот).

Таким образом, соотнесение высказывания, содержащего интенцию ИСГ «Обещание, клятва», с остальной частью дискурса — необходимое условие для всех интенций ИСГ «Обещание, клятва».

6. Невербальная характеристика. Интенции ИСГ «Обещание, клятва» не могут быть выражены неречевыми средствами, хотя некоторые из них в качестве обязательного компонента содержат невербальные средства. Так, интенции *целовать крест, божиться* обязательно сопровождаются соответствующими неречевыми действиями, интенция *заключать пари* сопровождается разбиванием рук спорящих, такие конвенциональные речевые акты, как *давать присягу, давать обет, заключать договор, контракт*, требуют, как уже было отмечено, определенной конвенциональной процедуры, включающей в себя, кроме произнесения определенных слов определенными лицами в определенных обстоятельствах, определенные ритуализованные неречевые действия.

7. Устная/письменная сферы употребления. Большинство интенций рассматриваемой ИСГ могут реализовываться и в устной и в письменной речи. Такие же интенции, как *заключать договор, контракт, соглашение*, функционируют в основном в письменной сфере общения. Причем если интенция *заключать договор, соглашение, перемирие* все же допускает устное употребление: ср.: *Мы заключили устный договор (устное согла-*

шение), то интенция *заключать контракт* реализуется только в письменной форме.

Особое место с точки зрения набора прагматических смыслов занимают в анализируемой ИСГ интенции *клясться, божиться, целовать крест*. Названные интенции включают в себя как минимум две коммуникативные ситуации.

1. Усиленное, торжественное обещание в условиях, когда Х не верит У, или когда Х трудно поверить, что Р: — *Да отсохни у меня язык, если я у него попрошу хоть копейку!* (А. Н. Островский. Не в свои сани не садись).

2. Торжественное уверение Х в истинности сообщаемой У информации: *Оба — и Луков, и Воронин — стали креститься, что-де не брешут, провалиться им на сем месте, да проглотит их геенна огненная* (Ю. Герман. Россия молодая).

Общим для этих двух ситуаций является то, что говорящий как бы берет в свидетели некую высшую силу, которая может покарать говорящего. Первое значение оставляет данную интенцию в ИСГ «Обещание, клятва», второе значение обосновывает включение данной интенции в ИСГ «Убеждать, уверять».

8. Степень интенсивности. Высказывания, преследующие одну и ту же иллокутивную цель и имеющие одинаковое пропозициональное содержание, могут различаться лишь стилем или энергичностью или силой, с которой эта иллокутивная цель подается (данный вопрос Серль рассматривает в двенадцатом и четвертом параметрах). Например: *Я обещаю сделать это, Я торжественно клянусь сделать это* и *Вот те бог — сделаю!* При этом речевой акт обещания имеет нейтральную стилистическую окрашенность, а речевой акт клятвы имеет экспрессивную стилистическую окрашенность. Такие речевые акты, как *обещать, давать слово, обязательство, присягать, гарантировать, ручаться*, употребляются в официально-деловой речи, а речевые акты — *клясться, давать зарок, зарекаться, закаяться, сулить, божиться* употребляются в разговорной речи.

Кроме рассмотренных параметров анализируемые интенции отличаются устной/письменной сферой употребления. Так, большинство интенций рассматриваемой ИСГ могут реализо-

вываться и в устной и в письменной речи. Такие же интенции, как *заключать договор, контракт, соглашение*, функционируют в основном в письменной сфере общения. Причем если интенция *заключать договор, соглашение, перемирие* все же допускает устное употребление: ср.: *Мы заключили устный договор (устное соглашение)*, то интенция *заключать контракт* реализуется только в письменной форме.

Итак, нами был осуществлен прагматический анализ интенций ИСГ «Обещание, клят-ва», позволивший рассмотреть наиболее тонкие отличия рассматриваемых интенций, отличия, определяющие особенности функционирования речевых актов, мотивированных данными интенциями, в условиях реальной коммуникации. Проецируя полученные данные на словарь, мы будем иметь перечень тех семантических и прагматических правил, которыми должен руководствоваться говорящий при осуществлении данного акта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Создание словаря является составной частью большого проекта по определению коммуникативной основы обучения русскому языку как неродному. Работа была начата еще в рамках кандидатского диссертационного исследования (1989–1991 гг.) [3] и имеет несколько промежуточных результатов: коммуникативный словарь «Общаемся на русском языке» [2], работа над которым осуществлялась при поддержке фонда «Культурная инициатива» в 1995–1996 гг., ряд статей, учебно-методический комплект элективного курса «Условия успешной коммуникации» (данный курс стал победителем конкурса «Учебники нового поколения», организованного Министерством образования и НФПК в 2004–2005 гг.).

² Более подробный обзор работ, связанных с речезанровой тематикой, см. в работе: [9: 121–127]

³ То есть таким процессом, в результате которого происходят определенные изменения в мире. В данном случае это «...изменения в различных аспектах внутренней организации слушающего — в его знаниях, представлениях, ожиданиях, желаниях» [5: 293].

⁴ Следует сказать, что эти исследования осуществлялись практически параллельно, независимо друг от друга, что лишний раз свидетельствует об актуальности поднятой проблемы.

⁵ См. в связи с этим мнение Е. В. Падучевой о правомерности сближения иллокутивных функций с глаголами речи [6: 228].

⁶ Необязательность последнего параметра объясняется тем, что существуют речевые акты минимальной ориентированности на адресата — экспрессивы — они в большей степени замкнуты на самом говорящем.

⁷ Выявление интенциональной лексики, отраженной в языковой картине носителей русского языка, велось с учетом двух аспектов: статического — от системы языка — и динамического — в контексте речевой деятельности. Первое направление было реализовано путем отбора номинаций речевых интенций из Словаря русского языка С. И. Ожегова. Второй путь исследования речевых интенций предполагал их анализ в контексте речевой деятельности и источником при этом послужили тексты художественных произведений, киносценарии, а также записи устной речи.

⁸ Цифрой обозначается порядок значения по словарю С. И. Ожегова.

⁹ Цит. по : [4: 177].

¹⁰ Цит. по : [7: 363].

¹¹ По материалам сборника В. Даля «Пословицы русского народа».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997.
2. Галлямова Н. Ш., Саяхова Л. Г. Общаемся на русском языке: Учебный коммуникативный словарь. Уфа, 1998.
3. Галлямова Н. Ш. Коммуникативный минимум как основа обучения устному речевому общению на русском языке в национальной школе (применительно к учащимся 5–6 классов башкирской школы): Дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 1992.
4. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
6. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке: Семантика нарратива). М., 1996.
7. Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. М., 1989.
8. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151–169.
9. Шмелева Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Специализированный вестник. Вып. 8–9. КрасГУ, 2006. С. 121–127.

Д. В. Колесова

Статьи Д. В. Колесовой и О. В. Хорохординой продолжают цикл публикаций, посвященных теории текста (см.: МИРС. 2009. № 2)

ИНТЕНЦИЯ

КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DARIA V. KOLESOVA

INTENTION AS A BASIC CATEGORY OF TEXTUAL ACTIVITY

В статье рассматривается интенция как ведущая текстообразующая категория. К анализу привлекаются различные типы текста (официально-деловой, художественный, разговорный, публицистический). Используются результаты исследований современных лингвистов и производится авторский анализ текста.

Ключевые слова: основные категории текста, интенция, текстообразование.

In the article the intension is shown as a leading textforming category. Different types of text are engaged in the analysis (officially-business, artistic, colloquial, publicistic). The research results of modern linguists are used and an author analysis of text is carried out.

Keywords: basic categories of text, intension, textforming.

**Дарья Владимировна
Колесова**

Кандидат филологических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного университета
► dkolessova@gmail.com

В самом широком понимании термин **интенция** обозначает коммуникативное намерение говорящего. Уже средневековые философы размышляли о значении «intentio». Так, у Блаженного Августина категория обозначает *направленность души к цели*. П. Абеляр проводит различие между поступком (opus) и намерением (intentio). А. Галес включает в определение intentio помимо цели также «то, что позволяет нам прийти к цели», преодолевая тем самым дуализм намерения и поступка, что мы видим и у Бонавентуры, и у Фомы Аквинского. Современная философия использует понятие интенциональности в значении целесобразности смысловой направленности чувственно-воспринимающего и духовного познания¹.

Лингвистическая теория использует понятие интенции с целью описания языковых средств выражения целевого назначения высказывания: для выявления замысла автора при чтении (см., напр., образ автора в теории В. В. Виноградова)² или при создании речевого произведения для достижения ожидаемого результата (см.: Л. К. Граудина с указанием на работы К. А. Сьуннеберга о классификации «видов речи» с установкой на намерение говорящего в порядке возрастания интенсивности волевого начала)³.

Сегодня уже можно говорить о систематизированном представлении различных языковых средств, благодаря которым проявляется та или иная интенция⁴.

Интенция тесно связана с ситуацией общения, которая задаёт образцы поведения и характер взаимодействия людей. По отношению к тексту как коммуникативной единице (которая характеризуется иерархией внутренних коммуникативно-познавательных программ, объединяемых единым замыслом) цель можно определить как предназначенность речевого произведения для решения задач общения в определённой социальной сфере. Именно целевые установки определяют стилевые и жанровые особенности текстов. В этом случае можно говорить о макроинтенциях. Внутренние же коммуникативные программы текста задаются микроинтенциями. В разных типах текста они конкретизируются, выполняя разнообразные функции и находя специфические формы языкового выражения.

Выбрав одну (микро)интенцию — «вызвать сочувствие», мы обратились к текстам, принадлежащим разным функциональным стилям.

Бытовые диалоги в сфере повседневного общения отличаются определённой степенью неясности, включением нескольких интенций, собеседник здесь допускает существование ряда возможных интерпретаций положения дел, на которое ему следует реагировать. Так информативное высказывание нередко одновременно призывает к сочувствию и, как результат, достижению поставленной говорящим цели: «*Я забыл ручку (деньги, расчёску и т. д.)*». Реакция может быть трёх типов: сочувствие, несочувствие («*У меня тоже паста закончилась*») и игнорирование. Анализ подобных ситуаций и разновидностей реакций адресата позволяет не только выявить языковые формы проявления рассматриваемой интенции, но и обнаружить черты национальной специфики речевого поведения. Например, в результате прагмалингвистического эксперимента исследователями было обнаружено, что англоговорящие испытуемые чаще русскоязычных выражают вербальное сочувствие в подобных речевых ситуациях⁵. Отметим, что интенция несомненно

является базовой категорией для изучения бытового диалога.

Перейдем к художественному тексту. Интенциональность проявила себя, как указывает Н. С. Ковалев⁶, уже в летописных текстах — одном из основных жанров древнерусской литературы. Он считает, что эту категорию целесообразно рассматривать во взаимосвязи с понятием «концепт». Её можно охарактеризовать как совокупность всех реализаций ядерного концепта, выражающего намерения автора, коммуникативную направленность текста как смыслового целого. Способом выяснения интенции становится когнитивный (концептуальный) анализ текста.

Однако намерение автора всегда связано с ориентацией на восприятие высказывания / текста, что определяет «межличностный» характер интенции. Можно привести пример из древнерусской литературы. При выявлении авторской установки в «Сказании о Борисе и Глебе», О. В. Василенко доказывает с помощью семантико-стилистического анализа, что её содержанием было вызвать сочувствие к убитым братьям. Именно поэтому автором Сказания используется в большей степени императив-мольба, так как этот оттенок значения эмоционален и содержит в себе меньший процент назидательности, чем призыв и увещание⁷.

Интенция в художественном тексте чаще всего оказывается многомерной. Так, если воспользоваться, например, исследованием основных интенций, заложенных в авангардном тексте, чему посвящена статья Е. В. Тырышкиной⁸, демонстрирующая свои положения на примере анализа стихотворения В. Маяковского «А все-таки», то становится очевидным, что авангардная поэзия «порождает расслоенность эмоций», вызванных разнонаправленными интенциями автора. Это стихотворение о страданиях Поэта и одновременно о его роли шута, срывающего маски. «В какое положение, — пишет автор статьи, — попадает сочувствующий адресат. Ведь его постоянно провоцируют на сочувствие, жалость — и демонстрируют его несостоятельность», призывают «понять высокие истины,.. жаждут признания и оскорбляют». Таким образом, именно харак-

тер реализуемых в тексте интенций оказывается определяющим своеобразие целого литературного направления.

Разнонаправленность намерения, определяющего речевое поведение персонажа в определённой ситуации, и общепринятых для такой ситуации норм общения характерно для повествования, имеющего сатирическую направленность. Так, анализируя рассказ В. Шукшина «Срезал», А. А. Богатырёв⁹ доказывает, что коммуницируемая текстом ситуация общения проигрывается читательским сознанием одновременно в двух параллельных сценариях — фактически рассказанном и отрицающем его должном, нормальном, что может интерпретироваться как разрыв между отклонением и нормой и как разрыв между сущим и должным. Сфера рефлексии реципиента художественного текста над предметами такого порядка и образует интенцию текста. Интенция здесь — художественная идея, она выявляется с помощью герменевтического и композиционного анализа,

Текст официально-делового стиля лишен эмоциональности, наша интенция — вызвать сочувствие — для него не является характерной. Однако она может определить выбор одного из возможных жанров в рамках этого стиля: разница между Заявлением и Жалобой — как раз и заключается в различных интенциях: желание получить искомое или удовлетворение чувства справедливости. Интенция реализуется как цель речевой коммуникации, она определяет комплекс речевых и текстовых средств, позволяющих достичь желанной цели.

Всякое **научное исследование** начинается представлением той проблемной ситуации, которая определяет обращение к данной теме. Для постановки вопроса, требующего изучения, необходима оценка «старого» знания, в рамках которого существует ряд положений, вызывающих не только уважение, но и признаваемых за безусловные, базовые. Наряду с ними отмечаются недостоверные или требующие дополнительного изучения. То же распределение оценок наблюдается и в рецензиях как жанре. Положительная и отрицательная рецензии различаются ведущими

интенциями автора — «вызвать / не вызвать уважение у реципиента к труду». При жанровом единообразии композиции, структуры, текстовых элементов такие рецензии будут включать различные языковые и риторические средства. Значит, и в научных текстах можно наблюдать за интенцией, условно говоря — вызвать сочувствие — как за целью текстопорождения и за тем внутренним смыслом, формированию которого подчинены используемые в тексте средства.

Обратимся к **публицистическому тексту**. Современные исследователи рассматривают интенциональность в качестве главной и основополагающей категории этого текста¹⁰. Её ведущая роль обуславливает множество приёмов и средств реализации. Используем в качестве примера статью В. Панюшкина «Сердце справа»¹¹. Речь в ней идет о мальчике, у которого «порок сердца и все органы внутри перепутаны», ребенку нужна срочная операция в Германии. Журналист пишет статью с целью побудить читателей перевести сумму денег на счет фонда. Организация текста целиком ориентирована на достижение этой цели. В первых, «сильные» позиции текста заняты непосредственно «призывом к сочувствию»: пред текстом помещена фотография ребёнка с подписью: *«Если Мишу не прооперируют, он доживёт только до десяти лет»*. Конец содержит прямой призыв: *«Для спасения годовалого Миши Макарова не хватает 1 110 934 рублей. Дорогие друзья! Берлинский кардиоцентр выставил Макаровым счёт на 1 498 854 рубля. Один из наших читателей, пожелавший оказаться неизвестным, уже внёс 387 920 рублей...»* Далее следуют адреса для добровольных пожертвований.

Уже эта информация реализует основную установку статьи. Но и всё её содержание и характер повествования оказываются подчинёнными замыслу: в ней ведётся бесхитростный рассказ о семье Макаровых, где очень ждали мальчика, о радости в связи с его появлением на свет (*«И Юрий принялся открывать коньяк. И праздновать. И пропраздновал полчаса вместе с родственниками и друзьями»*) и о трагическом известии (*«А через полчаса Наталья позвонила»*), о том, что у ребёнка тяжелейший порок сердца.

«Наталья подумала, что ничем не может помочь своему мальчику, ничего не может ему дать. Ничего кроме имени». В повествование включён эпизод о заочном крещении ребёнка, когда «Господь узнал мальчика по имени». Близкая и понятная читателям мысль о Божьей помощи: «Наталья (мать) говорит, что именно с этого момента мальчику стало полегче». С участием языковых средств создаётся ощущение устного рассказа человека, заставляющего читателя верить безыскусному изложению реальных событий. В сознании читателя образуется представление о том, что произошло чудо, творцами которого не были ни родители, ни врачи, но действия этих людей дали возможность чуду произойти. У маленького Миши началась нормальная жизнь, но «Теперь, если Мишу не прооперировать еще раз, он будет жить до десяти лет примерно. А если прооперировать, то мы, люди, не будем знать, сколько Мише отпущено лет или десятилетий. Только Бог будет знать». Ситуация повторяется: есть близкие и врачи, которые стараются мальчику помочь, есть кризис и ощущение уходящего времени, и нужно усилие извне, чтобы привести все составные части к успеху. Читатель может стать сопричастным чуду спасения жизни, а не просто выполнить некий гуманистический жест.

В статье использованы два главных приема: сказовая организация повествования и использование возможностей мотивного развития сюжета. Интенция «вызвать сочувствие» в данном тексте имеет текстопорождающую функцию. Однако параллельно выявляется и текстоопределяющая функция рассматриваемой категории (особенности организации текста служат оптимальному воплощению главной интенции). Если же мы включим в анализ рассмотрение рубрики, под которой публикуется статья («Российский фонд помощи»), то станет явной и интерпретирующая функция интенции. Итак, в публицистическом тексте интенция реализуется на всех уровнях смысловой организации текста: в его структурной, тематической, лексико-грамматической организации.

В заключение можно сделать вывод о том, что во всех основных типах текста интенция является базовой категорией, благодаря которой ав-

тор может помыслить текст и затем создать его, а реципиент может понять текст и отреагировать тем или иным образом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 212.

² Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 140.

³ Граудина Л. К., Миськевич Г. И. Теория и практика русского красноречия. М, 2009.

⁴ См., напр., сборники «Логический анализ языка» 1988, 1989, 1990, 1993.

⁵ Миронова Е. А. Вариативность перлокутивного эффекта косвенной иллокуции «вынуждение к сочувствию» (на материале бытовых диалогов англоговорящих и русскоговорящих коммуникантов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

⁶ Ковалев Н. С. Древнерусский летописный текст: принципы образования и факторы эволюции: Учеб. пос. Волгоград, 2001. — http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=8425

⁷ Василенко О. В. Коммуникативный акт в текстах Борисо-Глебовского цикла // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): В 2 т. Т. 1. Казань, 2001. С. 61.

⁸ Тырышкина Е. В. Русский авангард начала 20-го века: аспекты прагматики — http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ov/et_pragmatika.htm

⁹ Богатырев А. А. Понятийная и идейная семантическая интерпретация художественного текста // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 4. Тверь, 2000. — <http://www.tol.tversu.ru/Meridian4.htm>

¹⁰ Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.

¹¹ Панюшкин В. Сердце справа // Коммерсантъ. № 21 (4076), 06.02.2009.

О. В. Хорохордина

«ЧУЖОЕ» В ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

OLGA V. HOROHORDINA
“ALIEN” IN THE TEXT ACTIVITY

**Ольга Витальевна
Хорохордина**

Кандидат филологических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного университета
► olgakhor@yahoo.fr

В статье рассматривается явление интертекстуальности как частный случай воспроизводимости. Проводится разграничение между воспроизводимостью в системе «язык-речь» и в системе «текст-текст». Осуществляется попытка обобщить и проиллюстрировать наблюдения исследователей над категорией интертекстуальности с позиций семиотики, когнитивистики, лингвистики.

Ключевые слова: воспроизводимость, интертекстуальность, индивидуальная языковая картина мира.

In the article it is examined the phenomenon of intertextuality as a particular case of repeatability. The differentiation is carried out between the repeatability in the system «language — speech» and in the system «text — text». The attempt is being fulfilled — to generalize and illustrate the observations of researches on the category of intertextuality from the position of semiotics, cognitive linguistics and linguistics.

Keywords: repeatability, intertextuality, individual language image of the world.

1. Интертекстуальность — частный случай воспроизводимости

В порождении любого текста неизбежно оказываются задействованы в том или ином соотношении два полярных дискурсных процесса: индивидуальное дискурсное творчество и повторение некоторых готовых фрагментов дискурса. Поэтому актуальным вопросом филологии «является проблема воспроизводимости: что, как, почему воспроизводится в дискурсе носителей языка и культурного пространства, представителей культуры и лингвокультуры», причём «предполагается, что воспроизводиться могут не только устойчивые языковые или дискурсные единицы (т. е. те единицы, которые, как правило, имеют свои собственные «тела знаков» — фразеологизмы, прецедентные феномены и под.), но и свободные, «знаково нефиксированные» апелляции к фиксированным в сознании образно-смысловым структурам»¹. Частным случаем воспроизводимости как универсального свойства мысли и речи выступает интертекстуальность.

Понятие интертекстуальности в самом общем виде определяется как взаимодействие между текстами, при этом под текстом в семиотике «понимается осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации, в т. ч. обряд, танец, ритуал и т. п.»² — словом, все, с чем

соприкасается человек в мире: не только литература и искусства, но и язык, история, другие науки, материальная культура, жизнь общества и человека с его представлениями, сценариями действий и т. д. Тогда интертекстуальность трактуется как *намеренное* или *бессознательное* отражение автором в тексте предшествующего и окружающего историко-культурного контекста, а также как метод *сознательного* или *неосознанного* восстановления этого контекста и вплетения его реципиентом в текстовую ткань в процессе смыслового восприятия текста³.

При таком подходе термины «воспроизводимость» и «интертекстуальность» становятся синонимами; на наш же взгляд, существенно различие между повторением в дискурсе общеизвестного, устоявшегося и потому утратившего свою свежесть, обречённого на автоматизм воспроизведения и восприятия, с одной стороны, и, с другой стороны, возобновлением в индивидуальной дискурсной практике уже существующего, но неосвоенного всей лингвокультурой, а потому обладающего новизной на фоне общепринятого.

Иными словами, представляется продуктивным в исследовательском плане подходить к изучению воспроизводимости как к родовой категории, охватывающей разные виды возобновления «чужого» в текстовой деятельности.

Продemonстрируем такой подход на текстах как объектах лингвистического исследования, когда текст понимается как осмысленная «последовательность вербальных (словесных) знаков»⁴, а «дискурсом называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора»⁵ или автора в момент порождения текста.

2. От общеязыкового инварианта «чужого» к его авторской актуализации

Итак, что и как воспроизводится в дискурсе? Обратимся к примеру.

Строительство транспортных коридоров в 2005 году будет продолжено

Петр Великий, прорубив на Северо-Западе России окно в Европу, рассчитывал, что это подтянет страну до уровня цивилизованного мира. Но одна из двух извечных российских бед — дороги,

вернее их отсутствие, снижали значимость выхода к Балтийскому морю. Три века понадобилось, чтобы преодолеть обе российские беды, и только сейчас балтийский транспортный коридор готовится связать Европу с Дальним Востоком и Южно-азиатскими странами.

С подробностями — Вячеслав Чуманов». (Вестн. 10.01.2005. http://www.rtr.spb.ru/radio_ru/radio_2005/default_date.asp?dayper=10&Mon=01)

Возникает вопрос: не будь нам известно, откуда взят этот фрагмент, что могли бы мы сказать о его происхождении?

Содержание — информация об актуальном событии и комментарий к нему, равно как соединение в речи ориентации на чередование стандарта (*транспортный коридор; подтянет ... до уровня; цивилизованного мира; вернее ... отсутствие; снижали значимость...; ... понадобилось, чтобы...; и только сейчас ... готовится* + инфинитив) с экспрессивными формами (*прорубив ... окно в Европу; одна из двух извечных российских бед — дороги*) обнаруживает связь данного текста со СМИ; наличие фразы: «С подробностями — Вячеслав Чуманов», типичной для современных новостных передач, свидетельствует о том, что перед нами фрагмент речи ведущего новостной передачи; наличие же заголовка, используемого в качестве анонса в новостных радио- и телепередачах, но обычно не воспроизводимого вместе с текстом о конкретном сюжете в общем потоке новостей, указывает на письменный характер данного текста, тем самым позволяя идентифицировать текст как фрагмент Интернет-версии новостной передачи.

Таким образом, типовое содержание, его типовое языковое воплощение и типовые элементы речевой композиции, иными словами, регулярно воспроизводимые жанрово-стилевые индикаторы, позволяют любому современному россиянину, пользующемуся Интернетом, безошибочно определить источник данного текстового фрагмента.

Налицо, с одной стороны, воспроизведение в индивидуальном дискурсе единиц семантико-структурного уровня языковой личности⁶ современного представителя русской лингвокультуры.

Этот уровень «является продуктом переработки речевого опыта человека, в его поверхностном ярусе должны храниться единицы разной протяженности — от отдельных словоформ до типовых фраз, частотность употребления которых приводит к целостному „переживанию“ последних без расчленения их на составляющие элементы»⁷. С другой стороны, в текстовой деятельности проявляется глубинный ярус (лингвокогнитивный уровень языковой личности) через воспроизведение фрагментов языковой модели мира, характерных для типичного современного представителя русской лингвокультуры.

Одним из средств хранения языковой картины мира в сознании и воплощения её в дискурсе являются прецедентные феномены⁸, такие, как прецедентные имена (например, *Петр Великий*), прецедентные высказывания (например: «*В России две беды — дороги и дураки*»), прецедентные ситуации, часто вербализуемые в дискурсе прецедентными именами и /или высказываниями (например: «*В Европу прорубил окно*»). Прецедентные феномены широко известны, восстанавливаются как денотативно-коннотативные компоненты соответствующих языковых знаков в процессе их развёртывания в речи и интегрируются реципиентом в смысловое поле соответствующего речевого отрезка при его интерпретации, превращая его тем самым в дискурсивную единицу. Автоматизм операций с прецедентами феноменами в текстовой деятельности позволяет авторам использовать их, не теряя уверенности, что речевой продукт будет адекватно и без особых усилий интерпретирован средним представителем данной лингвокультуры, в том числе и параллельно со звучанием речи (анализируемый пример текста имел изначально устную форму представления, для которой, как известно, характерна необратимость). Фраза: «*Три века понадобилось, чтобы преодолеть обе российские беды, и только сейчас балтийский транспортный коридор готовится связать Европу с Дальним Востоком и Южно-азиатскими странами*» — предполагает, что слушатель знает, что Россия получила выход к Балтийскому морю в начале XVIII века, а также поймёт, о каких двух российских бедах идёт речь.

Отсутствие фиксированного языкового выражения для закреплённого в сознании типичного представителя данной лингвокультуры образно-смыслового комплекса не мешает его адекватному восприятию в речи. Рассмотрим, к примеру, информационное сообщение с заголовком «*За Ющенко пришла женщина с косой*» и подзаголовком «*„Оранжевая коалиция“ распалась, президенту предрекают отставку*» (Я. Соколовская (Киев). 19 сентября 2008 года. <http://www.izvestia.ru/ukraina/article3120572/>). Входящий в заголовок компонент «*женщина с косой*» обнаруживает двойную референцию. Первый его референт — премьер-министр Украины Юлия Тимошенко, причёска которой — коса, обёрнутая вокруг головы, — общеизвестна — выявляется в ряду с другими номинациями тематической группы «*украинская политика*»: Ющенко и «*Оранжевая коалиция*». Второй референт восстанавливается в ряду единиц: *коалиция распалась, предрекают отставку*, передающих идею *нежизнеспособности*, что отсылает к типичным народным представлениям о смерти как о старухе с косой, приходящей за человеком в конце жизни⁹. Так опора на типичные образы сознания позволяет автору иронически интерпретировать тему скорой политической смерти президента Украины Ющенко из-за конфликта с премьер-министром Тимошенко.

Текстовая деятельность в проанализированных примерах строится на операциях с вербально-смысловыми инвариантами, выработанными в процессе обобщения дискурсивной практики в данной лингвокультуре; это касается и авторских высказываний: «*В Европу прорубил окно*» и «*В России две беды — дороги и дураки*»¹⁰, поскольку для их понимания нам потребовалось обращение не к текстам-источникам, а к их инвариантным значениям.

Итак, **обращение в текстовой деятельности к хранящимся в коллективном сознании определённого социума инвариантам** (будь то жанрово-стилевой инвариант, инвариант авторского высказывания/текста или же инвариант фиксированного статического или динамического образно-смыслового комплекса, не имеющего закреплённого за ним вербального выра-

жения, но повторяющегося в дискурсной практике), на наш взгляд, **не является реализацией категории интертекстуальности**¹¹, поскольку демонстрирует не переход от индивидуального осмысления одного текста к порождению / интерпретации нового текста, а **переход от языка как денотативно-коннотативной знаковой системы к порождению / восприятию речи и дискурса**.

3. Интертекстуальность: от текста к тексту

Итак, *интертекстуальность* в филологии есть, в нашем понимании, текстовая категория, реализующаяся при включении индивидуального представления о каком-либо тексте (текстах) в процесс порождения или восприятия нового вербального текста.

Для объяснения семиотического механизма интертекстуальности ключевыми являются понятия *претекст*, *интертекст*, *интекст*, *интерпретанта*.

Претекстом называется текст, известный автору порождаемого текста, зафиксированный в его сознании в виде *интертекста* и полностью или фрагментами, «маркированными или немаркированными, преобразованными или неизменными»¹², включённый во вновь производимый текст. Эти включения называют *интекстами*. *Интексты* — цитаты, ссылки, аллюзии — есть своего рода анафорические элементы, которые, как известно, полностью раскрывают свой смысл, «только будучи включёнными, помимо синтаксических отношений, в анафорические отношения», когда «в смысл одного выражения входит отсылка к другому»¹³. С помощью интекстов автор подталкивает реципиента принять участие в текстопорождении, намекая интекстами, что смысл текста «полностью или частично формулируется посредством ссылки на иной текст»¹⁴, и надеясь, что реципиент «развернёт эти зерна других структурных конструкций в тексты»¹⁵.

Под *интертекстом*, вслед за М. Риффатерром, мы понимаем концепт текста, сформировавшийся в результате восприятия этого текста личностью и фиксированный в её сознании как «совокупность тем, мотивов, например, или

же осознание жанра, к которому принадлежит» этот текст, словом, в виде любых компонентов его формы или содержания, хранящихся в памяти не изолированно, а как части единой с текстом структуры¹⁶. Таким образом, *интертекст* с когнитивной точки зрения — фрагмент картины мира индивидуальной языковой личности, возникший в результате осмысления ею некоего текста и имеющий потенциальную возможность к актуализации в текстовой деятельности.

То, что *интертекст* имеет одинаковый «генетический» код с *претекстом*, то, что претексту изоморфны «компоненты интертекста, сходства, проистекающие из их общей структуры, есть только первый аспект интертекстуальности, совокупность факторов, которая делает её воспринимаемой»¹⁷. Для интеграции интертекста в смысловую структуру нового текста, порожденного с интертекстуальным включением, необходимо обнаружить код авторской актуализации интертекста. Этот код, дающий представление об авторской стратегии актуализации интертекста, М. Риффатерр называет *интерпретантой* и определяет следующим образом: «Интерпретанта, связь между уже сказанным в интертексте и переписыванием, которым является текст, имеет функцию порождения манеры этого переписывания, и диктует правила его дешифровки»¹⁸.

Иными словами, если *претекст* — это денотат, то *интертекст* — сигнификат, *интекст* же — языковая единица (языковые единицы) любого уровня, получающая (получающие) в данном тексте двойную актуализацию: как единица семантико-строенового уровня языковой личности автора или реципиента и как анафор, антецедентом которого является *интертекст*, реконструируемый реципиентом при ориентации на *интерпретанту* путём извлечения его из *претекста* и согласования с воспринимаемым *текстом*. С лингвистической точки зрения интертекстуальные отношения реализуются в тройной предикации интертекста¹⁹: первая совершается в претексте и воспроизводится (или имплицитруется) в новом тексте, вторая совершается в новом тексте по отношению к предмету чужой речи, третья —

в новом тексте по отношению к чужой речи как предмету высказывания.

Проиллюстрируем сказанное примером из романа В. Пелевина «Generation п».

Татарский знал, что тоже не востребован эпохой, но успел сжиться с этим знанием и даже находил в нем какую-то горькую сладость. Оно расшифровывалось для него словами Марины Цветаевой: «Разбросанным в пыли по магазинам (Где их никто не брал и не берет!), Моим стихам, как драгоценным винам, Настанет свой черед». Если в этом чувстве и было что-то унижительное, то не для него — скорее для окружающего мира. Но, замерев перед витриной, он вдруг понял, что пылится под этим небом не как сосуд с драгоценным вином, а именно как ботинки с пряжками-арфами.

В данном фрагменте находим *интекст* — маркированную (дана в кавычках) частично атрибутивную (автор указан, но название стихотворения не обозначено) цитату. Обнаруживаются здесь и составляющие интерпретанты, эксплицирующие цель обращения к интертексту: во-первых, «расшифровать» душевное состояние героя, рассматривающего себя как поэта, сопоставимого по одарённости с Мариной Цветаевой и так же, как она, не оцененного невежественным миром, на который поэтому он смотрит свысока; во-вторых, усилить впечатление от перелома в настроении героя в момент осознания им самообмана; в-третьих, проявить через ироническую тональность контекста авторское отношение. Авторская ирония становится ощутимой не только из сопоставления двух метафор: традиционной поэтической — *сосуд с драгоценным вином* — и окказиональной, поражающей нелепостью нового представления о себе поэта Татарского, — *ботинки с пряжками-арфами*, но и поддерживается информацией из претекста — начальных строк стихотворения «Моим стихам, написанным так рано, Что и не знала я, что я поэт, Сорвавшимся, как брызги из фонтана, Как искры из ракет» (курсив мой. — О. Х.): откуда выясняется, что Марина Цветаева, *поэт от Бога*, отличается от Татарского, специалиста по электроплавильным печам, устремившегося в Литературный институт для приобретения *про-*

фессии поэта, не прошедшего, однако, по конкурсу на отделение поэзии и осевшего на отделении переводов с языков народов СССР, что не мешает ему ещё долго оставаться одержимым мечтой войти со своими стихами в вечность. Становится очевидно, что цитата из Цветаевой использована Татарским неуместно и вообще не может функционировать как афоризм, «мудрость по случаю», потому что в стихотворении речь идёт не о поэтах вообще, каких много, а об уникальном поэте — Марине Цветаевой.

Таким образом, цитата, фрагмент претекста, воспроизведенный с исходной предикацией²⁰, получает новую предикацию сначала в речевой партии героя, а затем и в речевой партии повествователя, который завершает текстовый «диалог» вокруг цитаты, ясно обозначая свою доминирующую позицию. Такая реализация интертекстуальной стратегии, когда в тексте выявляется один ведущий голос, присваивающий себе право последней текстовой предикации по отношению к интертекстуальному включению, порождает тип дискурса, который Л. А. Гогтишвили называет монологическим диалогизмом²¹. Такая реализация интертекстуальности преобладает в научных и официально-деловых текстах.

Между тем *интертекстуальность может реализовываться и как полифонический диалогизм* (термин Л. А. Гогтишвили), что особенно явно ощущается при отсутствии доминирующего голоса в тексте с включением множества интертекстов, связанных одной темой, но содержащих разные точки зрения на этот предмет. Здесь интертексты вступают в диалог между собой, сменяя попарно по отношению друг к другу позиции синтаксического субъекта и предиката²². Тогда интерпретантой становится представление автором в отношении какой-либо темы многообразия точек зрения, столкновение их в тексте, создающее подобие диалогического взаимодействия между собой их авторов, и передача в этой «дискусии» читателю права последней реплики (или отказа от неё). Полифонический тип интертекстуальности характерен, кроме определенных художественных произведений, например, для жанра информативных обзоров.

Если маркированная цитата (точная или неточная) или прямая ссылка на произведение и/или автора обязывают реципиента учитывать интертекст и искать интерпретанту, то немаркированная (имплицитная) цитата или аллюзия могут быть не восприняты реципиентом. К тому же, реципиент, даже опознав немаркированный интекст, не может быть уверен, что это не реминисценция — элемент чужого текста, появившийся в данном тексте под «бессознательным действием творческой памяти»²³, которое не предполагает интерпретанты. Ясно, что реминисценция не должна была бы рассматриваться как интертекстуальный элемент, если бы существовала возможность объективного различения с позиций реципиента или с точки зрения текста аллюзии и реминисценции, но поскольку такой возможности нет, то остаётся признать, что при реализации категории интертекстуальности в режиме текстовосприятия присутствует доля субъективности.

Если воспринимающий не замечает в тексте *интекста*, или же если, заметив его, не обнаруживает *претекста*, или же если, реконструировав *интертекст* на уровне «уже сказанного», не находит *интерпретанты*, которая может как эксплицитно присутствовать в тексте, так и имплицитироваться автором в контексте, *категория интертекстуальности оказывается нереализованной*, что не всегда означает утрату текстом смысловой целостности, но всегда знаменует не реализовавшееся приращение смысла, не осуществлённое интеллектуально-эмоциональное воздействие.

Рассмотрим пример из рассказа Гайто Газданова «Судьба Саломеи»:

«Я не могу понять, что человек, который следит за разливом симфонии, за тем, как она растёт и расширяется, потом вдруг чудесно суживается и возвращается к тем двум нотам, из которых она родилась,— я думаю сейчас о Пятой симфонии Бетховена — этот человек, который в течение долгих минут живёт в этом мире и в которого навсегда вошло это необычайное движение звуков — как может этот человек после этого, выйдя из концертного зала, безболезненно вернуться к тому же, что было до сих пор».

Упоминание произведения Бетховена может быть воспринято читателем по-разному: он может согласиться или не согласиться с героем в том, что музыка меняет отношение человека к миру; может сопоставить мнение героя с тем впечатлением, которое на него произвела Пятая симфония (при условии, что такой факт имел место в его жизни); но интерпретантой к аллюзивному интексту «о Пятой симфонии Бетховена» для рассказа с названием «Судьба Саломеи», несомненно, является пронизывающий симфонию мотив «судьбы»:

, о котором Бетховен сказал: «Так судьба стучится в дверь», и реализация категории интертекстуальности предполагает усиление впечатления от рассказа звучанием упомянутого музыкального произведения.

Реализация интертекстуальности как текстовой категории связана со всеми тремя составляющими коммуникативного акта: с автором, имеющим определенные цели при обращении к приему включения «чужого» в собственный текст, со степенью гомогенности «чужого» и авторского внутри текста, с коммуникативной компетенцией реципиента, особенно с его осведомленностью о претекстах, использованных автором.

Так, в начале текста рассказа «Русь»: «В городе Кустодиеве (есть даже Каинск — неужто Кустодиева нету?) прогуляйтесь — и увидите такую красавицу, Марфу — Марфу Ивановну» — Е. Замятин через аллюзию на имя художника обозначает претекст своего рассказа, а затем вводит интерпретанту *прогуляйтесь — и увидите*, направляя читателя за интертекстом в «галерею» Б. Кустодиева, поскольку все герои рассказа Замятина через описания, содержащие дополнительные аллюзивные интексты (см. ниже приводимый пример), чётко соотносятся с определенными картинами Кустодиева из цикла «Русские типы», что может быть воспринято только при условии, что читатель знаком с этим кустодиевским циклом, и тогда весь рассказ Замятина вос-

принимается как фантазия, навеянная автору картинами Кустодиева из этой серии (что соответствует истории создания рассказа):

А в бане уж готов, с сухим паром — свой «вахрамеевский» номер и к нему особенный, «вахрамеевский», подъезд, и особенное казанское мыло, и особенные — майской березы шелковые веники. И там, сбросив с себя шубу, и шали, и платье, там Марфа, атласная, пышная, розовая, белая, круглая — не из морской пены, из жарких банных облаков — с веником банным — выйдет русская Венера (Е. Замятин. Русь).

Наблюдение за тем, как герои картин Кустодиева включаются в вымышленный Замятиным сюжет, позволяет сделать вывод, что при предикации «чужого» в художественном тексте его «семантика существенно деформируется средой текста-реципиента (в научном и юридическом тексте или тексте документа это недопустимо)»²⁴.

При взаимодействии с несловесными претекстами (в наших примерах: у Газданова — с музыкой, у Замятина — с живописью) вербализованный текст приобретает свойства мультимедийного продукта. Именно поэтому «особого внимания в интертекстуальности заслуживает включение текстов из других семиотических систем, т. е. словесные описания произведений живописи, музыки и других видов искусства»²⁵.

Проведенный анализ показывает, что с когнитивной точки зрения интертекстуальность есть потенциальное *взаимодействие* индивидуальных картин мира всех возможных участников коммуникативных актов, которые могут быть совершены вокруг связанных интертекстом текстов. Подчеркнём, что имеет место именно взаимодействие, а не однонаправленная рецепция от претекста к новому тексту, поскольку погружение интертекста в новый контекст вводит в коммуникативный оборот интерпретацию, не обязательно совпадающую с замыслом автора претекста и может оказывать в дальнейшем влияние на восприятие претекста теми, кто знаком с этой новой интерпретацией.

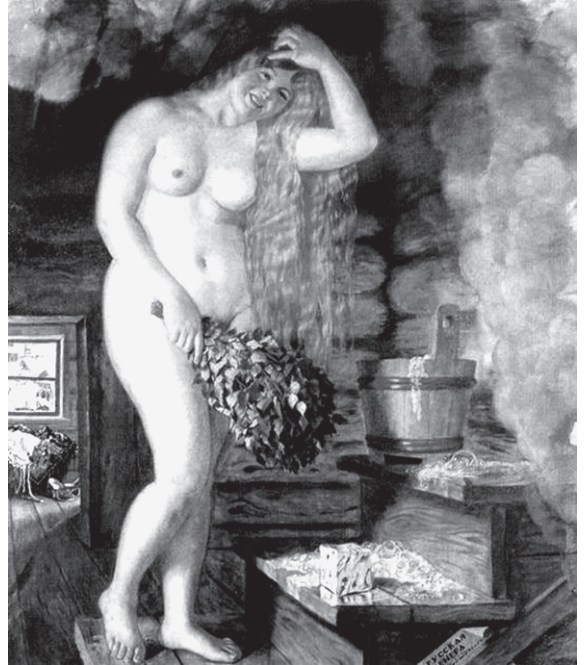

Рис. Б. Кустодиев. «Русская Венера».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Красных В. В. Воспроизводимость как лингвокогнитивный феномен // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет. Труды Конгресса. 20–23 марта 2007 года. С. 23. — <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=1>

² Николаева Т. М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 507.

³ См. об этом: Ильин И. И. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М., 1999. С. 204–207.

⁴ Николаева Т. М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 507.

⁵ Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса. — http://evarist.narod.ru/text12/09.htm#з_01

⁶ Термин Ю. Н. Караулова (см.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 36 и след.)

⁷ Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. М., 1990. С. 76.

⁸ Краткое изложение теории прецедентности дано её авторами в: Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В. Теоретические положения. Принципы описания // Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / Под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. М., 2004. С. 7–54.

⁹ См. об этом, напр.: Большой толковый словарь / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2002. С. 1216.

¹⁰ «В Европу прорубил окно» — строка из вступления к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник». О высказывании «В России две беды — дороги и дураки» справочная служба русского языка на сайте Грамота.ру сообщает, что его авторство чаще всего приписывается Гоголю (реже — Салтыкову-Щедрину, Карамзину и др.).

¹¹ Известно, что термин «интертекстуальность» был введен Ю. Кристевой при переосмыслении теории «чужого слова» М. М. Бахтина, поэтому интертекстуальность иногда приравнивают к бахтинскому диалогизму (см., напр., работы И. В. Арнольд или М. Л. Гаспарова). Тогда различают языковую и текстовую интертекстуальность. Не отрицая возможности такого толкования, мы не разделяем этой точки зрения.

¹² Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999. С. 346.

¹³ Падучева Е. В. Анафорическое отношение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 32.

¹⁴ Смирнов И. П. Порождение интертекста. СПб., 1995. С. 12.

¹⁵ Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избр. статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 159.

¹⁶ Riffaterre M. Sémiotique intertextuelle: l'interprétant // Revue d'esthétique. № 1–2. 1979. P. 134.

¹⁷ Ibid. P. 133.

¹⁸ Ibid. P. 146.

¹⁹ Здесь и далее используются идеи и терминология Л. А. Гоготшвили, применённые ею к толкованию бахтинской теории диалогического слова. См. об этом: Гоготшвили Л. А. Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией (мягкая и жёсткая версии интерпретации идей Бахтина) // Гоготшвили Л. А. Непрямое говорение. М., 2006. С. 97–140; электронная версия на: http://fictionbook.ru/author/lyudmila_gogotishvili/nevernyamoe_govorenie/read_online.html?page=1#part_39

²⁰ Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М., 2000. С. 122.

²¹ Гоготшвили Л. А. Указ. соч.

²² Там же.

²³ Жирмунский В. М. Анна Ахматова и Александр Блок // Жирмунский В. М. Избр. труды. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 339.

²⁴ Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М., 2005. С. 114.

²⁵ Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999. С. 416.

[предлагаем вашему вниманию]

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и лингвокультурных традиций. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 512 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

Книга посвящена актуальной проблеме изучения национально-культурных особенностей коммуникативного поведения представителей английской и русской лингвокультур.

В ней предпринимается попытка систематизировать и объяснить данные особенности через тип культуры, социально-культурные отношения и ценности, особенности национального мироведения и категорию вежливости, которая рассматривается как важнейший регулятор коммуникативного поведения, предопределяющей национальный стиль коммуникации.

Обсуждаются проблемы влияния культуры и социокультурных отношений на сознание, ценностную систему и поведение. Ставится вопрос о необходимости системного изучения и описания национальных стилей коммуникации в рамках коммуникативной этностилистики.

Книга написана на большом фактическом материале, в ней отражены результаты научного исследования, полученные как в ходе непосредственного наблюдения над коммуникативным поведением представителей двух лингвокультур, так и путем проведения ряда ассоциативных и эмпирических экспериментов.

Предисловие к монографии написала известный специалист по лингвокультурологии Анна Вежицкая.

Для специалистов в области межкультурной коммуникации, прагматики, антропологической лингвистики, этнопсихолингвистики, сопоставительной стилистики, для студентов, аспирантов, преподавателей английского и русского языков, а также для всех, кто интересуется проблемами эффективного межкультурного взаимодействия.

Е. В. Осетрова

НЕАВТОРИЗОВАННАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЖИВОГО ДИАЛОГА

ELENA V. OSETROVA

NON-AUTHORIZED INFORMATION IN THE CIRCUMSTANCES OF THE REAL DIALOGUE

Объектом рассмотрения в статье является живой непринужденный диалог, участники которого имеют неформальные отношения и находятся в прямом речевом контакте. Автор задается целью выявить закономерности коммуникативного внедрения и развертывания неавторизованной информации. В результате обнаруживаются 14 речевых ходов, которые образуют устойчивые коррелятивные пары. Особое внимание уделено анализу речевых интенций участников диалога и их обращению с анонимными источниками разного рода.

Ключевые слова: живой диалог, неавторизованная информация, речевые ходы, речевая интенция.

The article deals with communicative aspect of speech behavior of native speakers. It focuses on different types of communicative actions which Russian use to discuss anonymous information (for example rumor, hearsay, news). Particular attention is paid to the speakers' communicative intentions and the importance they have in the illocutionary force of an utterance and its perlocutionary effect. As a result there are revealed 14 speech moves which form stable correlative pairs. A special attention is drawn to the analyses of speech intension of the dialogue participants and to their address with anonymous sources of different kind.

Keywords: a real dialogue, non-authorized information, speech moves, speech intension.

Елена Валерьевна Осетрова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета
► osetrova@yandex.ru

Неформальное общение во многом определено рамками непринужденного живого диалога, участники которого находятся между собой в прямом речевом контакте; эти обстоятельства с разных точек зрения обсуждаются в современной лингвистической литературе [7: 120; 4: 260; 1: 145].

Довольно часто информация, составляющая содержание таких спонтанных диалогов, приобретает качество неавторизованной (анонимной), когда источник представлен адресату неопределенным или вообще неизвестным, маркированным разнообразными клише типа *Мне в очереди одна женщина объяснила / подсказала...*; *Тут в газете какой-то прочитал...*; *Я на работе услышала, что...*; *Слухи опять ходят...*; *Рассказывают...* и т. д. Причина этого явления кроется в том, что инициатор сообщения, избегая указания на конкретный источник, сохра-

няя его в тайне, может легко вывести его «из зоны ответственности за разглашение» и ту же ответственность снять с себя самого. Ответственность за достоверное сообщение, естественно, снимается автоматически.

Информация, которая попадает в устную речевую среду, в большинстве своем оказывается анонимной еще и потому, что для типичного ее адресата — обывателя — важным и интересным является содержание, а не авторизованный субъект, имя которого, помимо прочего, трудно, с усилием удерживает память, если человек заранее его не знал и не выделил:

А. *Вика, о колледже вашем так плохо отзываются в прессе!*

Б. *Да ты чё?*

А. *Да.*

Б. *Кто?*

А. *Я читала тут статью в «Красноярском рабочем»...*

Б. *Ага.*

А. *Не помню, журналистка, то ли Винская, то ли... Ну не важно, в общем. Не помню. Но пишет, значит, об как бы преподавателях, об отношении к студентам не очень порядочном.*

(Речь Красноярска; 2003. Архив каф. рус. яз.¹)

Данный пример служит хорошим подтверждением высказанной идеи. Инициатор общения, размещающий в диалоге анонимную информацию², конечно, использует онимы, оформляя ее источник: лексемы «Красноярский рабочий» и Винская фиксируют единичную референцию. Однако в отдаленном и ближайшем контексте имена собственные окружены знаменательными и служебными словами с семантикой неопределенности (*отзываются; то ли... то ли; тут* в значении 'недавно') и множественными показателями того, что точное авторство совершенно неактуально (*Не-е помню <...> Ну не важно, в общем. Не помню*).

Изложив общие причины появления неавторизованной информации в живом диалоге, перейдем теперь к обсуждению способов ее коммуникативного развертывания.

Определенных, жестко фиксированных сценариев введения и обсуждения этого специ-

фического текстового материала не существует: слишком разнообразно и фактически безгранично его содержание и одновременно слишком велика — именно в данном случае — степень свободы от «установленного порядка изложения». Эта свобода, в свою очередь, берет начало в неформальной среде общения, которой принадлежит ситуация, и еще усиливается, как отмечалось выше, безответственностью ее участников в отношении к фактической стороне дела. Поэтому здесь нужно говорить не о коммуникативных сценариях, а, скорее, о возможных коммуникативных «ходах» [3: 114–118, 125]; они реализуются автономно либо в комплексе, составляют множество комбинаций, но в конечном счете полностью обеспечивают введение анонимного фрагмента в контекст живого диалога.

Информация, которую сообщает инициатор разговора, может быть принципиально не известна адресату, что часто сводит общение к его реактивным высказываниям, составляющим «аккомпанемент» «основной партии» пересказа. Иными словами, такое оперативное обсуждение заявленной темы включает два поэтапных хода. Первый ход — «введение темы» — представляет суть интересного сюжета, а начинается метатекстовыми [9: 14–20] репликами с функцией привлечения внимания (*Слушайте; Послушайте меня; Я вам сейчас новость скажу; А ты знаешь?*) либо маркерами авторизации (*Говорят; Мне тут сказали; Мне один мой знакомый сегодня рассказал*). → Слушатель в большинстве случаев делает одновременный ход, выдавая со своей стороны эмоционально-оценочную реакцию. Короткие реплики типа *Как интересно!; Да ты что!; Вот это да!; Не может быть!; А я и не знал; Ничего себе!; Надо же!; Ну и ну!; Ты подумай!* призваны сигнализировать о вовлеченности³ в тему диалога.

Данный ход может быть пропущен, заменяясь «запросом подробностей» (*Ну-ка, ну-ка, что там было / о чем это ты; Давай поподробнее; А почему... и т. п.*). Когда адресат хочет разобраться в деталях и причинно-следственных связях сюжета, подобный предметный интерес, даже без языкового обнажения эмоций, свидетельствует о высокой степени его присоединения

к солирующему партнеру. Это увеличивает продолжительность общения еще на несколько реплик; см. пример:

[разговор на кухне].

А.: *Хочешь, я тебе яйца пожарю на завтрак?*

Б.: *Ну давай.*

А. [жарит яйца]: *А ты знаешь, у нас в Нальчике после войны яиц трудно было достать. Не было. Все их так хотели! И ходили такие разговоры среди нас, что если съесть десять яиц подряд, то умрешь!*

Б.: *Так а почему такое говорили-то страшное? Вроде же наоборот — яиц всем хотелось?*

А.: *Не знаю, но говорили...*

Б.: *А может быть, специально, чтобы люди не ровняли там или не стремились особо доставать?*

А.: *Или чтобы сэкономили.*

Б.: *Вот-вот.*

А.: *Но мы тогда как-то про это не думали.*

Просто всем яиц хотелось... Садись ешь.

(Речь Красноярска; ноябрь 2008. Архив автора.)

Реакция, впрочем, может быть и откровенно незаинтересованной (ход «уклонение от темы»). Тогда общение редуцируется максимально: «равнодушный» адресат молчит, изредка вставляет ответные реплики с семантикой формального восприятия — *Ага; Понятно; Ну и что?; Да?; Угу; М-м*, — и затем, если видит смысл в дальнейшем общении, переключает разговор: *Давай лучше поговорим о ...; Вернемся к нашим баранам; Кстати, а как там наш общий знакомый?* Как вариант инициируется отвлекающее от разговора действие⁴.

Такое развитие событий связано с нежеланием коммуниканта по какой-либо причине внешнего или внутреннего характера (дефицит времени, усталость, неактуальность разговора) развивать конкретную тему. Впрочем, диалог, едва начавшись, может быть прерван и по иному поводу, связанному с этическими установками адресата, который считает неэтикетным, некорректным, неприличным обсуждать анонимную информацию, особенно если она касается третьего лица, известного обоим участникам разговора. Демонстрируя негативную реакцию, используют типичные реплики: *Я в обсуждении слухов не участвую; Сплетен не терплю!; А тебе самому не противно все это обсуждать?; Замолчи сейчас*

же!, — а коммуникативный запрет связывают либо с неприятием предложенной для общения темы, либо с принципиальным неприятием модусов слуха и сплетни. Этот ход назовем ходом отторжения темы.

Нетрудно заметить, что три последние речевые единицы «работают» на блокирование неавторизованной информации в рамках самого диалога. И в этом случае ее шанс освоить более широкое коммуникативное пространство, по крайней мере в зоне языковой инициативы «сопротивляющихся» участников разговора, фактически стремится к нулю.

Другое положение дел мы имеем, когда с какой-либо актуальной информацией адресат предварительно знаком и она, преподнесенная в форме новости, оказывается для него вторичной. Здесь коммуникативная структура общения включает все то же первоначальное информирование, а затем → обсуждение образовавшегося сюжета. Если несколько участников коммуникации уверены в достоверности или просто эмоционально привержены именно своей новостной версии, обсуждение принимает характер дискуссии. На уровне семантики происходит как бы «столкновение модусов» и очередная реплика начинается с авторизационных фрагментов: — *А я слышал...* — *Нет, мне говорили...* — *Вы ничего толком не знаете: мне мой знакомый все объяснил...* — *Да ну, у меня совсем другая информация...* Каждый из вступающих в диалог доказывает авторитетность личного источника, защищая собственную версию текста. Субъективная партия диалога расширяется репликами персуазивности [9: 26–29], с помощью которых делается запрос на достоверность информации (*А это правда?*) и дается ответная, самая разнообразная оценка степени ее достоверности (ср.: *Да-да-да...; Конечно; Правда; и Вранье!; Глупости!; Ерунда какая-то*). Тогда-то реализуют чрезвычайно популярные в границах обсуждаемого явления ходы «запрос экспертизы» и «экспертиза»; см. пример:

[пешеходная экскурсия в заповедник «Столбы»; участники разговора А., Б. и В. подходят к мемориальной стене с именами погибших столбистов].

А.: Вот видишь, Витя, здесь имя Володи Теплых, знаменитого столбиста. Лучшие его никто не лазил!

Б.: А почему он погиб?

А.: Он лез на перья «Шкуродером» и в какой-то момент потерял опору, наверно, камешек какой-нибудь под ногой обвалился.

В.: А я слышала, что ход просто маслом смазали. У них там [имеются в виду члены разных столбистских компаний] войнушка какая-то была.

А.: Да ну! И ты этому веришь?

В.: А почему нет?

А.: Ну не знаю! ... Это какой же надо быть сволочью, чтобы сделать такое! ... И чтобы такой нашелся среди столбистов!

В.: Мне столбисты говорили, что и раньше такое случалось... И потом сама подумай: с чего ради Теплыху! с такого простого хода срываться.

А.: Вообще-то да, конечно.

(Речь Красноярска; июнь 2007. Архив автора.)

Если инициатор общения / кто-то из участников не уверен в достоверности излагаемого содержания — как случается со ссылкой на анонимный непроверенный источник (часто на слухи), — то семантика маркеров персуазивности будет, скорее, промежуточным значением неуверенности: *Может, это какая-то левая информация...; Я, конечно, точно не знаю...; Разумеется, я не настаиваю...; см. пример:*

[разговор о ликвидации местной авиакомпании «Красэйр»].

А.: Говорят, Абрамовичи оба уже за границей. Саша в Англии, а Боря в Швейцарии... А еще говорят, что они купили остров, и там у них дворец.

Б. [с иронией]: Мама! А почему не два острова и два дворца?

А.: Ну не знаю, может, это слух какой-то, про дворец. Что-то типа сплетни.

В.: Ой, да ну, Галя! Есть даже люди, которые все эти слухи собирают и передают, как Саша...

А.: Про дворец не помню, кто это мне сказал, может, Ирина Михайловна, а может, нет. Не помню... А она мне точно рассказала, что новый хозяин «Красэйр» закупил «боинги», а пилоты теперь на такси пересели. А возить-то некого — денег нет у людей.

(Речь Красноярска; декабрь 2008. Архив автора.)

При данных обстоятельствах может реализоваться коммуникативный ход «обнаружение подробностей»: мотивированное лицо

нацелено на расширение собственного информационного поля и просит собеседника поделиться его представлением о ситуации, каузируя потенциального эксперта⁵ запросами — *А ты ничего про это не слышал?; Ты же в Интернете зависаешь. Что там про это пишут?; Вы же там ближе «к телу», должны знать...*, — и не менее редко изложением собственной, «неполной» и неудовлетворительной, версии события. В рядовом случае этот ход используют спонтанно, а за основу берут человеческое стремление к пополнению и объективированию всякой актуальной информации:

[разговор на пикнике].

А.: Ты не в отпуске?

Б.: Нет, работаю еще, к сожалению.

А.: Мне передали, что от вас Вера уволилась.

Б.: Да, правда. Так жаль! Единственный человек, который, действительно, делом занималась, работала! ...

А.: А почему? Я слышала, по каким-то обстоятельствам личного характера. У нее же, кажется, ребенок в январе родился?

Б.: Ну да... Я скажу тебе, Катя, но только это не в передачу: у ее матери после рождения второго ребенка голова отказывать стала. Стала все забывать... Стало просто опасно...

А.: Тогда понятно, конечно.

Б.: Угу.

(Речь Лесосибирска; июль 2003. Архив автора.)

Иногда же ход активизируется, если кто-либо из участников общения занят сбором максимальной полной информации на совершенно конкретную тему. Тогда он трансформируется в настоящую провокацию и должен быть квалифицирован как манипулятивный.

Наблюдения за объектом заставляют выделить также коммуникативный ход «запрос источника».

Бывают случаи, когда один из участников общения подозревает другого в точном знании, но сознательном сокрытии истинного происхождения информации. «Любопытный» может заставить «знающего» проговориться, используя для этого известные всем с детства вопросы из серии «А тебе кто сказал?», и получить положительный ответ, состоящий в обнаружении искомого. Если в заключительной реплике разговора о лик-

видации «Красэйр» это происходит инициативно, то в диалоге ниже источник проявляется через реакцию на повторную реплику-стимул:

А.: *А мне сказали, что «пед» будут закрывать. Перепроизводство учителей, и никто из них по специальности работать не идет.*

Б.: *Кто это тебе сказал? Первый раз слышу.*

А.: *Да вот сказали...*

Б.: *Опять твоя лаборантка?*

А.: *Нет... Лена. Лена Иванова. А ей сказала женщина, которая сама об этом случайно узнала.*

Б.: *Угу.*

А.: *Женщина с ее кафедры. То есть вот как... Но ты не передавай это никому.*

Б.: *Ладно.*

(Речь Красноярска; ноябрь 2008. Архив автора.)

Видно, как, начав «выдавать» источник, участник общения с легкостью обнаруживает уже всю известную ему цепочку информационных посредников. Таким образом подтверждается и развивается мысль Г. Г. Почепцова о самотранслируемости слухов, которые буквально чреватые своей публикацией [6: 490]. Оказывается, готово быть обнаруженным не только само содержание — к тому же стремится и его источниковая база, хотя бы и замалчиваемая первоначально: пример показывает, что автор входит в коммуникацию с первоначальной установкой ее не называть.

Диалог выше (последние две реплики) демонстрирует реализацию еще одного, заключительного, коммуникативного хода — «запрет на трансляцию», — встающего в пару с подразумеваемым и очевидным согласием исполнить запрет. Фактически здесь можно говорить о квазиходе, поскольку его содержание — прямой, зафиксированный в языковой форме запрет на информирование кого бы то ни было со стороны адресата, откровенно противоречит сути совершаемого речевого действия — актуальному, сиюминутному распространению знания со стороны транслятора. Причина использования этого хода предельно ясна: обнаружив некую «тайну», а затем публично предупредив о невозможности ее дальнейшего «продвижения», транслятор получает для себя преференцию: вводит информацию в открытое обращение, но одновременно избавляется от внутренней ответственности

за дальнейшую публикацию. Прочие участники разговора имеют дело с проявлением обычной коммуникативной демагогии⁶.

Добавим к этому то, что они, ощущая свою безответственность за распространение анонимной информации, обладают полной коммуникативной свободой: ограничением для дальнейшей трансляции со стороны слушателей является только субъективно понятая этическая норма либо неактуальность новости.

Запрет на трансляцию как финальный ход обсуждения неавторизованной информации может быть замещен сигналом об исчерпанности темы⁷. Он поступает от субъекта, который первым устает от коммуникации, теряя интерес к предмету речи. В зависимости от степени личной близости и иерархии отношений эти сигналы бывают более или менее категоричными и выстраиваются в цепочку от информационно-корректного «*В общем, мне уже все понятно*» — через панибратское «*Кончай сплетни обсуждать!*» — к откровенно грубому «*Да надоело уже!*».

Итак, в заданных границах диалогового общения выделяется довольно большое количество коммуникативных ходов — всего 14, — которые, однако, только на первый взгляд образуют хаотичное множество, на самом же деле собраны в целостную систему, держащуюся на двух основаниях. Прежде всего, они представляют достаточно устойчивые и частотные коррелятивные пары, первый член которых размещен в реплике инициативной, а второй — в реплике реактивной; к примеру: введение темы → вовлечение в тему, запрос экспертизы → экспертиза, запрос источника → обнаружение источника и т. д. Каждая пара, в свою очередь, входит в один из четырех коммуникативных блоков — этапов развертывания диалога: 1) введение сюжета с маркером неавторизованной информации, 2) развитие этого сюжета либо 3) его блокирование, наконец, 4) завершение, выход из него.

Сказанное наглядно демонстрирует таблица.

Повторим мысль, сформулированную в самом начале данной статьи: нельзя утверждать, что обсуждение неавторизованной информации в живом диалоге подчинено точному коммуни-

Таблица. Коммуникативные блоки — этапы развертывания диалога

Введение сюжета	Развитие сюжета	Блокирование сюжета	Выход из сюжета
введение темы → вовлечение в тему	запрос экспертизы → экспертиза	введение темы → уклонение от темы	запрет трансляции → согласие с запретом
	запрос источника → обнаружение источника	введение темы → отторжение темы	исчерпанность темы → ее переключение
	запрос подробностей → обнаружение подробностей	введение темы → переключение темы	

кативному сценарию. Однако развитие подобных диалогов все же обнаруживает видимые системные закономерности: наличие коррелятивных ходов и коммуникативных блоков — доказательство этого. Данную систему нужно рассматривать только как некий условный потенциал, включающий более крупные и менее крупные единицы. Каждый раз они активируются в новой цепочке коммуникативных ходов, соотносящихся с обстоятельствами общения, составом и характеристиками его участников, а также их целеустановками.

При этом наиболее эффективным с точки зрения «продвижения» неавторизованной информации в открытую речевую среду является блок развития сюжета. Именно здесь происходит приращение его дикумной части и формулируется ответ на вопрос «Что еще об этом?»: событийная основа дополняется и углубляется обстоятельствами-сирконстантами, участниками-актантами, характеристиками-квалификативами, расставляются акценты в отношении причин и следствий происшедшего с помощью одноименных логических пропозиций.

Кроме интереса собственно содержательно, в границах данного блока коммуниканты реализуют интерес и к субъективным характеристикам текста, особо выделяя две квалификативные категории: персуазивность, когда высказывают свое мнение по поводу «правдивости» информации, и авторизацию, в случае, если на первый план выходит обсуждение / обнаружение ее источника. Внимание именно к этим двум смыслам модусного спектра не случайно. Неавторизованная

информация по определению обладает качествами анонимности и отсюда недостоверности, которые изучаются, а часто преодолеваются в процессе живого диалога, как это было показано выше на примерах (решение внутренних вопросов-интенций «Правда / неправда?» и «Кто источник / автор?»).

В связи со сказанным закономерно встает вопрос: когда и при каких условиях неавторизованная информация выходит за локальные рамки частного диалога и, модифицируясь в слух, поступает в устный канал распространения массовой информации, начиная в нем интенсивно обращаться? Принципиально ответ формулируется следующим образом: чтобы стать слухом, неавторизованная информация должна удовлетворять общему качеству актуальности, то есть являться важной и / или интересной для социального коллектива; помимо этого в ситуации ее «введения в оборот» должно иметь место общее соблюдение ряда условий, главное из которых — дружественное или, по крайней мере, кооперативное общение, заданное толерантным или, по крайней мере, нейтральным отношением коммуникантов друг к другу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данный пример заимствован из материалов диалектологической практики «Речь горожан» (проводилась в 1999–2006 гг. кафедрой русского языка Красноярского государственного университета; руководитель — канд. филол. наук Л. А. Киселева).

² Далее для обозначения этой коммуникативной роли будем использовать наименование «транслятор», точно отражающее, с нашей точки зрения, ее основную функцию.

³ Вовлеченность в тему обсуждения как одна из коммуникативных характеристик говорящего близка к языковому феномену сопричастности [8: 231; 10: 62–64].

⁴ О том же говорил Н. Абрамов, рассуждавший о необходимости «диалогического равновесия беседы»: «Разговор <...> есть род меновой торговли: мы даем одно и получаем за это другое, по возможности равноценное. Если из двух собеседников только один дает, а другой все получает или отделяется незначительными ценностями вроде «да» и «нет», то беседа гаснет, не будучи поддерживаемая» [1: 9; цит. по: 2: 145].

⁵ «Эксперт» в своем новом, расширенном, значении — одна из востребованных в современной коммуникативной среде ролей. Она требует от субъекта, исполняющего ее, наличия нескольких, представленных хотя бы в небольшой степени, качеств: наличия собственного знания / мнения по обсуждаемой теме, готовности им поделиться и способности к более или менее ясному изложению-комментарю.

⁶ Сравните с широко известным понятием лингвистической демагогии, в зоне которой приемы речевого манипулирования основаны на возможностях системы языка [5].

⁷ «Исчерпанность темы», а также упомянутые выше «уклонение от темы» и «отторжение темы» с известной долей условности можно отнести к коммуникативным ходам завершения разговора [3: 226–227]; с той только разницей, что ходы, обсуждаемые в данной статье, не обязательно ведут к окончанию общения, но лишь к выходу из сюжета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Н. Дар слова. СПб., 1902. Вып. 1: Искусство излагать свои мысли.
2. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 2005.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.
4. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
5. Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 154–165.
6. Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М.; Киев, 2001.
7. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.
8. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
9. Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: Дис. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. М., 1995.
10. Kim Igor E. Levy-Bruhl's concept of participation and the indirect use of relation nouns in the Russian language // Journal of Siberian Federal University: Humanities & Social Sciences. 2008. № 1. С. 62–69.

[хроника]

НЕДЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА И РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ АЗИИ

Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) при поддержке Россотрудничества в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» (2006–2010 годы) проводит в октябре-ноябре 2009 года в Китае, Бангладеш, Индонезии Недели русского языка и российского образования.

В рамках Недель русского языка будут проведены конференции, методические семинары, круглые столы, лекции, мастер-классы, на которых будут обсуждаться актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы в Китае, Бангладеш, Индонезии и России, методы и технологии обучения языку, использование новейших

достижений лингвистики и лингвокультурологии в практике преподавания русского языка как иностранного, тестирование по русскому языку, проблемы формирования межкультурной компетенции, интерактивные методы преподавания русского языка.

В мероприятиях Недель русского языка примут участие филологи-русисты и преподаватели русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, Российского университета дружбы народов, Московского государственного университета, а также преподаватели-русисты и студенты вузов Китая, Бангладеш, Индонезии.

Дополнительную информацию о Неделях русского языка можно получить на сайте www.mapryal.org.

И. М. Вознесенская, Т. И. Попова

ПРАВИЛА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ: НОРМАТИВНЫЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

IRINA M. VOZNESENSKAJA, TATIANA I. POPOVA

THE RULES OF SPEECH BEHAVIOR IN THE INTERNET COMMUNICATION:
NORMATIVE AND ETHIC ASPECT

**Ирина Михайловна
Вознесенская**

Кандидат филологических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного университета
► iravoz@mail.ru

Татьяна Игоревна Попова

Доктор филологических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного университета
► Popova-Sakura2005@yandex.ru

В статье на материале мнений пишущих пользователей Интернета рассматривается проблема грамотной речи в данной коммуникативной среде. Анализируемые дискуссионные суждения расцениваются в аспекте складывающегося процесса формирования правил речевого поведения в новых условиях Интернет-общения.

Ключевые слова: Интернет-общение, культура речи, норма, правила речевого поведения, ошибки.

In the article on the materials of opinions of Internet users who regularly write it is observed the problem of literate speech in this very communicative environment. The analyzed controversial opinions are regarded in the aspect of forming process of formation of the rules of speech behavior in the new circumstances of the Internet communication.

Keywords: the Internet communication, the culture of speech, the norm, the rules of speech behavior, errors.

Интернет-общение представляет собой новый вид общения и обмена информацией, характеризующийся особым функционированием языка, его специфическим обликом, который зачастую называют «устно-письменная речь, письменная разговорная речь» [8].

Среди специфических параметров общения в Интернете, влияющих на функционирование языка, исследователи отмечают его *неоднородность*, проявляющуюся в жанровом разнообразии, *анонимность* сообщений, их *полиадресованность*, *интерактивность* (возможность диалогового взаимодействия), а также *гипертекстуальность* (возможность ответвлений, указанных ссылками), *линейность* развертывания и *коллагность*, тематическую *полифоничность*, переплетение информационной и фатической функций языка (см.: [4; 6; 8; 2; 3; 9]). Эти параметры «создают максимально эксплицитный тип речевого поведения, провоцируют говорящих на проявление личностного начала, обуславливают свободу языкового воплощения замысла» [2: 567]. Вполне естественно, что язык в столь новых коммуникативных условиях приобретает новые функциональные черты.

Статья выполнена в рамках исследовательского проекта №1590 «Современная русская речь: проблемы нормы и динамика языковых изменений» при финансовой поддержке аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)».

Следует отметить, что *правила речевого поведения в Интернет-общении* находятся в начальной стадии формирования, являются неустоявшимися. Совершенно справедливо замечание Т. В. Матвеевой, которая вводит понятие «ортология текста» и пишет: «Корпус речедетельностных норм текстопорождения, безусловно, вынашивается веками и представляет собой явление национальной культуры, ожидающее научного описания. Антропоцентризм как глобальная концепция современной лингвистики позволяет поставить в центр текстовой ортологии не речевой факт — результат оценки авторитетных пользователей языка, а личность, соотносящую свой речевой поступок с эталоном культуры определенного социума» [5: 29]. Ортология текста «предполагает опору не на понятие „норма“, а на понятие „правило“, причем не на правило как догму, а на правило как речекультурную обязанность одной стороны коммуникации во имя прав другой стороны» [5: 26–27]. Правила речевого поведения предполагают опору на культурную конвенцию (нравственно-этический кодекс социума), принятую в данной речевой ситуации, они не являются строго фиксированными и не всегда четко осознаются пользователями языка. Правила речевого поведения усваиваются человеком «либо на основе подражания чужим образцам и стереотипам, либо на основе собственного опыта» [1: 265]. Набор этих правил можно выявить путем анализа речевых поступков, совершаемых пользователями языка в сходных ситуациях общения.

Итак, в нашей статье при анализе речевых поступков пользователей Интернета мы будем исходить не из понятия нормы, а из понятия правила речевого поведения. Нужно признать, что вопросы культуры речи, соблюдения/отступления от норм русского правописания в сфере Интернет-коммуникации являются горячей темой обсуждения самими пользователями. Участники форумов, авторы блогов завязывают спонтанные споры вокруг следующих вопросов: Важно ли и насколько важно писать грамотно? Как ошибки в речи влияют на характер и эффективность общения в Интернет-среде? Как преодолеть безграмотность? Позиции разных людей

зачастую диаметрально противоположны, тем не менее важен сам факт заинтересованного внимания пользователей к вопросам качества речи в Интернет-коммуникации. Проблемы языка пишущие пользователи тесно связывают с проблемами моральными и этическими: Допустимо ли делать замечания партнерам по коммуникации? Является ли замечание инструментом полемики? Какого рода замечания реализуют колкости, оскорбления, нападки и используются в качестве тактик воздействия на собеседника? Общение в Интернете демонстрирует разные речевые формы указания на ошибки и замечания, а также многообразные формы ответа на высказанные замечания.

Интернет-общение, в силу эксплицитности проявления личностного начала, делает ситуацию «Указание на ошибку» частотной ситуацией общения, и эта ситуация становится предметом обсуждения в блогах и на форумах. Пользователи Интернета осознают необычность ситуации, они пытаются найти тонкую грань между официальностью, анонимностью общения и возможностью реагирования, характерную для ситуации неофициального межличностного общения. Так, например, один из пользователей (Батончик) пишет:

Батончик

12-12-2006, 17:24

Безграмотные люди встречаются везде. Вот на улице же никто не подойдет к незнакомому человеку и не начнет указывать на его ошибки в речи.

Этот же пользователь старается сформировать эталон общения в Интернете, сравнивая ситуацию общения в Интернете с другими ситуациями: например:

Батончик

12-12-2006, 18:08

Да, но допустим, я написала письмо деловому партнеру с ошибкой. Или мне надо было срочно ему отправить это письмо по каким-то причинам, и я его не прочла. Как Вы думаете, этот партнер напишет мне в ответ что-то типа «И вы еще работник приличной фирмы, вот посмотрите, как Вы написали слово „корова“, да я с Вашей фирмой никогда теперь дел иметь не буду, потому что с Вами все ясно. И вообще, Вы врете, что Вы работаете в фирме, на самом деле, Вы — Маня-дворничиха»? Нет,

он никогда такого не напишет, даже если подумает, даже если вообще больше никогда со мной дел иметь не будет. Потому, что **это** — **просто неприлично**. Он сделает выводы про себя.

Пытаясь разделить официальное и неофициальное общение в Интернете, пользователи предлагают закрепить право указывать на ошибки за лицами, наделенными определенным социальным статусом и социальной ролью, а именно за модераторами и администраторами сайтов: например:

Батончик

12-12-2006, 17:27

А я знаю, что на многих форумах в правилах при входе прописана настоятельная просьба (читай требование) соблюдать правила русского языка при создании постов. (

Согласна. Может добавить и то и другое. И требование соблюдать и **запрет попрекать ошибками**. Тогда указывать человеку, на то, что его посты невозможно читать из-за ошибок смогут **только модераторы**. Они же будут требовать от участников отредактировать посты, чтобы они приобрели приличный вид, если сочтут, что участник вопиюще неважителен к читающим его форумчанам.

Проблема сетевых сленгов («жаргон падонкаф», «лексика в стиле превед») часто затрагивается в аспекте культуры речи. Преподаватели и исследователи выражают беспокойство по поводу того, что «увлечение такой языковой игрой может приводить к разрушению орфографических навыков, зачастую недостаточно сформированных» [7: 190]. При этом специалисты указывают и на тот факт, что «появились посетители чатов, которые исправляют орфографические ошибки других участников, а такое вмешательство часто встречается с благодарностью» [Там же]. Рассматриваемый в данной статье материал показал, что пользователи Интернета ясно осознают и разграничивают ошибки и намеренное искажение правописания с целью языковой игры. Они легко опознают и дифференцируют так называемый **«язык падонкаф»**, считая, что для его функционирования есть свой участок, своя зона Интернета, его использование узнаваемо, маркировано. Это особый код, включающий прагматически значимые смыслы. Ср.:

Автор: [m.k]

Дата: 17 ноября 2008

Олбанский йозыг — это стиль написания текста. Между прочим, в сленге пАдонкаф существуют свои правила (подробнее в Википедии).

Grandmothe® — Mode®ato®

правила я писал ☺

просто одно дело, когда люди специально делают ошибки, типа «есесьна» и проч, и совсем другое, когда показывают свою чудовищную безграмотность — ну это надо же, недавно мое отчество написали как «Генадевич». Вот такие пироги)) ☺

Gelias

Ух, ты! Вот это страсти! По теме: опечатки видны сразу и вполне простительны. А вот тупые ошибки напрягают. Сразу начинаешь сомневаться в умственных способностях человека вообще. Кто-то из древних греков сказал по своему древнегреческому обыкновению мудрость: Я пойму человека, который знает, как правильно писать, но при этом пишет с ошибками, и совершенно не понимаю и не уважаю людей, которые не знают правил. Согласен с Ярославом: **нарочитые ошибки за оные не считаются, все остальные — ацтой...**

Интересно, что пользователи Интернета пытаются сформулировать правила речевого поведения для рядовых пользователей и для профессионалов. Профессионалам предписывается соблюдать нормы русского литературного языка. Например,

Автор: [m.k]

Дата: 17 ноября 2008

Еще не менее важно, **коммерческий ли это блог или личный**. В личном блоге читатели лояльнее относятся к ошибкам. А вот с коммерческим сложнее — какой нормальный человек будет доверять фирме, у которой **неграмотный вебмастер (контент-менеджер, копирайтер и т. п.)**. И никакого там албанского! ИМХО.

Таким образом, пользователи Интернета разделяют ошибки на допустимые, «нарочитые» — намеренные, связанные с языковой игрой, и недопустимые — неосознаваемые, вызванные безграмотностью. Они четко определяют сферу речевого общения, где ошибки допустимы и где абсолютно исключены.

Попробуем систематизировать тексты, размещенные на сайтах форумов и блогов (см. перечень источников в конце), в которых обсуждаются правила речевого поведения в Интернет-общении. Используемые источники представляют широкий спектр мнений, оценок и вариантов речевого поведения разных социальных групп пользователей.

Отношение к культуре речи, речевым средствам, используемым в общении, грамотность письма выявляют две основные группы пользователей Интернета: 1) представители первой группы прямо высказываются за необходимость автокоррекции и авторефлексии речи, выводимой в сферу публичной Интернет-коммуникации; 2) представители второй группы утверждают «свободу» речевого оформления, выражают сомнения в целесообразности редактирования речи, выдвигают доводы в защиту допустимости нарушения норм и отступлений от строгих правил, свойственных кодифицированному литературному языку в его книжно-письменной разновидности. Таким образом, параметр **лояльности/терпимости/нетерпимости** к ошибкам, связанным с отступлением от норм, позволяет в самом общем виде дифференцировать позиции участников форумов и блоггеров, разделить представителей этой среды на «сторонников» и «противников». Эти позиции раскрываются как в ходе разворачиваемых на тему правильности речи (а) дискуссий, так и в спонтанном диа/полилогическом общении, обнаруживающем (б) реакции на допущенные ошибки и сделанные замечания. В данной статье мы остановимся на первом типе речевых поступков (текстов).

Аргументы сторонников и противников соблюдения литературных норм русского языка в Интернет-общении строятся вокруг следующих вопросов: мешают или нет речевые ошибки передаче и получению информации (*информативный аспект*)? приводит или нет неграмотная речь к межличностному конфликту (*этический аспект*)? влияет или нет соблюдение/несоблюдение норм литературного русского языка пользователем Интернета на отношение к достоверности сообщения (*прагматический аспект*)?

1. Информативный аспект.

Суммируя аргументацию сторонников соблюдения литературных норм русского языка в Интернет-общении, можно сказать, что они исходят **из права адресата на получение информации**, подчеркивая, что большое количество ошибок затрудняет понимание:

Olunchik

12-12-2006, 17:22

Я никогда не высказывалась на этот счет, но последнее время **читать форум становится все сложнее, очень тяжело продираться через дебри чужих ошибок в надежде уловить суть** :(

Противники соблюдения норм литературного языка не связывают наличие ошибок с информативностью текста. Для них оказывается важнее такая категория текста, как интересность, важность обсуждаемых проблем:

nadja

12-12-2006, 18:30

Мне всё равно кто как пишет главное, что бы **на интересующую меня тему, интересно**, без злобы, снобизма, глупого сарказма и т. д. И я не высказываюсь в пользу запрещения разборок текстов высказывающихся, пусть будет демократия.

Сторонники соблюдения правил напрямую связывают грамотность текста с темой обсуждения: серьезная тема, с их точки зрения, требует соблюдения норм литературного языка:

shusha

Меня коробит не от отсутствия неграмотности, все могут ошибаться, хотя не там поставленная запятая меняет весь смысл фразы, а грубость и хамство. Когда человек ведёт блог на дворовом сленге, то и посетители соответствующие, а он ещё пытается поднять темы сугубо специфические: экономика, политика и ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ. Лучше уж тогда про пиво и рэп писать.

2. Этический аспект.

Сторонники нормативной речи считают нарушение норм проявлением неуважения к собеседнику:

Туся

12-12-2006, 17:14

На мой взгляд — и критика, и вопиющее пренебрежение правилами русского языка — все это **завуалированное хамство**.

Для противников соблюдения норм на первый план выходит толерантность к собеседнику, допускающему ошибки. Они считают недопустимым делать замечания, потому что указание на ошибку — форма оскорбления собеседника, провоцирующая конфликтную ситуацию:

Батончик

12–12–2006, 18:37

Но вот добивают такие темы. Обсуждают люди в топике какой-то спорный вопрос. Вдруг один пишет другому: «и Вы еще говорите, что.....(сюда подставляется любое высказывание человека, с которым его собеседник не согласен, не важно какое), да Вы посмотрите, как Вы пишете, да у Вас небось и 3 классов образования нету, а еще с умными людьми разговаривать пытаетесь». Все, после этого топик пропал. **Начинается дикая грызня** всех со всеми на темы далекие от исходного обсуждения. Иногда получается мрачно. :001:

3. Прагматический аспект.

С точки зрения сторонников соблюдения литературной нормы, неграмотная речь подрывает доверие к словам пишущего, в результате общение не достигает своей цели:

J.So

12–12–2006, 18:08

Мое ИМХО: **грамотность человека всегда ставит в моем сознании большой плюс в отношении к собеседнику**, скажем, на уровне эмоций, и появляется определенная **предрасположенность к человеку**. Не зависимо, согласна я с его мнением или нет.

Вообще, я к опечаткам отношусь нормально, а вот если есть много именно орфографических ошибок, невольно возникает мысль, что **автор блога (сайта) — какой-то тупой двоечник** (автор этой мысли Самизнаетекто).

Пользователи Интернета осознают, что от степени грамотности пишущего зависит посещаемость блога, значит, престиж автора. Соблюдение норм, качество языка производит отбор круга посетителей того или иного блога, поэтому блоггеры, осознавая этот фактор, работают над грамотной речью, осуществляют самокоррекцию:

Naprik

Я сам раньше не замечал то, что писал — писал очень безграмотно! Очень снизилась посещаемость!

А как писать грамотно или нет — это зависит от аудитории, которая блог читает!

Для противников соблюдения норм нарушение норм — способ выделиться в отдельную социальную группу:

JustC

Видишь, **это не не форум грамотеев, тут грамматика не играет особой роли** (форум рэпперов).

Противники соблюдения норм подчеркивают фатический характер общения в Интернете, они отказываются следовать правилам и нормам, мотивируя это неуместностью и отсутствием необходимости:

Isida

Ярослав, **мы что на уроке чистописания?** или как понимать.. вот ты тут рассуждаешь, что было тогда и что сейчас... можно подумать — везде флуд, ошибки и все прочее... считаю, что ошибки — не большой Грех, и просто смотри на них и улыбайся, а поддаваться на интриги Далены, против конкретного лица,... не идет.

Итак, анализ рефлексии участников Интернет-общения по поводу стихийно складывающихся правил речевого поведения в Интернет-общении приводит нас к выводу, что их формирование происходит под воздействием тех же факторов, что и становление норм речевого поведения в литературном языке. Специалисты, определяя понятие литературной нормы, связывают его с ситуацией общения, этическими предпочтениями определенного социального коллектива, с потребностью достижения коммуникативной цели в общении, с его эффективностью. Все эти параметры имеют принципиальное значение и для изучения функционирования языка в Интернет-пространстве.

Правила речевого поведения в электронной сфере коммуникации складываются с учетом специфики ее определенных участков, где жанровые различия осознаются и пользователями, и специалистами достаточно ясно (чаты, блоги, форумы, гостевые книги, комментарии обладают своими отличительными признаками).

Специфика неформального общения в Интернет-сфере обусловлена особой ролью категории тональности и субъективной модально-

сти. Как и в разговорной беседе, так и в Интернет-общении, «партнеры получают множество дополнительных прав, касающихся выражения субъективной позиции, эмоционального отношения к обсуждаемому» [5: 28]. Поэтому правила речевого поведения в Интернет-общении в целом подчиняются необходимости ограничения субъективного проявления пишущего в целях обеспечения гармонии общения.

Соблюдение/нарушение норм правописания, правил речевого поведения ведет к социальной идентификации и дифференциации определенных групп пользователей, объединяя в Интернет-пространстве единомышленников со схожим уровнем культуры, в том числе и речевой, с общими приоритетами и установками в общении.

Спонтанно возникающие в электронной коммуникации дискуссии по поводу грамотности речи показательны в отношении процесса формирования конвенций, соотносимых с принятыми в рамках определенного социума эталонами.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Орфография и пунктуация соответствует источнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викулова Л. Г., Шарунов А. И. Основы теории коммуникации: Практикум. М., 2008.
2. Какорина Е. В. СМИ и Интернет-коммуникация (Интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) // Современный русский язык: Актуальные процессы на рубеже XX-XXI вв. / Под ред. Л. П. Крыгина. М., 2008. С. 549–578.
3. Коретникова Л. И. Неофициальное общение в Интернете // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2006. С. 155–160.
4. Макаров М. Л. Жанры в электронной коммуникации: quo vadis? // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.
5. Матвеева Т. В. Об ортологии текста // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург, 2000. С. 21–29.
6. Рогачева Н. Б. Новые приоритеты в русском Интернет-общении: на материале жанра блога // Жанры речи: Сб. научных статей. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 389–403.
7. Романова Н. Ю. Язык «Живых журналов» и проблемы культуры речи // Русский язык в системе высшего образования. Матер. докладов и сообщений XII междунар. научно-методич. конф. СПб., 2007. С. 187–190.

8. Трофимова Г. Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России: функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., 2004.

9. Усачева О. Ю. Конфликтный диалог в интернете (на материале политических форумов). — <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/UsachevaO/UsachevaO.htm>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- <http://forum.fwuo.ru/showthread.php?t=7119>
<http://www.forum.littleone.ru/archive/index.php/t-115024.html>
<http://www.lovehate.ru/opinions/29406>
<http://seo73.ru/2008/11/17/pro-grammaticheskie-oshibki-v-bloge>
<http://www.litredaktor.ru>
<http://www.ursmu.ru/forum/viewtopic.php?f=21&t=25>
<http://www.thesims3.ru/forum/9-1233-1>
<http://rappavlodar.forum24.ru/?1-3-40-00000128-000-0-0>
<http://forum.baikal.net/index.php?showtopic=11503>
<http://ilyabirman.ru>
<http://school688.ucoz.ru/forum/0-0-0-36>
<http://www.thg.ru/forum/archive/index.php/t-6513.html>
<http://www.blogpix.ru/index.php?topic=93.0>

Н. И. Белунова

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИИ В ТЕКСТЕ ДРУЖЕСКОГО ПИСЬМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)

NINA I. BELUNOVA

THE PECULIARITIES OF REALIZATION OF EMOTIONAL EVALUATIVE FUNCTIONS IN THE FRIENDLY LETTER TEXT
(ON THE MATERIAL OF CREATIVE INTELLIGENTSIA LETTERS OF THE END 19TH — THE 1ST QUARTER OF THE 20TH CENTURY)

В статье выявляются и рассматриваются специализированные лингвистические средства, реализующие эмоционально-оценочную функцию текста дружеского письма творческой интеллигенции: эмоционально-оценочные обращения; эмоционально-оценочные подписи; эмоционально-оценочные адресатные высказывания; эмоционально-оценочные высказывания с метаречевыми элементами.

Ключевые слова: дружеское письмо, функция, эмоциональность, оценочность, обращение, подпись, метаречевые элементы, предложение-высказывание.

In the article there are revealed and observed specialized linguistic means which realize emotional evaluative function of the friendly letter text of creative intelligentsia: emotional evaluative address, emotional evaluative signature, emotional evaluative utterances of the addressee, emotional evaluative utterances with metaspeech elements.

Keywords: a friendly letter, a function, an emotionality, an evaluativeness, the address to, signature, metaspeech elements, a sentence-utterance.

Нина Иосифовна Белунова

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики
 ▶ 192171, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 1. СПбГУСЭ, кафедра русского языка и культуры речи

Функциональный подход к изучению языка в современной лингвистике является одним из ведущих, однако, как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, многозначность терминов «функция», «функциональный» затрудняет выделение общего знаменателя [1]. Вопрос о характере и количестве функций языка неоднократно являлся предметом рассмотрения в лингвистической литературе [2, 3 и др.]. Весьма убедительным нам представляется следующее замечание В. Е. Гольдина: «Критерием объективности результатов анализа и показателем самостоятельности выделенных функций является... возможность обнаружить в составе коммуникативных единиц специализированные средства, служащие реализации той или иной функции» [4:18].

Функция понимается нами как «...роль (употребление, назначение) языка в человеческом обществе» [5: 564]. С нашей точки зрения, функции языка в тексте во многом определяются принадлежностью текста к определенному функциональному стилю, определенному жанру. При классификации функциональных стилей одним из факторов выделения стилей лингвистами признается функция языка (хотя этот фактор и не является определяющим) [6, 7 и др.].

Дружеское письмо рассматривается в данном случае в качестве разновидности частного неофициального письма. В словаре русского языка значение слова «дружба» определяется как «отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов» [8: 449]. При этом социально-культурный статус автора и адресата, важность которого подчеркивал Ш. Балли [9], рассматривается нами в качестве одного из ведущих факторов, определяющих экстралингвистические и собственно языковые особенности текста дружеского письма.

Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX — первой четверти XX века — выдающихся поэтов и писателей, ученых, театральных деятелей, музыкантов, являющихся носителями высокой, элитарной речевой культуры, — в стилистическом отношении представляют собой синтез элементов различных функциональных стилей, то есть занимают промежуточное положение в системе функциональных стилей, и характеризуются политематичностью и полифункциональностью [см. об этом подробнее: 10].

В дружеском письме, которое представляет собой персональное, личностно ориентированное средство общения и характеризуется содержательной свободой, неофициальностью общения, весьма существенное место занимают оценочные, эмоционально-оценочные, экспрессивные средства языка, являющиеся источником субъективности.

Таким образом, эмоционально-оценочная функция в ряду других функций, характерных для названного типа текста, занимает важное место.

В лингвистической литературе вопрос о коннотациях, о соотношении составляющих аффективной сферы является дискуссионным и не имеет однозначного решения. Подчеркнем, что мы разделяем точку зрения исследователей, которые, во-первых, считают, что далеко не каждое высказывание обладает субъективно-модальным значением и что коннотации являются добавочным, дополнительным значением слова, которое накладывается на его основное значение [11, 12 и др.]; во-вторых, разграничивают такие типы коннота-

ций, как экспрессивность, эмоциональность, оценочность, образность [13, 14 и др.].

Так, убедительной представляется точка зрения В. К. Харченко, который пишет: «Под оценочностью понимается заложенная в слове положительная или отрицательная характеристика человека, предмета, явления» [13:66] и подчеркивает, что наличие плюса или минуса в значении слова — важнейший показатель оценки, что оценочность — категория функциональная, которая меньше всего является «созначением» и тем отличается от эмоции и экспрессии [13].

Эмоциональность, как отмечает В. К. Харченко, в отличие от оценочности — категория психологическая, которая находит свое выражение в междометиях, аффиксах и главным образом в интонации [13].

Г. Н. Акимова указывает на необходимость разграничения экспрессивного и эмоционального: «...самым существенным в разграничении эмоционального и экспрессивного представляется, с одной стороны, произвольность, непосредственность эмоции, так как она связана с чувствами, и, с другой стороны, заданность экспрессии как средства воздействия, когда говорящий (пишущий) осознает преднамеренность использования определенных языковых средств (что предполагает наличие этих средств в готовом виде)» [14: 82–83].

В тексте дружеского письма довольно часто совмещаются такие типы коннотаций, как «оценочность» и «эмоциональность», что позволяет говорить об эмоционально-оценочных лингвистических средствах и *эмоционально-оценочной функции*.

В тексте дружеского письма творческой интеллигенции эмоционально-оценочная функция реализуется разноаспектными синтаксическими единицами (предложениями — высказываниями), содержащими эмоционально-оценочную лексику или являющимися в интонационном отношении эмоционально окрашенными. В качестве таких специализированных средств выступают: 1) эмоционально-оценочные обращения, 2) эмоционально-оценочные подписи, 3) эмоционально-оценочные адресатные высказывания, 4) эмоционально-оценочные высказывания с метаречевыми элементами.

Обращение и подпись являются «ритуальными» элементами эпистолярного жанра. Отметим, что мы разделяем точку зрения исследователей, рассматривающих *обращение* в качестве коммуникативной синтаксической единицы [15, 16], и считаем, что обращение является полифункциональной лингвистической единицей, играющей важную роль в организации общения [см. об этом подробнее: 10, 17]. Для дружеского письма творческой интеллигенции характерны обращения, выполняющие эмоционально-оценочную функцию. Такие обращения, как правило, являются «развернутыми», оригинальными, нестандартными, поскольку они создаются каждый раз заново с ориентацией на адресата.

Например: «**Милая моя, Единственная, Ненаглядная, Святая, Несравненная, Любимая, Солнце мое, Свет мой, Сокровище мое, Жизнь моя** — или лучше без имен» (А. Блок — Л. Д. Менделеевой. 4/17 н. ст./июня, 1903. Бад-Наугейм); «**Наташа, душа моя, возлюбленная моя, сердце мое, люблю тебя навек**» (А. Н. Толстой — Н. В. Крандиевской. 7 декабря, 1914. Москва); «**Дорогой мой, мой славный Федор!**» (А. М. Горький — Ф. И. Шаляшшу. Н. Новгород. Середина сентября, 1901); «**Прелесть моя!**» (С. С. Прокофьев — Н. Я. Мясковскому. 28 декабря, 1907. Петербург); «**Дорогой и бесценный ангел — Маруся!**» (К. С. Станиславский — М. П. Лилиной. 21 августа, 1909. Москва).

Так, приведенные обращения включают слова, выражающие чувства (любимая, возлюбленная), т. е. эмоциональную лексику, и одновременно — слова, имеющие оценочное значение (солнце, сокровище, святая, сердце мое, душа моя и др.). Или обращения являются эмоционально окрашенными в интонационном отношении и одновременно содержат оценочную лексику (преlestь, славный, бесценный ангел и др.). Отметим, что в данном случае оценочное значение слова часто приобретают в контексте в результате употребления их в значении — в метафорическом.

Эмоционально-оценочное значение обращения получают также за счет включения в них слов с эмоционально-оценочными суффиксами.

Например: «**Милейший Сергушонок**, я опять в Капитонове» (Н. Я. Мясковский — С. С. Прокофьеву. 24 октября, 1914. Капитолово); «**Миленький Нямошка**, я проехал Стокгольм, Готский канал, Трольхетенский водопад и прибыл в Христианию» (С. С. Прокофьев — Н. Я. Мясковскому. 6/19 июня, 1914. Христиания); «**Наташечка**, сегодня выяснилось — моя должность будет состоять в следующем» (А. Н. Толстой — Н. В. Крандиевской. 17 декабря, 1916. Минск).

Высказывания, представляющие собой *подпись*, рассматриваются нами в качестве одного из адресатных синтаксических средств, поскольку они представляют собой самоименование адресанта. Для дружеского письма творческой интеллигенции характерны распространенные подписи, включающие не только имя собственное, но и оценочные, эмоционально-оценочные слова. Например: «**Твой, очарованный, овеванный Твоими Великими Снами**» (А. Блок — Л. Д. Менделеевой. 17 ноября, 1902. Петербург); «**Тоскующий и любящий Костя**» (К. С. Станиславский — М. П. Лилиной. 30 июля, 1915. Пальна); «**Уважающий, любящий и преданный Вам К. Алексеев**» (К. С. Станиславский — А. П. Чехову. Декабрь, 1900. Москва).

Эмоционально-оценочное значение подписи, как и обращения, довольно часто приобретают благодаря эмоционально-оценочным суффиксам. Например: «Ваша **Аннушка**» (А. А. Ахматова — С. В. фон Штейну. 1906); «Весь Ваш **Витюша**» (В. В. Виноградов — Н. М. Малышевой. 14 января, 1926. Ленинград); «Твой **Кокося**» (К. С. Станиславский — Н. К. Шлезингеру. 22 июля, 1891. Москва).

Приведем примеры некоторых подписей, рассчитанных на абсолютно индивидуальное общение: «Твоя сестра **Аккума**» (А. А. Ахматова — В. К. Шилейко. 1924. Ленинград); «Твоя лисица навек» (А. Н. Толстой — Н. В. Крандиевской. Декабрь, 1915. Петроград); «Твой **Горный Орел**» (А. Н. Толстой — Н. В. Крандиевской. Август, 1928. Кисловодск).

К адресатным высказываниям, реализующим эмоционально-оценочную функцию, мы от-

носим высказывания, выражающие отношение (следовательно, оценку) и чувства автора к адресату. Хотя данные высказывания выражают прежде всего чувства и отношение пишущего, но в то же время это отношение *к адресату* и чувства, направленные *на адресата*, что позволяет рассматривать их, как нам представляется, в качестве адресатных. Приведем примеры эмоционально-оценочных адресатных высказываний:

«То, что я сумел узнать в Вас, мне — **родное**: и Ваша **наивная фантастичность**, и **мягкая растерянность** (быть может, **слегка истерического характера**), и **мечтательность** — такая **нежная, женственная**, и Ваш **юмор** — **тонкий** при резкой иногда внешней оболочке — мне понятны и **радостны**» (В. В. Виноградов — Н. М. Малышевой. 21 августа, 1925. Москва);

«...Ваше сообщение о нищей — **чудная вещь!** Вот **алмаз**, который следует отшлифовать... Эта вещь и извозчик — **прелесть!** **Вам удивляюсь!** **Талантливый Вы человечище** — да, но и **сердце у Вас — зеркало!** Как Вы ловко хватаете из жизни ее улыбки, грустные и добрые улыбки ее сурового лица! (А. М. Горький — К. С. Станиславскому. № 131, с. 147);

«**Прекрасней Тебя — нет. Желанней Тебя — нет. Обольстительней Тебя — нет.** Ты — вся **женственность**, не оставившая женщины, и женщина не возмущающая женственности. Верь мне, что этого **таинственного и редкого в мире сочетания** почти никогда нельзя встретить» (А. Блок — Л. Д. Менделеевой. 18 ноября, 1902. Петербург).

Отметим, что в последнем приведенном примере наблюдается совмещение не только таких типов коннотаций, как «оценочность» («прекрасней», «обольстительней», «женственность», «редкого в мире сочетания»), «эмоциональность» («желанней»), но и «экспрессивность», поскольку начальные предложения — высказывания («Прекрасней Тебя — нет. Желанней Тебя — нет. Обольстительней Тебя — нет»), построенные по принципу синтаксического параллелизма и имеющие эпифорический лексико-синтаксический повтор, несомненно, относятся к экспрессивным средствам синтаксиса.

Эмоционально-оценочные адресатные высказывания в дружеском письме творческой интеллигенции могут выражать: 1) оценку личностных, внутренних качеств адресата; 2) оценку творчества адресата; 3) обобщенную оценку адресата; 4) признание в дружбе, любви.

Приведем примеры высказываний, которые представляют собой признание адресату: «Нужно ли говорить тебе, как я тебя **люблю и уважаю**, — получи же мой горячий поцелуй, и да хранят тебя боги от тоски и скуки.» (Ф. И. Шалапин — А. М. Горькому. Нью-Йорк. 15 ноября, 1907); «Право, я Тебя **люблю**. Иногда совсем нежно и сиротливо. Тебя никто не знает, но, как Ты думаешь, знаю ли я Тебя? По крайней мере, я всегда этого хочу» (А. Блок — А. Белому. 2 октября, 1905. Петербург); «**Старчик, Вы мне дороги так, что я готов видеть в Вас часть самого себя**» (В. В. Виноградов — Н. М. Малышевой. 11 марта, 1927. Ленинград); «Ни там, ни здесь я не могу без тебя. Не могу, потому что **люблю тебя больше себя**, должно быть, или потому, что **любить тебя — радость** и вне нашей любви — смертельный холод, тоска. Мне очень грустно» (А. Н. Толстой — Н. В. Крандиевской. 24 декабря, 1916. Москва).

Эмоционально-оценочную функцию в дружеском письме выполняют также *высказывания с метаречевыми элементами*.

В дружеских письмах творческой интеллигенции высказывания с метаречевыми элементами, реализующие эмоционально-оценочную функцию, различаются характером адресованности. С одной стороны, выделяются адресатные метаречевые высказывания, представляющие собой оценку речи адресата адресантом. Например: «Но в Вас (это не комплимент и не лесть) я вижу незаурядную личность. Некоторые из Ваших писем — доказательство несомненное этому. Они — **художественны** с формально-эстетической точки зрения. И я **нахожу радость** в беседах с Вами и письмах Ваших как эстет» (В. В. Виноградов — Н. М. Малышевой. 15 или 19 ноября, 1925. Ленинград). «Твои письма неизведанно **прекрасны**. Они мне **праздник и свет**» (А. Блок — Л. Д. Менделеевой. 15 ноя-

бря, 1902. Петербург). Как правило, адресатные высказывания с метаречевыми элементами являются комплиментарными. С другой стороны, выделяются адресантные метаречевые высказывания, представляющие собой оценку автором письма своей речи.

Например: «Написал вчера длинное письмо ко дню свадьбы, но сегодня решил не посылать его. Вышло не то, что чувствую, какая-то философия, притом с грустью, и это не подходит ко дню» (К. С. Станиславский — М. П. Лилиной. 3 июля, 1915. Евпатория); «Перечитав письмо, вижу, что написано оно изумляюще скверно, запутано, шероховато и вообще — пакостно! Нет, видимо, философия не моя специальность» (А. М. Горький — К. П. Пятницкому. Между 2 и 11 января, 1902. Олеиз).

Отметим, что метаречевые оценочные адресантные высказывания особенно характерны для писем В. В. Виноградова, что обусловлено глубоким вниманием выдающегося лингвиста к языку и его функционированию. При этом метаречевые адресантные высказывания в письмах В. В. Виноградова наряду с основной функцией оценки своей речи (1) представляют собой, с нашей точки зрения, интересные замечания В. В. Виноградова об употреблении, функционировании языка (2), демонстрируют самый высокий уровень владения языком (3).

Например: 1. «Не сердитесь за **метафорический стиль**. Это — **признак романтизма**» (В. В. Виноградов — Н. М. Малышевой. 2 февраля, 1926. Ленинград).

2. «Здравствуйте, миленькие малютки, мои крошки! **Как странно (больше того: убийственно), что нет слов свободных**: литература прикрепила даже те слова, с которыми я обратился к Вам... Так говорил Чичиков, обещая привезти го-стинец Алкиду и Фемистоклюсу, детям Манилова (только вместо „здравствуйте“ — он сказал: „прощайте“» (В. В. Виноградов — Н. М. Малышевой. 2 марта, 1927. Ленинград).

3. «**Не соединить ли мне хоть в одном письме эпистолярный стиль со сказовыми формами**, дорогая Надюша?» (В. В. Виноградов — Н. М. Малышевой. 30 марта, 1826. Ленинград).

Таким образом, эмоционально-оценочная функция является весьма характерной для текста дружеского письма творческой интеллигенции и реализуется главным образом следующими лингвистическими средствами: эмоционально-оценочными обращениями; эмоционально-оценочными подписями; эмоционально-оценочными адресатными высказываниями; эмоционально-оценочными высказываниями с метаречевыми элементами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Эволюции лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144–238.
2. Слюсарева А. Н. Функциональная грамматика в Великобритании и Нидерландах // Современные зарубежные грамматические теории. Сб. аналитич. обзоров. М., 1985. С. 172–212.
3. Торсуева Г. И. Интонация и смысл высказывания. М., 1979.
4. Гольдин В. Е. Обращение: Теоретические проблемы. Саратов, 1987.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
6. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1998.
7. Валгина Н. С. Функциональные стили русского языка. М., 1994.
8. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1985.
9. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
10. Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX — начала XX века. Жанр и текст писем. СПб., 2000.
11. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
12. Гальперин И. Р. Модальность текста // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1980. Вып. 158. С. 119–133.
13. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66–71.
14. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
15. Проничев В. П. Синтаксис обращения. Л., 1971.
16. Формановская Н. И. Обращение // Русский язык в школе. 1994. № 3. С. 84–88.
17. Черняева А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX — первой четверти XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.

ИСТОЧНИКИ

Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. Т. 2. Стихотворения разных лет. Проза. Письма. М., 1990.

Блок А. Соч.: В 6 т. Т. 6. Письма. Л., 1983.

Александр Блок. Литературное наследство. Письма к жене. Т. 89. М., 1978.

Виноградов В. В. «Сумею преодолеть все препятствия»: Письма // Новый мир. 1995. № 1. С. 173–213.

Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Письма. Телеграммы. Надписи. М., 1954.

Переписка А. Толстого: В 2 т. Т. 2. М., 1989.

Прокофьев С. С. и Мяковский Н. Я. Переписка. М., 1977.

Станиславский К. С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Письма / Гл. ред. М. Н. Кедров. М., 1960. С. 194.

Шаляпин Ф. И. Литературное наследство. Письма. Т. 1. М., 1976.

[хроника]

II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, МЕНТАЛЬНОСТЬ: РАЗНООБРАЗИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК»

(г. Курск, 14–16 мая 2009 года)

Конференция проходила по плану Министерства образования и науки РФ под эгидой Российского общества преподавателей русского языка (РОПРЯЛ) и Российской академии естественных наук (РАЕН), при поддержке Правительства Курской области и Комитета образования и науки Курской области в Курском государственном техническом университете.

Инициаторами конференции выступили факультет лингвистики и межкультурной коммуникации (декан проф. Р. К. Боженкова) и кафедры теоретической, прикладной и коммуникативной лингвистики КурскГТУ (зав. кафедрой проф. Н. А. Боженкова).

В форуме 2009 года приняли участие более 200 ученых из ведущих высших учебных заведений России, ближнего и дальнего зарубежья: Болонского университета (Италия), Университета Льюиса (г. Иллинойс, США), Американской ассоциации русского языка (г. Гейтерсбург, США), Университета Шахид Бехешти (Иран), Шаньдунского института Бизнеса и Технологий (КНР), лицея им. Ламина Гея (Сенегал), Тбилисского государственного университета (Грузия), Таразского государственного педагогического института, Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова, Актюбинского гуманитарного колледжа и Актюбинского университета «Дуние» (Казахстан), Кыргызско-Турецкого Университета Манас (Киргизия), Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Республика Беларусь), Таджикского государственного национального университета (Таджикистан), Университета Витаутаса Великого (Литва), Ленкоранского государственного университета (Азербайджан), Узбекского научно-

исследовательского института педагогических наук им. Т. Н. Кары Ниязова (Узбекистан).

В конференции участвовали представители более 100 высших учебных заведений России (свыше 40 регионов): Курска, Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Воронежа, Орла, Магнитогорска, Челябинска, Гродного, Омска, Армавира, Читы, Якутска, Новочекасска, Брянска, Краснодара, Иваново, Ярославля, Иваново, Астрахани и др.

Подводя итоги работы, участники конференции отметили широту представительства и подлинность статуса конференции, безупречность организации и проведения, высочайший научный уровень. Кроме того, был отмечен положительный опыт объединения в рамках одного форума ученых-теоретиков (филологов, философов, культурологов, юристов), преподавателей русского и иностранных языков, переводчиков, позволившего выявить точки соприкосновения интересов, сферы взаимодействия и наметить новые направления исследований.

Участники конференции посетили музей нашего университета, побывали на экскурсии в Коренной пустыни, в Спасском-Лутовиново, в Марьино.

Нетрадиционной для конференций формой работы стали показ компьютерной презентации «Наш адрес — Россия... Курск... КурскГТУ...», подготовленная преподавателями и студентами факультета лингвистики и межкультурной коммуникации; организация итальянской фотовыставки; проведение вечера итальянского кино.

Н. П. Шульгина, канд. пед. наук, доц. кафедры теоретической, прикладной и коммуникативной лингвистики КурскГТУ

Н. А. Колкова

РУССКАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ: СМЕРТЬ КАК СЦЕНАРИЙ УХОДА

NATALIA A. KOLKOVA

RUSSIAN FUNERAL PAREMIOLOGY AND PHRASEOLOGY IN LINGVOCOGNITIVE ASPECT:
DEATH AS A SCENARIO OF LEAVING

Работа посвящена анализу погребальной фразеологии и паремиологии. Фразеологизмы и паремии с обрядовой тематикой изучаются в двух аспектах: выявление особенностей погребального обряда на языковом материале и рассмотрение данного материала с позиции когнитивной лингвистики. Анализируя погребальную фразеологию и паремиологию, автор приходит к выводу о возможности рассмотрения смерти как сценария ухода, при этом главную роль в нем играет гештальт души.

Ключевые слова: фразеология, паремиология, погребальный обряд.

The work is dedicated to the analysis of funeral phraseology and paremiology. Phraseological units of ritual subjects are studied in two aspects, such as showing up of the funeral ceremony peculiarities on the basis of language material and the examination of this material from the point of view of cognitive linguistics. Analysing funeral ceremony the author comes to a conclusion that it is possible to look at death as a scenario of leaving but for all that the gestalt of soul has a key role.

Keywords: phraseology, paremiology, funeral ceremony.

Язык — это важнейшая составляющая жизни человека, отражающая способность «видеть мир и осмыслять его в разных ипостасях и проявлениях» [6: 17]. Образ мира, запечатленный в сознании человека, можно реконструировать, анализируя различные языковые единицы, особенный интерес для лингвокультурологических реконструкций представляют фразеологизмы и паремии — единицы, вобравшие культурный опыт человечества.

Рассматривая погребальную фразеологию и паремиологию с позиции когнитивной лингвистики, с целью и выявления представления о смерти, закрепленного в русском языковом сознании, мы обратились к словарям В. И. Даля [3], В. П. Жукова [4] и А. И. Федорова [10]. Для анализа погребальной фразеологии в статье используются термины «гештальт» и «сценарий».

**Наталья Александровна
Колкова**

Аспирант Оренбургского
государственного университета
► Kolkova-natal@mail.ru

В отечественных исследованиях, выполненных в рамках когнитивной лингвистики, под гештальтом понимается особый тип концепта, представляющий высший уровень мыслительной абстракции — «целостный образ, совмещающий чувственный и рациональный элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [1: 45]. В современных исследованиях встречается также широкое понимание термина «гештальт», под которым подразумеваются образно-ассоциативные связи, т. е. «редуцированные, размытые образы, всплывающие на поверхность сознания при предъявлении выражений, содержащих намеки на них в виде внутренней формы или другого рода мотивации» [8: 59]. Таким образом, под гештальтом понимается языковая структура как символ, вызывающий в сознании ассоциативные образы. В этом случае методология экспликации гештальта основывается на буквальном прочтении слов, употребленных в переносном значении.

Под «сценарием» понимается структура представления знаний, которая обеспечивает хранение их в памяти индивида и быструю обработку текста при его понимании и продуцировании. Сценарий обычно связывают с языковыми и психическими факторами: «Сценарий представляет собой набор объединенных временными и причинными связями понятий низшего уровня, описывающий упорядоченную во времени последовательность стереотипных событий» [9: 112]. Сценарий связан с выражением динамики развития событий и представляет собой набор языковых единиц, раскрывающих последовательность стереотипных событий.

Один из базовых аспектов мировоззрения человека — отношение к смерти. Чувствуя приближение смерти, люди звали к себе священника для исповеди. Затем они прощались с родными, давали наказы, благословляли, *приказывали долго жить*. Если после прощания человек умирал быстро и легко, то, согласно народным представлениям, душа его попала в рай. Если же человек тяжело мучился перед смертью, то, согласно народным представлениям, *Не дает Бог ни смерти,*

ни живота. Значит, грехи его велики и не миновать ему ада. О человеке, который находится при смерти, говорили: *Он дышит на ладан; пахнет ладаном*. Данные фразеологизмы содержат упоминание о ладане, ароматической смоле, которая использовалась при богослужении, в том числе и при отпевании покойного. Дымом ладана из каддила окуривали гроб перед тем, как положить покойника, слово *ладан* в русском языковом сознании ассоциируется со смертью.

Иногда человек умирает с открытыми глазами. Фразеологизм *закрывать глаза (кому-то)* восходит к языческому мировоззрению. Суть его отражена в другом фразеологизме: *Покойник еще кого-то выглядывает*, т. е. умер с открытыми глазами. Закрывать покойнику глаза, если они не закрылись сами, нужно, чтобы он не «высмотрел» кого-нибудь и не увел за собой. Этот обычай отражает первобытный страх людей перед смертью, которую они не могли объяснить. Считалось, что после смерти человек переходит в мир мертвых, в царство нечистой силы. Он хочет вернуться, чтобы «повлечь за собой разные несчастья» [2: 281], поэтому все действия родственников, связанные с похоронами, служили стремлению отomezваться от покойного, от влияния потустороннего мира.

В русском языковом сознании смерть — это переход из одного мира в другой. Рассмотрим паремии, отражающие один из погребальных обрядов: *При кончине человека ставят воду на окно, чтоб душа обмылась; Покуда покойник в доме, ставят чашечку водицы на переднее окно, на обмывку души*. В данной языковой единице присутствует слово *душа*, в котором сконцентрированы христианские верования. Считалось, что душа не сразу покидает землю и отправляется на божий суд: *Душа умершего шесть недель живет на земле*. Точное указание на срок, во время которого душа «привязана» к земле, мы встречаем и в другой поговорке: *После смерти покойника шесть недель стоит на окне стакан воды, а на углу избы снаружи вывешено полотенце (душа шесть недель витает на земле, до поминок, купается и утирается)*. Как видим, душа материализуется в представлении народа, поэтому мы можем говорить

о гештальте души как образе, воплощенном в физической категории. Актуализаторами данного гештальта выступают глаголы *живет, купается и утирается*. Душа отождествляется с человеком, который совершает эти действия. Сам процесс омовения души имеет глубокий смысл в христианской концепции. Во-первых, он напоминает обряд крещения, также связанный с омовением. Во-вторых, душа обмывается, чтобы стать чистой, т. е. освободиться от грехов. Компонент пословицы *купается* возникает на основе метафорического переноса и имеет значение очищения от грязи нарушенных запретов.

Умершего клали на лавку ногами к иконам. Данное действие отражено в поговорке: *Он уже под святыми лежит*. На основе ее образовался фразеологизм *лежать под святыми*, т. е. умереть. Выражения *Уж он под святыми лежал, а все жив; Он из-под святых встал* означают «ожил от тяжелой болезни». Если же этого не происходило, то с момента положения человека на лавку ногами к иконам начинался похоронно-поминальный обряд, основные этапы которого отражены в паремиологической и фразеологической системах русского языка.

После смерти человека следовало сразу же обмыть. Пословица фиксирует: *Не обмывать мертвого грешно: нечистый на тот свет уйдет*. Анализ данного фразеологизма позволяет выделить сценарий перехода человека из одного мира в другой, что составляет суть христианской концепции. Данный сценарий актуализируется благодаря глаголу *уйдет*, который используется в значении «покинуть какое-нибудь место, отправиться куда-нибудь» [7: 829]. В семах глагола заложено представление о переходе из одного места в другое, составляющее суть выявленного сценария. Кроме того, актуализаторами выделяемого значения выступают слова, конкретизирующие пространственный локус — *тот свет*. Представление о двух мирах отражено в пословицах: *На этом свете помучаемся, на том порадуемся*. Два мира в народном сознании — это два реальных, физических пространства — *этот* и *тот свет*, которые ассоциируются с небом (*Царствие Божье, Небесное Царство*) и землей

(*грешная земля*). Таким образом возникают более конкретные пространственные локусы — *небо* и *земля*. При этом, согласно пословице, этот мир несет муки (*на этом свете помучаемся*), а тот радость (*на том порадуемся*). В пословичном тексте *Коли тут житья нет, так жди перевода на тот свет* сценарий перехода возникает благодаря лексеме *перевод* в значении «перемещение из одного места в другое» [7: 501]. Смысловая связь понятий *смерть* и *переход* раскрывается в пословице: *Живому нет в земле места, а на небе крыл*. Пока человек жив, местом его пребывания является земля, а после смерти — небо. В рассматриваемой языковой единице слово *крылья* ассоциируется с перелетом как видом перемещения. Живой человек не обладает возможностью такого перемещения, только смерть дарует ему крылья.

Фразеологизм *и крест в руках* возник на основе обычая класть в руки покойного крест. Так его пытались защитить от нечистой силы, которая, как считалось, могла подкрасться и начать выкручивать ему суставы.

Фразеологизмы отражают обычай захоронения мертвых — *предание земле*. Место для захоронения находилось близ церкви и называлось погост. О нем содержится упоминание в пословицах: *Где венчают, тут и погребают; Мертвых на погост, хоть и великий пост; И на погосте бывают гости*. Ряд фразеологизмов, относящихся к данному этапу обрядов, также содержит в своем значении сценарий перемещения: *Жаль батки, да везти на погост; Мертвые с погоста не ходят*. Однако здесь не идет речь о перемещении души человека из одного мира в другой. В этом случае сценарий перемещения, актуализируемый глаголами *везти, ходят*, содержит в своем значении пространственное отделение мертвого от мира живых. *Мертвые с погоста не ходят*, т. е. не оживают, не возвращаются в жизнь. Процесс смерти представлен как отсутствие движения (*не ходят*), что обусловлено биологическими законами смерти.

Последним пристанищем человека становится могила, о ней содержится упоминание в следующих единицах: *сойти в могилу; Живой не без места, мертвый не без могилы; В могилке,*

что в перинке: не просторно, да улежно; Человек не без квартирки, а мертвый не без могилки; Узка дверь в могилу, а вон и той нет. Поговорка Лозою в могилу не вгонишь, а калачом не выманишь содержит сращение понятий «смерть» и «перемещение». Глагол *гнать* в сочетании с существительным *могила* приобретает значение «умертвить», *выманишь* из могилы, т. е. заставить выйти, — оживить. Как видим, в одних случаях смерть выражается отсутствием движения, в других — движением.

Атрибуты похоронного обряда также находят отражение во фразеологизмах: *Лечь в гроб; Мертвого от гроба не несут; Красный гроб не для покойника хорош; Всякому мертвецу земля — гроб; Живой без сапог обойдется, а мертвый без гроба не обойдется; Дома нет, а домовище будет.* Тело клали в гроб только перед выносом из дома. Перед этим обмытый и обряженный покойник один или два дня лежал дома под образами. Во фразеологической системе содержатся единицы со значением примет, относящихся к данному этапу погребального обряда: *В покое, где лежит покойник, не метут до выноса его; Сор при покойнике вымести — всех из дому вынести.* Данные обычаи строго соблюдались, что обусловлено желанием людей «спастись» от смерти.

В русском языке существуют приметы, относящиеся к моменту положения покойника в гроб. Например: *Если гроб не в меру велик — быть еще покойнику в доме.* Положение в гроб сопровождалось оплакиванием — голошением. Голошение — это печальная песня потери. Пословица говорит: *Голоси всяк по своему покойнику, а плакуша по всем.* На похороны нередко приглашали плакуш, специальных плакальщиц, знающих множество красивых и уместных плачей. Словарь В. И. Даля фиксирует отрывки плача: *На кого ты нас покидаешь, кому ты нас поручаешь?; Али мы тебя не любили, али чем прогневали?; На кого, кормилец, покидаешь, кому приказываешь, оставляешь?* Мы видим, что в отрывках плача смерть также представлена как уход человека. Сценарий перемещения реализуется в текстах благодаря глаголам *покидаешь, оставляешь.* Таким образом, в народном сознании тождественными оказываются два понятия: *смерть = уход.*

Способ выноса усопшего из дома отражен во фразеологизме *вперед ногами.* Обусловлен такой способ желанием запутать покойника, чтобы он не нашел дорогу домой. Фразеологизм *вперед ногами* связан со сценарием перемещения, так как указывают на способ движения, а его значение продиктовано страхом смерти.

В пословицах отражаются не только сами обычаи, но и их сокровенный смысл. Например: *Родным не нести покойника, чтоб не подумали, что они рады смерти его.* В этом плане паремология и фразеология бесценны, так как других источников трактовок обычаев иногда просто нет.

Гроб из дома выносили на руках, но на кладбище обязательно везли. Источники фиксируют: «...на Руси частью погребального обряда была перевозка умершего на снях независимо от времени года» [2: 287]. Отсюда и пошло уже устаревшее выражение *сидя на снях*, т. е. «в конце жизни». Существует и более поздний фразеологизм, возникший на основе этого обряда: *Закрывать глазки, да лечь на салазки.* Возможно, обычай везти усопшего на кладбище на снях идет с тех времен, когда в племенах руссов запрягали в сани неосвоенных коней и, положив на них покойника, отправляли его таким образом в неизвестную даль, в новую жизнь. Сценарий перемещения возникает на уровне значения обряда — переход в новую жизнь, и актуализируется существительным *салазки* как средством переезда из одного места в другое.

К моменту погребения относится фразеологизм: *Бросить горсть земли в могилу, чтоб не бояться покойника.* Могильная земля наделялась магической силой, считалось, что она помогает пережить скорбь по покойному: *Чтобы не слишком тосковать по покойнику, надо потереть против сердца землей из могилы; Ком могильной земли к сердцу — скорбь отляжет.*

После возвращения с похорон нужно было согреть руки у печи, о чем мы узнаем из фразеологизмов: *С похорон домой, так руки к печи; С проводов покойника надо руки согреть, чтоб не занести домой смерти.* Можно предположить, что смерть — это болезнь, которой можно заразиться, для того чтобы спастись от нее, т. е. не за-

нести ее дуновение на руках с кладбища домой, нужно погреть руки, и огонь, тепло уничтожат смерть. Не случайно смерть ассоциативно связана с такой физической категорией, как холод: *смертельный холод, повеяло смертью* (глагол *повеять* имеет фразеологически связанное значение и реализуется в сочетании с существительными, обозначающими холодную субстанцию: *повеять прохладой, холодом*). Значит, огонь, тепло противостоят холоду смерти, и в этом люди ищут спасения от нее.

На обязательность проведения поминок, которые завершали цикл погребальных обрядов, указывает пословица: *Живы родители — почитай, померли — поминай!; Поминай отца, как время придет!* Существовало поверье, что *Душа умершего шесть недель на земле живет*. В этом фразеологизме обнаруживается гештальтное представление души, которое актуализируется благодаря глаголу *живет*. В рассматриваемой нами языковой единице содержится указание на место нахождения души (*на земле*) и время ее пребывания (*шесть недель*). Пространственная и временная категории, содержащиеся во фразеологизме, усиливают процесс материализации души в сознании носителя языка. Душа представляется как самостоятельная субстанция, видоизмененная после смерти суть человека.

Поминали покойного в день похорон, т. е. на третий день после смерти, в девятый день и в сороковой. В словаре В. И. Даля зафиксирована единица, указывающая на значимость сорокового дня со смерти человека: *В сороковины покойник обедает последний раз за хозяйским столом*. Поэтому, как отмечают исследователи, «в некоторых деревнях, устраивая сорочины, ставили на стол отдельный прибор для души покойного — чашку, ложку, кружку — и больше не пользовались ими» [5: 290].

Во время поминального обеда говорили: *Царство небесное, вечный покой, вечная память!; Дай Бог, чтоб земля на нем легким пухом лежала! Упокой, Господи, душеньку, прими земля косточки!; Дай Бог легко в земле лежать, в очи Христа видеть!* Об умершем нельзя плохо отзываться: *О покойнике худо не молви; Покойника не поминай*

лихом! Сам поминальный обряд считался залогом блаженства души на том свете, поэтому, помимо этих трех дней, справлялись также и полугодины, години и трехгодины со дня смерти.

Таким образом, анализ устойчивых единиц русского языка позволяет выявить представление о смерти, закрепленное в сознании русского народа. Смерть — это уход, который на уровне языка воплощается в сценарии перехода человека из одного мира в другой. При этом главную роль играет гештальт души как материального воплощения сущности человека после смерти. Паремиологическая и фразеологическая системы русского языка отражают все этапы погребального обряда: подготовка к смерти, омовение, одевание, положение в гроб, вынос покойного, траурная процессия, погребение, поминки.

Анализ этих систем помогает постигать глубину смысла русских обрядов, а также способствует выявлению особенностей мировидения народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н., Куликов В. Г. Диалектные концепты и категории // Филологические науки. 2006. № 3. С. 41 — 50.
2. В круге жизни: семейные праздники, обычаи, обряды. Пермь, 2003.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. М., 1996.
4. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000.
5. Забылин М. Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия. М., 1997.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части и речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2002.
8. Телия В. Н. Типы языковых значений: связанное значение слова. М., 1991.
9. Пиотровский Р. Г. Инженерная лингвистика и теория языка. Л., 1979.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. И. Федоров. М., 2001.

О. С. Муравьева

«ПЕРЕДО МНОЙ ЯВИЛАСЬ ТЫ...» (К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА)

OLGA S. MURAVIOVA

"I RAISED MY EYES AND YOU WERE THERE..."

(TO THE PROBLEM OF EVALUATION OF LYRIC TEXT AS A PSYCHOLOGICAL DOCUMENT)

Стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» рассматривается одновременно как событие частной жизни Пушкина и как этап в развитии традиционной для поэта лирической темы. На перекрещении двух разных подходов раскрываются новые аспекты текста и уточняется психологическая коллизия, связанная с отношениями автора и адресата.

Ключевые слова: Пушкин, лирическая поэзия, историческая психология.

The poem "A magic moment I remember" is examined as an event of Pushkin's private life and as a stage in development of traditional for the poet lyric theme. When these two themes are collided the new aspects of the text are revealed and a psychological clash is being specified which is linked to the attitude of the author and the addressee.

Keywords: Pushkin, lyric poetry, historic psychology.

Ольга Сергеевна Муравьева

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Отдела пушкиноведения ИРЛИ
РАН (Пушкинский дом)
► olga_muraveva@list.ru

В любовной лирике Пушкина есть очень немного стихотворений, адресаты которых точно известны. Одно из них — знаменитое послание К *** («Я помню чудное мгновенье...»), посвященное Анне Петровне Керн. Посвящение засвидетельствовано и самим поэтом, и адресатом: в списке стихотворений, предназначенных для издания, составленные Пушкиным в конце апреля-августе 1827 года и в конце мая-июне 1828 года, оно вошло под обозначением «К Керн А. П. К.» и «Керн»¹; по словам Керн, Пушкин подарил ей рукопись стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» 19 июля 1825 года при ее отъезде из Тригорского². Об отношениях Пушкина и Анны Керн также известно больше, чем о других его романах: Керн оставила интересные воспоминания о поэте, сохранилось 11 писем Пушкина к ней, написанных в разные годы, кроме того, она не раз упоминается Пушкиным в письмах к другим адресатам. Между тем именно это стихотворение окружено ореолом легенд и является предметом постоянных дискуссий. Дело в том, что характер пушкинских писем к Анне Керн и упоминаний о ней, как правило, имеет мало общего с лирическим пафосом послания «Я помню чудное мгновенье...». Разительное несо-

впадение поэтического и житейского образа Керн в представлении Пушкина порой вызывает недоумение, даже возмущение читателей. Самая резкая оценка принадлежит Владимиру Соловьеву, который в своей статье «Судьба Пушкина» обвинил поэта в «фальши» и «сообщении заведомо ложных сведений»³. Стихотворение интерпретируется философом в русле его общего отношения к поэту: «В Пушкине, по его собственному свидетельству, было два различные и несвязанные между собою существа: вдохновенный жрец Аполлона и ничтожнейший из ничтожных детей мира»⁴. В. В. Вересаев, стоявший на таких же позициях, полагал, что пушкинские стихи вообще никакого отношения к адресату не имеют, и бессмысленно выяснять, «где именно и когда воскрешала г-жа Керн в сердце Пушкина божество, жизнь и вдохновение»⁵. Столь механистическое и однозначное понимание личности поэта корректируется биографическими фактами и давно отвергнуто современной наукой; тем не менее в связи с посланием к Анне Керн отмеченное противоречие между разными образами одной и той же женщины для абсолютного большинства исследователей творчества Пушкина представляет собой проблему, требующую решения.

«Загадка данного стихотворения, — писал Б. П. Городецкий, — состоит в том, что все известное нам о личности А. П. Керн и об отношении к ней Пушкина <...> ни в коей мере и ни в какой степени не приближает нас к постижению той тайны искусства, которая делает это стихотворение типическим для великого множества ситуаций и способным облагораживать и овеать красотой чувства миллионов людей»⁶.

В трудах авторитетных пушкинистов содержание стихотворения «Я помню чудное мгновенье» интерпретируется в самом общем смысле. А. И. Белецкий, одним из первых выступивший против увязывания содержания стихотворения с личностью адресата, писал: «Любовная тематика» здесь «явно подчинена другой, философско-психологической тематике», и основной темой стихотворения является «тема разных состояний внутреннего мира поэта в соотношениях этого мира с действительностью»⁷. «Конкретный об-

раз Керн и конкретное отношение к ней Пушкина как бы отодвигаются в сторону, уступая место не менее реальному, но предельно обобщенному и просветленному поэзией образу любви вообще, способной разогнать мрак изгнания и пробудить душу человека к новой жизни. Предельная обобщенность определила и весь образный строй стихотворения, перенося центр смысловой тяжести с образа „виденья“ на момент пробуждения души поэта»⁸, — поддерживал его Городецкий и подчеркивал, что в стихотворении нет реального, сколько-нибудь конкретного образа женщины, а только лишь обобщенные образы «виденья» и «гения чистой красоты». Городецкий признавал, что без встречи с Керн, конечно, не было бы и стихотворения, но эта встреча явилась для Пушкина, главным образом, «стимулом к обобщению всего ранее пережитого душевного опыта»⁹. Аналогичным образом рассуждал и Б. В. Томашевский: «Чувство прилива жизненных и творческих сил Пушкин ощутил независимо от встречи с Керн. Но она пришла вовремя»¹⁰.

Значение для сюжета стихотворения встречи с Анной Керн порой определяется интерпретацией двух строк: «Душе настало пробужденье: / И вот опять явилась ты»¹¹. Одни литературоведы усматривают здесь доказательство того, что именно явление женщины пробудило душу поэта¹²; другие подчеркивают, что она явилась тогда, когда уже настало «пробуждение» души¹³. Очевидно, однако, что синтаксическая форма этой поэтической фразы не содержит подчинительной и причинной конструкции, следовательно, нет смысла спорить о причинно-следственных отношениях¹⁴.

В интерпретации стихотворения особое значение приобретает образ «гений чистой красоты», вопиющим противоречием которому представляется образ «вавилонской блудницы» из переписки Пушкина.

Известно, что «гений чистой красоты» — поэтическая формула, созданная Жуковским, впервые он использовал ее в стихотворении «Лала Рук» (1821), затем повторил в стихотворении «Я музу юную, бывало...» (1824) и в статье «Рафаэлева Мадонна» (1824). Поводом к созданию «Лалы Рук» послужили живые картины, по-

ставленные по сюжету поэмы «Лала Рук» Томаса Мура на празднике в Берлине 15 января 1821 года. В роли индийской принцессы Лала Рук выступала дочь короля Фридриха и супруга великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I, Александра Федоровна. Выражение «гений чистой красоты» не является непосредственной характеристикой героини стихотворения, это неясный романтический образ, воплощение некоего духа, на мгновение сходящего к смертным «с небесной высоты», «чтоб о небе сердце знало / В темной области земной». Он проявляется «во всем, что *здесь* прекрасно», в том числе и в чертах прекрасной женщины. В стихотворении «Я музу юную, бывало...» (1822–1824) Жуковский прямо связывает явление «гения чистой красоты» с надеждой на возвращение вдохновения, оставившего поэта. Свое понимание «прекрасного», близкое по смыслу к понятию «гений чистой красоты», Жуковский поясняет в письме к Александру Тургеневу: «Прекрасное существует, но его нет, ибо оно, так сказать, является нам единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы нам сказаться, оживить и обновить душу — но ни его удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем»¹⁵. В статье «Рафаэлева Мадонна» Жуковский усматривает величие картины Рафаэля прежде всего в том, что художник запечатлел на холсте посетившее его видение, этого «гения чистой красоты», дав тем самым возможность каждому зрителю картины стать частичным чуду.

Сравнивая Анну Керн с «гением чистой красоты» (он ведь не *называет* ее так, а именно *сравнивает*: «...явилась ты, как мимолетное виденье, / Как гений чистой красоты»), Пушкин, разумеется, не имеет в виду нравственно-этическую характеристику героини. В пушкинском стихотворении использована не просто цитата из Жуковского, но и его художественная идея. В полном соответствии с ней, «гений чистой красоты» у Пушкина является в образе прекрасной женщины, является на мгновение, чтобы оживить душу и вернуть утраченное вдохновение. Конечно, это не означает, что произведение Пушкина вторично и лишено собственного лирического содержания.

По точному наблюдению П. В. Анненкова, позже поддержанному Б. В. Томашевским, лирический сюжет «Я помню чудное мгновенье», собственно, уже дан в стихотворении 1817 года «К ней»¹⁶. Встреча с «ней» также возрождает поэта к новой жизни: «Я влачил постыдной лени груз, / В дремоту хладную невольно погружался, / Бежал от радостей, бежал от милых муз» <...> Но вдруг <...> Зажглась в увядшем сердце младость, / Душа проснулась, ожила, / Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость» (II, 44). Добавим, что близкий по сути лирический сюжет присутствует в стихотворении 1829 года «Зима. Что делать нам в деревне?...», где мгновенно вспыхнувшая влюбленность волшебным образом преображает окружающий мир, и сама зима поворачивается к герою уже не скучной и будничной, но яркой и праздничной своей стороной. Эти переключки свидетельствуют, что представление о влюбленности как о необходимом условии творчества и полноты жизни вообще есть одна из определяющих особенностей мироощущения Пушкина. В некотором отношении оно оказалось созвучно идеям и поэтическим образам Жуковского. Используя формулу «гений чистой красоты», Пушкин, конечно, не стремится «воспроизвести поэтическую философию Жуковского», но и не просто возводит «воспеваемый образ на высоту, равную по чистоте лирическим образам Жуковского»¹⁷. У Пушкина эта формула теряет мистический смысл, но придает его собственным лирическим откровениям дополнительный семантический ореол.

Однако любым интерпретациям стихотворения, сводящим к минимуму значение личности А. П. Керн и реальных ее отношений с Пушкиным, противоречит известный и очень конкретный биографический контекст послания. Изучение этого контекста несколько затруднено отсутствием какой-либо теоретической базы: огромная биографическая литература о Пушкине на сегодняшний день представляет собой, в основном, лишь собрание фактов и сведений. У нас очень слабо представлено столь популярное на Западе научное направление, именуемое микроисторией или историей частной жизни. В отличие от прежних исследований, где частная жизнь исторических

персонажей или даже целых социальных слоев представляла, собственно, собранием рассказов, в новой науке на первый план выдвигается изучение ментальных и поведенческих стереотипов, то есть специфических представлений о мире, господствовавших в том или ином обществе. Понятия любви, дружбы, вражды, чести, позора и т. п. в различные эпохи и в различных социальных группах понимались по-разному и реализовывались в определенных моделях социального и бытового поведения. Строго говоря, мы можем ответственно характеризовать поступки и суждения исторического лица только в соотношении с ментальными и поведенческими стереотипами его среды и эпохи¹⁸.

Поведение Пушкина в истории с Анной Керн, как нам представляется, вполне укладывалось в общепринятые нормы. Обратим внимание на то, что в их отношения вольно или невольно был посвящен достаточно широкий круг лиц; позже все они, без сомнения, прочитали послание «Я помню чудное мгновенье», но никто и никогда не усматривал в поведении поэта ничего странного и предосудительного. Нужно сказать, что общая картина того, как складывались и развивались эти отношения, заставляет внести коррективы в традиционно жесткое противопоставление двух образов Керн у Пушкина. В письмах Пушкина к Керн и письмах о ней встречаются романтические признания, вовсе не противоречащие по тону поэтическому посланию. Например, 25 июля он пишет Керн: «Снова берусь за перо, ибо умираю с тоски и могу думать только о вас. Надеюсь, вы прочтете это письмо тайком — спрячете ли вы его у себя на груди? Ответите ли мне длинным посланием? пишите мне обо всем, что придет вам в голову, — заклинаю вас. Если вы опасаетесь моей нескромности, если не хотите компрометировать себя, измените почерк, подпишитесь вымышленным именем — сердце мое сумеет вас угадать»¹⁹. 21 (?) августа 1825 года он пишет ей снова: «Простите, божественная, что я откровенно высказываю вам все, что думаю; это — доказательство истинного моего к вам участия; я люблю вас гораздо больше, чем вам кажется. <...> Прощайте! Сейчас ночь и ваш образ встает

передо мной, такой печальный и сладострастный; мне чудится, что я вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста. Прощайте — мне чудится, что я у ваших ног, сжимаю их, ощущаю ваши колени, — я отдал бы свою жизнь за миг действительности. Прощайте, и верьте моему бреду; он смешон, но искренен»²⁰. Письмо поэта к А. Г. Родзянке с фривольными намеками по адресу Керн написано 8 дек. 1824 года, т. е. до новой встречи с ней в Тригорском; письмо к А. Н. Вульффу со знаменитыми словами о «вавилонской блуднице» написано 7 мая 1826 года, когда влюбленность Пушкина уже угасла; к тому же, все оно намеренно выдержано в цинично-шутливом стиле, вообще свойственном переписке двух приятелей.

О своих отношениях с Пушкиным А. П. Керн подробно рассказала в своих «Воспоминаниях». По ее словам, при первой встрече поэт сразу обратил внимание на хорошенькую молодую женщину, вел с ней любезный и несколько игривый разговор, немного рассердивший собеседницу. При второй встрече через несколько лет в нем вспыхнуло нежное и страстное чувство к ней, вылившееся в посвященных ей стихах. «Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр 2-й главы „Онегина“, в неразрезанных листках, между которыми я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами „Я помню чудное мгновенье“ и проч. и проч. Когда я сбиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю»²¹.

Необходимо учитывать, что многое мы знаем только со слов самой А. П. Керн, поэтому, стремясь воссоздать, по мере возможности, реальную картину событий, следует принимать во внимание личность мемуаристки. Отметим, что инициатором публикации стихотворения в данном случае был не автор, а адресат. Именно Анна Керн передала рукопись послания Дельвигу и сообщила, что оно посвящено ей. В письме к Пушкину от 15 сент. 1826 года Дельвиг просил разрешения «завладеть стихами к Анне Петровне»²². Желание опубликовать посвященные ей стихи

Пушкина — выразительный штрих к портрету героини. Судя по воспоминаниям современников, Анна Керн была женщиной обворожительной и глубоко незаурядной, но не лишенной тщеславия. Например, молодой А. В. Никитенко в своем дневнике за 1827 год сетовал, что Анна Петровна слишком настойчиво требует, чтобы он непременно использовал для образа героини своего романа черты ее характера и события ее жизни. «Она хотела сделать меня своим историографом, и чтобы сей историограф был панегиристом. Для этого она привлекла меня к себе и поддерживала во мне энтузиазм к своей особе...»²³

Несомненные художественные достоинства ее воспоминаний о Пушкине, сделавшие их одним из самых известных мемуарных свидетельств о поэте, немало способствовали легенде о том, что Анна Керн занимала совершенно особое место в жизни Пушкина. (Не случайно было так охотно подхвачено биографами документально не подтвержденное сообщение, что «троб ея повстречался с памятником Пушкину, который ввозили в Москву»²⁴.) В своих «Воспоминаниях» Керн не говорит ни слова о достаточно быстром охлаждении к ней поэта и о прозаической стороне их отношений. В мемуарах рисуется образ доверчивой и бесхитростной женщины, со скромным достоинством принимавшей восхищение влюбленного поэта. В действительности, насколько можно судить, их отношения были и сложнее, и интереснее.

На протяжении некоторого времени Пушкин и Керн вели увлекательную любовную игру, *un jeu d'amoureux*, конфиденцентами и отчасти участниками которой выступали обитатели Тригорского. Представление о характере этой игры дает их переписка (правда, письма Керн не сохранились, и об их содержании мы можем только догадываться по ответным письмам поэта), их упоминания друг о друге в письмах третьим лицам в явном расчете на то, что слова будут переданы по назначению; «обманные письма» подставному адресату; шуточные «коллективные письма», обыгрывающие «мужскую» и «женскую» позиции, «ролевые маски» и пр. Подобные игры ориентировались на известные литературные об-

разцы, в частности, «Опасные связи» Шодерло де Лакло (1782), «Валери» Ю. Крюденер (1803), «Любовные похождения кавалера Фобласа» Луве де Кувре (1790)²⁵. Характерно, что и познакомились Пушкин и Керн во время игры: в тот вечер в доме Олениных играли в шарады (*charades en action*), где Керн выпала роль Клеопатры²⁶.

В 1825 году Анна Керн находилась в несколько двусмысленной ситуации: формально она не разводилась с нелюбимым мужем, но откровенно томилась в браке и, судя по всему, допускала в отношениях с мужчинами вольности, необычные для женщин ее круга и положения. Нет оснований полагать, что Пушкин переходил за определенную самой женщиной черту. Очевидно, любовная игра между Пушкиным и Керн велась по всем правилам куртуазного кодекса, допускавшим и даже предполагавшим сочетание изысканной вежливости с фривольными намеками и изящных комплиментов с дерзкими шутками. Отдельные слова и фразы, выхваченные из контекста этой своеобразной игры, кажутся людям другой культуры разностильными и противоречивыми, но для самих участников они таковыми не являлись. Керн была женщиной незаурядной, она много читала и имела собственные писательские амбиции; можно предполагать, что, подражая героиням галантных французских романов, она вела игру умно и умело. Но как бы далеко не зашла эта игра, судя по «Воспоминаниям», Керн не питала к поэту сколько-нибудь сильных чувств. (Вряд ли по прошествии многих лет она стала бы это скрывать.) Вполне вероятно, что она вовсе не любила его, а просто упивалась тонким увлекательным флиртом с великим поэтом. Керн разбиралась в поэзии и прекрасно знала цену своему поклоннику, о чем, видимо, не раз ему говорила, только это вовсе не льстило его самолюбию, напротив... «Не говорите мне о восхищении: это не то чувство, какое мне нужно. Говорите мне о любви: вот чего я жажду. А самое главное, не говорите мне о стихах...» — писал он ей²⁷. Пушкин в совершенстве владел куртуазным стилем, но, осваивая стереотипы — эпистолярные и поведенческие, — он наполнял их содержанием своей личной жизни. (Точно так же он осваивал стерео-

типы литературных стилей и жанров, наполняя их новым, своим художественным содержанием.) Так, столь разные по стилю и тону обращения к Керн и высказывания по ее адресу, соответствуя шаблонам галантного обольщения, быть может, в то же время соответствовали и его реальному отношению к этой женщине, отношению, в котором смешивались влюбленность и ирония, восторженность лирического поэта и скептицизм умного пронизательного мужчины. Вероятно, в какой-то момент Пушкин понял, что для Анны Керн их любовная игра была только игрой — изящной формой, скрывающей равнодушие ее сердца и тщеславное желание стать «музой» поэта, и тогда он почувствовал себя уязвленным. «Но скажите ей, что если в сердце ее нет на мою долю тайной нежности, если нет в нем таинственного, меланхолического ко мне влечения, то я презираю её, слышите ли? Да, презираю, несмотря на всё удивление, которое должно возбудить в ней это небывалое чувство...» — писал он Анне Н. Вульф 21 июля 1825 года²⁸.

Главным действующим лицом романа Пушкина и Анны Керн был, конечно, Пушкин. Его воображение, его эпистолярное искусство, его чувства, его надежды и разочарования определили развитие и завершение этого любовного сюжета, высшей точкой которого стало расставание в Тригорском с вручением Керн посвященного ей стихотворения. В последующие годы Пушкин и Керн время от времени дружески встречаются и иногда обмениваются письмами, но никакого романтического оттенка их отношения уже не имеют.

Таким образом, в контексте биографического сюжета стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» не представляет собой никакой психологической загадки и не дает повода для морализаторства. Непосредственно связанное с Анной Керн, оно выражает лишь одну из граней чувства поэта к этой женщине, фиксирует один из моментов его переменчивого настроения. В контексте же пушкинской лирики стихотворение предстает художественно совершенным воплощением постоянного лирического мотива о преображающей и спасительной силе любви.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 238 и 240.

² См.: Керн А. П. Воспоминания о Пушкине // Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 36.

³ Соловьев В. Судьба Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 21.

⁴ Там же. С. 24, 25.

⁵ Вересаев В. В. В двух планах. Статьи о Пушкине. М., 1929. С. 52.

⁶ Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. М.; Л., 1962. С. 295–296.

⁷ Белецкий А. И. Из наблюдений над стихотворными текстами Пушкина // Белецкий А. И. Избр. труды по теории литературы. М., 1964. С. 399.

⁸ Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. С. 297.

⁹ Там же. С. 297.

¹⁰ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). М.; Л., 1958. С. 336

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937–1949, Т. 3. С. 406. Все цитаты из Пушкина приводятся по этому изданию.

¹² См.: Степанов Н. Л. Лирика Пушкина. М., 1959. С. 332–333

¹³ См.: Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 76–77; Непомнящий В. С. Поэзия и судьба: Статьи и заметки о Пушкине. М., 1983. С. 336

¹⁴ См.: Бройтман С. Н. «Я помню чудное мгновенье». К вопросу о вероятностно-множественной модели в лирике Пушкина. С. 75

¹⁵ Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1939. Т. 1. С. 383

¹⁶ См.: Пушкин. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 2. С. 187–188; Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. С. 331–332

¹⁷ Томашевский Б. В. Там же. С. 332

¹⁸ Бессмертный Ю. Л. Стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Частная жизнь. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 11–19.

¹⁹ XIII, 193, 539. Подл. по-французски.

²⁰ XIII, 213, 549. Подл. по-французски.

²¹ Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. С. 36.

²² XIII, 295.

²³ Никитенко А. В. Дневники. М., 1955. Т. 1. С. 50.

²⁴ Русский Архив. 1884. № 6. С. 349

²⁵ См.: Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. СПб., 2007. С. 50–106.

²⁶ См.: Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. С. 29–30. Существует предположение, поддержанное Б. Л. Модзалевским, М. А. Цявловским, Б. В. Томашевским, что подчеркивания и словесные пометы на полях в экземпляре «Валери», имевшемся в библиотеке Пушкина, в совокупности составляют любовное письмо к А. Керн. Однако, по мнению Т. Г. Цявловской, Н. В. Измайлова, Р. Е. Тереховой, эти пометы сделаны не пушкинской рукой (см.: Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. С. 85–86).

²⁷ XIII, 229, 550. Подл. по-франц.

²⁸ XIII, 191. Подл. по-франц.

Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков

КРЫЛАТОЕ СЛОВО А. В. КОЛЬЦОВА В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

LIUDMILA M. KOLTSOVA, SERGEY A. CHURIKOV
WINGED WORD OF A. V. KOLTSOV IN THE RUSSIAN LANGUAGE SPACE

*«... словесная речь человека – это дар Божий, откровение:
доколе человек живет в простоте душевной, доколе у него ум
за разум не зашел, она проста, пряма и сильна»
В. И. Даль Напутное.*

**Людмила Михайловна
Кольцова**

Доктор филологических
наук, профессор, зав.
кафедрой русского языка
филологического факультета
Воронежского государственного
университета
► kolzowa@mail.ru

**Сергей Александрович
Чуриков**

Аспирант кафедры русского
языка филологического
факультета Воронежского
государственного университета

Статья посвящена творчеству великого русского поэта Алексея Васильевича Кольцова и месту его поэтического слова в русском языковом пространстве. Авторы обращаются к крылатым выражениям А. В. Кольцова, описывают особенности их функционирования в текстах различных жанров, рассматривают наиболее частотные и значимые единицы, обосновывают необходимость составления «Словаря крылатых выражений А. В. Кольцова».

Ключевые слова: крылатые слова, поэтический язык А. В. Кольцова, творческая индивидуальность, культурные традиции народа, духовно-нравственные ценности.

The article is concerned with creations of the great Russian poet Alexey Vasilyevich Koltsov and his importance in the Russian language space. Authors appeal to winged words of A. V. Koltsov, describe peculiarities of it's function in various types of texts, enumerate most frequency and important units and give proof of necessity of compiling «A Dictionary of winged words of A. V. Koltsov».

Keywords: winged, A. V. Koltsov's poetic language, creative individuality, people's cultural traditions, spiritual and moral values.

3 октября 2009 года исполняется 200 лет со дня рождения великого русского поэта Алексея Васильевича Кольцова. М. Е. Салтыков-Щедрин так определил место и роль воронежского поэта в истории русского языка и русской литературы: «Он обогатил наш поэтический язык, узаконив в нем простую русскую речь, и в этом смысле он является в истории нашей литературы как бы пополнителем Пушкина и Гоголя и, несмотря на свою малую производительность, должен быть поставлен близко с ними, как человек давший нашей поэзии новую и чрезвычайно плодотворную точку опоры» [6: 52].

Имя А. В. Кольцова вошло в историю нашего края и всей страны как неотъемлемая и непреходящая составляющая духовной культуры не только прошлого, но и будущего. «Он был более поэтом возможного

и будущего, чем поэтом действительного и настоящего», — писал о А. В. Кольцове Вал. Н. Майков.

Прочтение песен А. В. Кольцова в контексте современной социокультурной ситуации представляется нам актуальным, поскольку поэт возвращает нас к осознанию «сверхценности», без которой народ превращается в «этнографический материал, неотформатированную этническую массу, социальную глину», по словам великого русского историка Н. Я. Данилевского. Только возвращение к Традиции, которую человек получает по наследству, к Традиции, воспринимаемой как «груз ... благой и необходимый, когда человеческий разум обогащен знанием, ради чего этот груз следует нести...», придает смысл нашему земному существованию и является условием самосохранения народа [1: 17].

Возьмем строки А. В. Кольцова «раззудись, плечо! размахнись, рука!» из ставшего хрестоматийным стихотворения «Косарь». Они знакомы каждому русскому человеку. Он произносит их, когда хочет показать свою «удаль молодецкую», приободриться перед началом трудного и неотложного дела, сдержать чей-то безудержный порыв. Но не каждый помнит, кому принадлежат эти слова, в которых так глубоко и широко сказалась русская душа. Сам А. В. Кольцов вряд ли предполагал, что его несбывшаяся и несбыточная мечта — оказаться в кругу образованных, просвещенных, объединенных любовью к русскому слову и поэтическому творчеству людей, — сбудется почти сразу после его смерти: во всех хрестоматиях, антологиях русской поэзии, литературных энциклопедиях займут достойное место его стихотворения, а отдельные строки войдут в русскую речевую культуру афоризмами, крылатыми словами, цитатами.

Задача лингвиста, изучающего родной язык, — пристальным взглядом посмотреть на жизнь этих образных выражений в контексте современной речевой культуры, охарактеризовать изменения, содержательные и формальные, которые претерпевает авторское слово, воспринятое другой языковой личностью, определить, насколько воспринята глубина смысла и красота образа поэтического слова А. В. Кольцова на раз-

ных этапах развития русской культурной традиции, насколько востребовано слово поэта в разных сферах речевой деятельности.

В наше время большую популярность приобрели сборники афоризмов, поскольку афоризм содержит в концентрированном виде мысли о ключевых проблемах жизни человека, причем мысли, обогащенные эмоционально. В книге «Золотой век в афоризмах» [2] находим поэтически осмысленные А. В. Кольцовым суждения о явлениях духовной жизни в разделах «О жизни и смерти» («Не родись в сорочке, Не родись таланлив — Родись терпеливым И на все готовым»), «О любви и ненависти» («Любовь и дружба! Ты дороже Всего на свете, ты одна В несчастьи, в счастья равна»), «О мудрости и глупости» («Ум наш не шагает Мира за границу; Наобум мешает С былью небылицу»), «О религии» («Мир есть тайна бога, Бог есть тайна жизни») и др.

Более объективное представление о вкладе автора в сокровищницу языковой культуры дает наблюдение над теми образными выражениями, которые обрели «крылатость». К их числу относится целый ряд «метко сказанных русских слов» (Н. В. Гоголь), которые придают речи национальное своеобразие, глубокое содержание и поэтическую образность: «Раззудись, плечо, размахнись, рука», «На заре туманной юности», «Иль у сокола крылья связаны, иль пути ему все заказаны?», «Где ж девалась речь высокая, сила гордая, доблесть царская?», «Что ты спишь, мужичок?», «Соловьем залетным юность пролетела», «Ну, тащися, Сивка, пашней, десятиной» и др. Они стали неотъемлемым элементом общенационального языка, о чем свидетельствует почти полная утрата ими авторской принадлежности.

Существуют «крылатики» («термин» В. М. Мокиенко) отдельных писателей (А. С. Пушкина [4], А. С. Грибоедова [3]). Лексикографическое описание крылатых выражений А. В. Кольцова может занять свое достойное место среди словарей подобного рода, поскольку именно образные, ставшие крылатыми, выражения, высказывания, строки поэта являют собой исконно русское, глубинное восприятие окружающего мира.

Исследование «условий жизни» слова А. В. Кольцова в речевом потоке обнаруживает достаточно высокую востребованность названных нами выражений, о чем свидетельствуют, в частности, данные словарей, поисковых систем, «Национального корпуса русского языка» и др.

Чаще всего в текстах разной стилистической и жанровой принадлежности встречаются два крылатых выражения — «Раззудись, плечо, размахнись, рука» и «На заре туманной юности». Они могут присутствовать в тексте в различном виде: от прямого и точного цитирования до разнообразного варьирования компонентов и полного переосмысления.

Явное цитирование частотных выражений А. В. Кольцова встречается редко. Соответствующие примеры находим у А. Городницкого, М. Козакова, А. Дроздова и мн. др.:

Так и стоит над Воронежем Алексей Кольцов в кавалерийской шинели, и невольно на ум приходят его знаменитые строчки «Раззудись, плечо, размахнись, рука» [А. Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)].

Да, в общем, «соловьем залетным юность пролетела», — пропел Филя строчки Кольцова и соорстил гримасу... [М. Козаков Третий звонок].

Другой вариант — употребление крылатого выражения с указанием на его индивидуально-авторское происхождение, но без точного указания на источник:

Итак, я был очень счастлив. За ужином мне удалось еще несколько раз услужить Марусе, и только те, кто любил в молодости (на заре туманной юности, как сказал один из поэтов), могут понять, что я чувствовал, ложась спать [С. Я. Надсон. Дневники (1875–1883)].

Итак: школьные друзья, которые еще на заре туманной юности... так, кто там сказал... [К. Еськов. Японский оксюморон].

Следующим шагом на пути от явного цитирования к скрытому является использование крылатого выражения в кавычках без каких-либо указаний на его источник:

Это мои прошлое и будущее; подтверждение ненепростотности всего, что произошло. Мне могут возразить, что, мол, уже подтвердили. Так-то

оно так. Но даже супруги с 20-летним стажем время от времени говорят друг другу «Я тебя люблю» — не довольствуясь тем, что было сказано «на заре туманной юности», при первых поцелуях [Ю. Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)].

Было ли у нас «на заре туманной юности» взаимопонимание? [Л. Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)].

Но чаще всего крылатые выражения включаются в текст как полностью утратившие авторскую принадлежность:

Когда-то на заре туманной юности, только что опубликовавший «Мастеров» в «Литературной газете», наглая молодая звезда русской поэзии, я поднимался в редакционном лифте [А. Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)].

Однажды на заре туманной юности он женился на однокурснице [Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)].

... Ух, раззудись плечо, размахнись рука! — крикнул Иван-дурак и запустил в чудо-юдо булавой [Ю. Буркин, С. Лукьяненко. Остров Русь].

Развод должен составить 1 мм. Раззудись, плечо, размахнись, рука! При использовании ручных газонокосилок рекомендуется следующее рабочее положение: прямая спина, руки свободно вытянуты вперед, а инструмент находится прямо перед корпусом работающего [В. Леонов. Подстригаем газон (2002) // «Homes & Gardens», 2002.08.10].

Исследуемые выражения функционируют в авторском тексте как его органические составляющие и часто занимают сильные позиции — заголовки, эпиграф.

Выражение «На заре туманной юности» в позиции заголовка часто используется в названии художественных произведений. Это, вероятно, обусловлено его образным потенциалом, который привлекает художников слова.

«На заре туманной юности» — автобиографический рассказ Вл. С. Соловьева, «На заре туманной юности» — озаглавливает свое произведение А. Платонов. Это же выражение именует известное стихотворение М. Исаковского.

В стихотворении самого А. В. Кольцова выражение «На заре туманной юности» многослож-

но и многослойно. Сложные смыслы рождаются благодаря неоднозначности слова «заря» и потенциально двойной соотнесенности прилагательного «туманный».

Слово **заря** имеет следующие значения:

- яркое освещение горизонта перед восходом или после захода солнца;
- рождение чего-л. нового, радостного;
- утренний или вечерний военный сигнал, исполняемый оркестром или горнистом, трубочом, барабанщиком (см., напр.: [5]).

Но в поэтическом тексте А. В. Кольцова наряду с первыми двумя актуализированным оказывается неотмеченное в словарях, но подсказываемое самой системой русского языка значение «конец, завершение чего-либо».

Слово **туманный**, в свою очередь, является многозначным:

- прилагательное с основным значением слова туман;
- окутанный туманом, непрозрачный из-за тумана;
- невыразительный, тусклый;
- неясный, непонятный, неопределенный [5].

Безусловно, именно такое загадочное и многосложное мерцание глубинных смыслов породило привлекательность этого знаменитого выражения. И крайне легковесным при осмыслении роли заголовка в его отношении с содержанием всего текста было бы обходиться «поверхностным слоем» его семантики — обозначением «ранней юности».

Если выражение **«На заре туманной юности»** в позиции заголовка встречается в художественных текстах, то выражение **«Раззудись, плечо, размахнись, рука!»** в качестве заголовка употребляется чаще всего в журналистике и публицистике:

«Раззудись, плечо, размахнись, рука!» — [А. Турков, «Вопросы литературы», 2007, № 1] — статья посвящена критике публикации Михаила Золотоносова «Несуществующая партия. Наш прекрасный „Новый мир“», в которой с «залихватской размахистостью» очерняется позиция и деятельность редакции журнала «Новый мир» и лично А. Т. Твардовского.

Раззудись, плечо, размахнись, рука! [«Вокруг света», №10 (2553), октябрь 1971] — в этой публикации речь идет о различных видах единоборств.

Раззудись, плечо, размахнись, рука! [Е. Федяков. «Спорт-экспресс», 23.01.2008] — статья о яркой игре теннисистки Шараповой.

В позиции заголовка используются другие крылатые выражения А. В. Кольцова :

«Соловьем залетным... Приношение Юрию Гуляеву» — название книги о знаменитом солисте Большого театра.

«Что, дремучий лес, призадумался?» Записки старого барнаульца» — статья о бедственном положении реликтового бора в пригороде Барнаула.

«Ну, тащися, Сивка, пашней, десятиной...» — статья о современном состоянии сельского хозяйства в новгородской области, где из-за отсутствия тракторов («стальных коней») крестьяне вынуждены возвращаться к использованию «сивок».

Крылатые выражения А. В. Кольцова в качестве эпиграфа встречаются прежде всего в поэтических текстах:

На заре туманной юности Всей душой любил я милую. А.В. Кольцов (к стихотворению М. Исаковского «На заре туманной юности»).

«Как на свете жить Одинокому?» (к стихотворению Г. Умывакиной «Кольцовский эпиграф»).

«Иль у сокола Крылья связаны? Иль пути ему Все заказаны?» А. Кольцов (к стихотворению М. Касаткина «Кольцов»).

Редкий пример использования кольцовских строк в позиции эпиграфа в газетном тексте находим в «Пчеле»:

«В чужих людях век домаять ли? Сидя дома ли состариться?» Алексей Кольцов («Перепутье») (к разделу «Одинокая старость» статьи Е. Пудовкиной «Время перехода» // Пчела. № 24–25 (январь-апрель 2000)).

На протяжении своей долгой жизни в языковом пространстве крылатое выражение претерпевает структурные и семантические изменения. Например, если в тексте А. В. Кольцова

выражение «Раззудись, плечо, размахнись, рука» несомненно несет в себе «готовность к привычной и требующей полной самоотдачи работы», то в ходе своего употребления оно может приобретать различное смысловое наполнение.

Это выражение может употребляться для характеристики решительных, необдуманных, деструктивных действий:

Проф. Павлов думает, что коммунисты действуют исключительно по принципу «Раззудись, плечо, размахнись, рука!». Не пора ли хоть теперь бросить это, мягко выражаясь, «неверное» представление? [Н. И. Бухарин. О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (1920–1929)].

Но попытка эта вызвала такое недоумение, что от нее тут же отказались. Впрочем, смущаться было нечего: уж взялись вятером судить, рядить, кроить, кидать — так раззудись плечо, размахнись рука!.. [Н. Н. Суханов. Записки о революции / Книга 4 (1918–1921)].

Кроме того, выражение «Раззудись, плечо, размахнись, рука» используется для обозначения внутреннего состояния человека, обладающего большой силой и желающего ее продемонстрировать:

Подвигов жажду! Чтоб — раззудись, рука, развернись, плечо! Василия Буслая в себе чую! [В. Тендряков. Покушение на миражи].

Отчего не выйти хоть нам, законопослушным москвичам, на какой-нибудь всенародный светлый праздник, чтоб раззудись, плечо, размахнись, рука? Опять же достойная альтернатива бандитскому произволу. А что? Вот грядет, к примеру, 850-летие Москвы [С. Тополь, В. Шухмин. К вопросу о культуре мордобоя (1997) // «Столица», 1997.06.17].

Особого внимания требует трансформация структуры крылатых выражений, которая демонстрирует наиболее характерные тенденции развития и изменения системы русской фразеологии. Трансформации интересны тем, что это — сфера языкового творчества, языковой игры. И если языковое творчество — это процесс позитивный, то языковая игра — может быть явлением разрушительным, когда она дово-

дит до абсурда исконные, традиционные нравственные смыслы.

Крылатые выражения в процессе речевого функционирования могут подвергаться различным преобразованиям, что (при серьезной деформации — замене компонентов, расширении состава компонентов, конкретизации сочетаемости) не может не отражаться на их семантике.

Так, мы нередко наблюдаем синтаксическую инверсию:

...«Размахнись, рука, раззудись, плечо!» Он досконально знал жизнь города, особенно ту поэтающую... [К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Начало неведомого века].

Таким же активным процессом является усечение крылатого выражения:

Это огромное удовольствие, это полёт! — распустишь свое бешенство, не зная ему преград! Раззудись, плечо! Вот в таком состоянии и плюют проклятому подследственному в раскрытый рот! и втискивают его лицом в полную плевательницу! вот в таком состоянии и мочатся в лицо поставленному на колени! [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958–1973)].

Такие повороты хороши были на заре туманной, в начале пути, как-то: в последние школьные годы, в первые институтские — а не сейчас, когда для того, чтобы выглядеть свежо и перво-зданно, надо подумывать о регулярном массаже... [К. Сурикова. Толю из Жуковки знаешь? (2003)].

История их давней симпатии преломлялась в картине совершенно по-новому... И это «работало» на фильм. Потому что одно дело, когда актеры изображают давние теплые чувства, с трудом вспоминая, как друг друга зовут, и совсем иное, когда они и вправду друзья, которые когда-то в туманной юности были хоть чуть-чуть неравнодушны друг к другу... [А. Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)].

Достаточно часто обнаруживается явление конкретизации сочетаемости:

Оживай, игры заветные! Раззудись, плечо спондилезное! Кругом заговор! [С. Юрский. Петров день (1988)].

На заре его туманной юности некий энтузиаст-педагог сумел заставить его зау-

чить известные жалобно-горделивые строки... [А. и Б. Стругацкие. Дьявол среди людей].

Весьма характерна для рассматриваемых выражений замена компонентов:

В этих диких побоениях приходчины, совершаемых в потемках, выражалась, с одной стороны, какая-то нелепая удаль «раззудись, плечо, размахнись, кулак!» [Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы (1862)].

Современные авторы активно используют «расширение компонентного состава» крылатого выражения:

Наш размах — это вам не какой-нибудь занудный бизнес-план, а раззудись плечо, потянься рука, открой толстый кошелек [С. Гридасов. Ядреная гонка вооружений. Российский баскетбол угрожает стабильности европейского рынка (2001) // «Известия», 2001.10.01].

Отложил все печали и попеченья и — эх! — размахнись рука! Размахнись, да не промахнись. Ничего, не впервой! [Д. М. Балашов. Господин Великий Новгород].

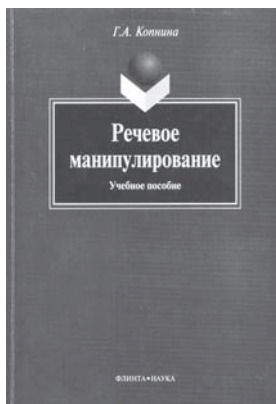
Как показывает рассмотренный материал, крылатые выражения А. В. Кольцова, освоив русское языковое пространство уже в середине XIX века, в полной мере сохраняют свою актуальность и сегодня. Их можно встретить в произведениях художественной литературы, в публицистических текстах, на страницах газет и журналов, в речи телеведущих, в бытовом разговоре и даже в инструкциях по эксплуатации технических

средств. Такая широкая распространенность крылатых выражений А. В. Кольцова в устной и письменной речи говорит о значимости творчества поэта для русского языка и русской национальной культуры, подтверждая мысль великого русского писателя Н. В. Гоголя, чей двухсотлетний юбилей отнюдь не случайно совпал с таким же юбилеем народного поэта: «Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово». Именно этими чертами отмечено слово Кольцова, сумевшего свою короткую жизнь прожить «С буйной волей, С грешной мыслью, С пылкой страстью».

ЛИТЕРАТУРА

1. Володихин Д. Условие Sine qua non... Цивилизация и традиция // Володихин Д., Алексеев С., Бенедиктов К. и др. Традиции и русская цивилизация М., 2006.
2. Золотой век в афоризмах. / Сост. Н. П. Ходюшиной; вступ. статья Н. М. Солнцевой. М., 2006.
3. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Читая и почитая Грибоедова: Крылатые слова и выражения. М., 1998.
4. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999.
5. Ожегов С. И., Шведова Ю. Н. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Алексей Васильевич Кольцов / Н. Щедрин (М. Е. Салтыков) о литературе. М., 1952. С. 31–52.

[предлагаем вашему вниманию]

Копнина Г. А. Речевое манипулирование: Учеб. пособие / Г. А. Копнина. — 2-е издание. — М.: Флинта, 2008. — 176 с.

В книге даётся общее представление о речевом манипулировании как разновидности психологического воздействия. Рассматриваются спорные вопросы манипуляции: соотношение понятий «манипулятивная тактика» и «манипулятивный приём», проблема терминологического обозначения манипулятивных приёмов и некоторые другие.

Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, а также для журналистов, работников печати, литературоведов, филологов и др.

Т. А. Хазбулатова

О СОБЕСЕДНИКЕ МАНДЕЛЬШТАМА

TATIANA A. HAZBULATOVA
ABOUT THE INTERLOCUTOR OF MANDELSHTAM

*С кем же говорит поэт?
Вопрос мучительный
и всегда современный.
О. Мандельштам*

Настоящая статья посвящена изучению лирической коммуникации в целом и проблеме адресата лирического произведения в частности. Автор делает вывод о том, что процесс написания поэтического произведения оказывается тесно связанным с такими процессами, как диалог и внутренний диалог, а высказывание О. Мандельштама о том, что «Нет лирики без диалога...», соответствует истинному положению дел.

Ключевые слова: лирическая коммуникация, внутренний диалог, адресат лирического произведения, собеседник поэта, О. Мандельштам.

The article is devoted to the analysis of lyrical communication and to the problem of the addressee of lyrical poetry. The author comes to the conclusion that the process of writing of a poetical text appears closely connected with the concept of dialogue and internal dialogue and the utterance of O. Mandelshtam that “There is no lyrics without a dialog” corresponds to the true state of affairs.

Keywords: lyrical communication, internal dialogue, the addressee of lyrical poetry, the interlocutor of the poet, O. Mandelshtam.

**Татьяна Алексеевна
Хазбулатова**

Аспирант Института русского
языка им. В. В. Виноградова РАН
► khaztatiana@ya.ru

«Нет лирики без диалога...» — писал Мандельштам [5: 149–150] в самом начале творческого пути в статье «О собеседнике».

Маркерами диалога в тексте являются диалогические формы речи — формы установления прямого контакта между говорящим и слушающим (вопрос, формы второго лица, а также обращение и императив, часто сопровождаемые восклицательной интонацией). Диалогическими их называют потому, что они, в той или иной степени, требуют ответной реакции со стороны адресата или хотя бы его наличия. Частота употребления их в тексте свидетельствует о степени установки субъекта речи на диалогическое общение.

Диалогические формы* в первой строке, задающие изначальную установку на адресата: «О красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...» (1908), «Ты улыбаешься кому...» (1909), «Не говорите мне о вечности...» (1909), «Ты прошла сквозь облако тумана...» (1911), «Не спрашивай: ты знаешь...» (1911), «О небо, небо, ты мне будешь сниться!» (1911), «Образ твой, мучительный и зыбкий...» (1912), «Поляки! Я не вижу смысла...» (1914), «Поговорим о Риме — дивный град!» (1914), «Я научился вам, блаженные слова...» (1916), «Твое чудесное произношение...» (1918), «Прославим,

братья, сумерки свободы...» (1918), «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (1920), «Вернись в смесительное лоно...» (1920), «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (1920), «Век мой, зверь мой, кто сумеет...» (1922), «Не говори никому...» (1930), «Мы с тобой на кухне посидим...» (1931), «Помоги, Господь, эту ночь прожить...» (1931), «— Нет, не мигрень, — но дай карандашик ментоловый...» (1931), «Сохрани мою речь навсегда...» (1931), «Скажи мне, чертежник пустыни...» (1933–1934), «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» (1935), «Это какая улица?» (1935), «Не у меня, не у тебя — у них...» (1936), «Мой щегол, я голову закину...» (1936), «Не сравнивай: живущий несравним...» (1937), «Куда мне деться в этом январе?» (1937), «Заблудился я в небе — что делать?» (1937), «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» (1937) и др.

Поэтическое творчество Мандельштама сродни диалогу. Ирина Одоевцева [8: 136–137] в воспоминаниях писала: «Но я все же удивлялась многому в Мандельштаме, например, его нежеланию хоть на какой-нибудь час остаться одному. Одиночества он не переносил. <...>

— Чего же вы боитесь?

Он разводит руками.

— Если бы я знал, чего боюсь. Боюсь — и все тут. Боюсь всего и ничего. Это совсем особый, беспричинный страх. То, что французы называют *angoisse*. На людях он исчезает. И когда пишу стихи — тоже».

В статье «Франсуа Виллон» Мандельштам развивает свою мысль о диалогичности лирики: «Лирический поэт по природе своей двуполое существо, способное к бесчисленным расщеплениям во имя внутреннего диалога» [7: 138].

Ученые, занимающиеся изучением лирической коммуникации (Ю. И. Левин, В. С. Библер, И. И. Ковтунова, Л. Я. Гинзбург, Я. И. Гин, Е. П. Карпенко и др.), обращают внимание на сходство в строении и функционировании внутренней и поэтической речи. Основные признаки внутренней речи, описанные Л. С. Выготским [1: 317] в книге «Мышление и речь», — редукция подлежащего, господство предикативности, предельная сгущенность смысла — являются та-

ковыми и для речи поэтической. Так, например, И. И. Ковтунова [4: 165] отмечает, что «для поэтической речи характерна тенденция к концентрации признаков, ведущая к смысловой насыщенности, „уплотненности“ повышенной информативности поэтических текстов. Это свойство, которое можно назвать признаковостью поэтической речи, создается занятием всех возможных стиховых и синтаксических позиций отношениями предикации».

У Мандельштама обращения ко второму лицу «Ты» и формы императива часто не сопровождаются названием конкретного адресата. Ср., например, стихотворение «Твоим узким плечам под бичами краснеть...» (1934):

*Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.*

*Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.*

*Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком, да кровавым песком.*

Ну, а мне за *тебя* черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь

или стихотворение «Возьми на радость из моих ладоней...» (1920):

*Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.
<...>*

*Возьми ж на радость дикий мой подарок —
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.*

Эти примеры не единичны. С подобной неопределенностью адресации мы встречаемся также в стихотворениях: «*Твое чудесное произношение...» (1918), «Мне жалко, что теперь зима...» (1920), «Я наравне с другими...» (1920), «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920), «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (1920), «Мы с тобой на кухне посидим...» (1931), «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» (1931) и др.*

По мнению Л. С. Выготского [1: 344], неопределенность высказывания мотивирована тем, что

«мы всегда в курсе нашей внутренней ситуации. Тема нашего внутреннего диалога всегда известна нам. Мы знаем, о чем мы думаем. Подлежащее нашего внутреннего суждения всегда наличествует в наших мыслях. <...>. Во внутренней речи нам никогда нет надобности называть то, о чем идет речь, то есть подлежащее. Мы всегда ограничиваемся только тем, что говорится об этом подлежащем, то есть сказуемым».

Если название все же происходит, то, как правило, оно содержит скорее характеризующую, чем идентифицирующую информацию, как, например, в стихотворении «Ариост» (1933, 1935):

*Любезный Ариост, посольская лиса,
Цветущий папоротник, парусник, столетник,
Ты слушал на луне овсянок голоса,
А при дворе у рыб — ученый был советник.*

Кроме того, повышенная предикативность в поэтической речи возникает не только и не столько за счет пропуска подлежащего, сколько за счет развития асимметричного дуализма языкового знака, когда «обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [3: 87]. Таким образом, предикация проникает в структуры, предназначенные для других коммуникативных целей. Мандельштам часто использует вопросительные конструкции, содержащие помимо собственно вопросительной части еще и часть «изобразительную», см., например:

*И над лесом вечереющим
Встала медная луна;
Отчего так мало музыки
И такая тишина?
«Смутно-дышащими листьями» (1911).*

Еще один признак внутренней речи — предельная сгущенность смысла. Б. В. Томашевский [11: 189] применительно к лирике называет это явление суггестивностью: «...Привычка наша к определенным лирическим связям дает возможность поэту путем разрушения обычных связей создавать впечатление возможного значения, которое бы примирило все несвязные моменты построения. На этом построена так называемая „суггестивная лирика“. Вслед за Томашевским Л. Я. Гинзбург

[2: 332] отмечает, что «в той или иной мере суггестивно всякое поэтическое слово, никогда не означающее только то, что оно называет». По мнению же Мандельштама [6: 42], поэтическое слово представляет собой своеобразный пучок, из которого смысл торчит в разные стороны. «Слово — Психея. Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещь, милое тело».

Философско-эстетическое кредо Мандельштама — восприятие мира и истории через культуру, утверждение культуры как вечной ценности и жизнестроительной силы — нашло свое отражение в семантике обращений. Каждое из обращений содержит «несколько смыслов» и ряд реминисценций, отсылающих, как правило, к истокам культуры — древней Греции и древнему Риму (*Кассандра; богиня моря, грозная Афина; Эсхил; любезный Ариост; О Цезарь, Цезарь; скиф; золотое руно; святые острова; Европа цезарей; Бог Нахтигаль; Лия; голубка Эвридика; ахейские мужи*), архитектуре (*твердыня Notre Dame; Айя-София*), живописи (*Микель Анджело; ягненок гневный с Рафаэлева холста*), литературе (*спутник вечного романа, аббат Флобера и Золя; Державин*), музыке (*Бетховен, Бах*), кино (*Чарли Чаплин*) и др. Таких обращений у Мандельштама абсолютное большинство (около 60%).

Признаком активного диалога с миром и с собой (диалога вне времени и вне пространства) можно считать различные внутритекстовые и межтекстовые повторы (звуковых, «ключевых» слов, иногда предложений, даже сюжетов), а также использование прямых и зашифрованных цитат и реминисценций (см. работу: [12]). «Эта установка на собеседника, в сочетании с установкой на повторенное чужое слово позволяют подходить к поэзии Мандельштама с точки зрения теории М. Бахтина о двуголосом слове и о полифоническом, многоголосом и разноголосом, проведении темы», — пишет Омри Ронен [10: 267].

Так кто же он этот таинственный Собеседник, с которым поэт ведет такой активный диалог?

В уже упоминавшейся статье «О собеседнике» О. Мандельштам так объясняет «ссору

Пушкина с чернью»: «... ухо, которое насторожилось, чтобы слушать, может расположить к вдохновению кого угодно — оратора, трибуна, литератора — только не поэта... Страх перед конкретным собеседником, слушателем из „эпохи“, тем самым „другом в поколеньи“, настойчиво преследовал поэтов во все времена» [5: 148–149]. Поэту нужен неизвестный, таинственный, «провиденциальный» Собеседник, но не просто «читатель в потомстве», лишенный всякого права голоса, ибо он еще не родился, а именно со-беседник, с которым поэт мог бы говорить, не опасаясь быть непонятым, способный возражать, сочувствовать, разделить радость и печаль.

Собеседник поэта — существо в некотором роде сказочное, поскольку он выполняет ту же функцию что и «волшебный помощник» в сказках (см. работу: [9: 36–37]), который появляется ниоткуда без всякой подготовки в затруднительной для героя ситуации и помогает ее разрешить. Пропп называет такое присутствие «рудиментарной формой». Подобными способностями обладает и собеседник поэта. В зависимости от желания автора он внезапно появляется или исчезает, более того, он всегда готов к разговору, он следит за ходом беседы и эмоционально «настроен на одну волну» с автором. Иными словами, — хамелеон с сотней лиц, и не только лиц, так как часто адресатами в лирике становятся неодушевленные предметы и явления действительности. Например, в контексте стихотворения Мандельштама «SILENTIUM» (1910, 1935) эмоционально близким и, наверно, единственно возможным собеседником для поэта оказывается «пустота», см., например:

Слух чуткий парус напрягает,
Расширенный пустеет взор,
И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.

Я так же беден, как природа,
И так же прост, как небеса,
И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса.

Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;

Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, *пустота!*

Следовательно, поэт сам моделирует своего Собеседника в зависимости от настроения, темы разговора и окружающего контекста. Он как бы помещает созданного им виртуального адресата в свое внутреннее языковое пространство, и адресат из внешнего превращается во внутреннего. А поскольку мир поэзии — это виртуальный мир, который существует в воображении поэта, то все материальное, что выходит из-под его пера (в данном случае — стихи), рождается как результат общения автора каждый раз с новым Собеседником. Таким образом, процесс написания поэтического произведения оказывается тесно связанным с такими процессами, как диалог и внутренний диалог, а высказывание Мандельштама о том, что «нет лирики без диалога...», соответствует истинному положению дел.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Частота употребления диалогических форм в лирических произведениях О. Мандельштама составляет 1 на 5 строк. Соотношение стихотворений, содержащих диалогические формы речи, и стихотворений, не содержащих таких, составляет 2:1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1996.
2. Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997.
3. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2. С. 85–90.
4. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
5. Мандельштам О. Э. О собеседнике // Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 145–151.
6. Мандельштам О. Э. Слово и культура // Слово и культура: Статьи. М., 1987. С. 39–44.
7. Мандельштам О. Э. Франсуа Виллон // Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 134–141.
8. Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988.
9. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.
10. Ронен Омри. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама // Slavic Poetics. The Hague, 1973. С. 367–386.
11. Томашевский Б. Теория литературы. Поэтика. М.; Л., 1927.
12. Taranovsky Kiril. Essays on Mandelstam. England: Harvard University Press, 1976.

А. С. Шатилов

УСТНОЕ ОБЩЕНИЕ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ANDREJ S. SHATILOV

AN ORAL COMMUNICATION IN THE CIRCUMSTANCES OF INTERCULTURAL INTERACTION

В статье рассматриваются вопросы, связанные с устным общением в условиях межкультурного взаимодействия. Автор приводит примеры организации устного общения в различных культурах, отмечает черты сходства и различия, показывает взаимовлияние способов его организации. На конкретных примерах прослеживаются особенности речевого поведения представителей различных культур.

Ключевые слова: устное общение, межкультурное взаимодействие, речевое поведение.

An oral communication in intercultural interaction is the topic of the article. The author gives examples of speech organization in different cultures noting their likeness and unlikeness. Mutual influence of culture organization is shown also. Based on numerous examples the article describes special features of verbal behavior realized by the representatives of different cultures.

Keywords: an oral communication, intercultural interaction, verbal behavior.

Андрей Сергеевич Шатилов

Кандидат педагогических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного университета
► shatilovas@mail.ru

Прежде чем переходить к теме статьи, хотелось бы уточнить терминологию, которой мы будем в дальнейшем пользоваться. Под устным общением мы понимаем речевую форму взаимодействия людей, направленную на достижение определенной цели. В данной трактовке общение противопоставлено сообщению, которое представляет собой процесс передачи информации от передающего к принимающему субъекту, организованный в виде определенного кода. В самом общем виде общение выступает как форма жизнедеятельности. Социальный смысл общения состоит в том, что оно выступает средством передачи форм культуры и общественного опыта. В процессе общения субъективный мир одного человека раскрывается для другого.

Межкультурное взаимодействие, как следует из самого термина, представляет собой совместную деятельность представителей различных лингвокультурных сообществ в рамках одной социальной ситуации. Каждый из них привносит свое «видение мира», выраженное в языке, которое может совпадать, а чаще не совпадает с другим «видением мира». Подобные, явно не выраженные правила и формируют речевое поведение участников межкультурного взаимодействия. Для представителей европейского образа мысли, привыкших обозначать и воспринимать действительность в рамках логики Аристотеля, т. е. в виде дискретных объектов, имеющих ясные границы и точные названия, обще-

ние строится как временная последовательность отдельных высказываний, каждое из которых передает некое внелингвистическое содержание. Представители восточных культур используют иной способ организации общения. Для иллюстрации приведем мнение южно-корейского ученого Юнг Юн Кима:

«Восточные культуры предпочитают двусмысленность и неточность выражений, чтобы не беспокоить или не обидеть других. Красноречию, даже при выражении сильных эмоций и чувств, часто предпочитают молчание. С восточной точки зрения настоящие чувства воспринимаются интуитивно и не могут, и не должны быть вербально выражены, поэтому иногда человек, уделяющий излишнее внимание словесному их выражению, может быть заподозрен в неискренности.

В то время как межличностное понимание в восточных культурах основывается на тонких, скрытых смыслах, неявной информации, общем контексте и достигается интуитивно, посредством чувственного восприятия, западная коммуникативная модель предполагает, в первую очередь, прямые, явные и словесно выраженные отношения, основанные на логике, рациональном восприятии и мышлении. Участники общения рассматриваются как отдельные личности, которые выражают свою индивидуальность через язык и самоутверждение» (перевод наш. — А. Ш.)¹.

Носитель языка индоевропейской группы является представителем так называемой «низкоконтекстной» (low-context) культуры, которая характеризуется тем, что содержание сообщения в таком типе культур передается в явно выраженной форме в нем самом, без обращения к дополнительным источникам. К ним относятся, например, культуры Германии, Северной Америки, Скандинавии. «Высококонтекстные» (high-context) культуры отличаются особым вниманием к неявно выраженным формам передачи содержания сообщения. К числу наиболее ярких представителей таких культур Холл относит Китай, Японию и Корею. Сюда же включаются и культуры Южной Америки. Промежуточное место между ними занимают Англия, Франция и Италия. Совершенно

очевидно, что речевое поведение представителей разных типов культур будет тоже различным.

В устном общении на русском языке основная информация выражается словесно, что характерно именно для низкоконтекстных культур. Вместе с тем в повседневной речи активно используются намеки, отсылки к известным фактам, событиям, историческим деятелям, ссылки на анекдоты, всем понятные фразы и изречения. Эти явления и составляют имплицитную информацию, которая не даётся в явно выраженном виде, а выводится из сказанного, т. е. являются признаком «высококонтекстной» культуры, что дает нам право ввести Россию в список стран, занимающих промежуточное положение.

С точки зрения представителей «высококонтекстных» культур речевое поведение многих североамериканцев и европейцев является слишком активным, отличается многословием и излишней детализацией, изобилует ненужными повторами очевидного. Для них гораздо более важным является общая атмосфера общения, выражение лица, положение собеседника, неотчетливые эмоции и чувства, ощущение единства общности, которое рождается в разговоре. Особое место при этом отводится паузам, которые возникают при общении. В представлении людей из «низкоконтекстных» культур, пауза в разговоре это неловкость, неудобство, показатель неумело организованной беседы. Ее нужно обязательно заполнить, пусть даже ничего не значащими словами или фразами. Для «высококонтекстных» культур пауза играет роль объединителя, когда все участники общения одинаково переживают свою причастность к разговору, разделяют общие эмоции и чувства. Это можно заметить и в бытовом общении, когда говорящий после реплики своего собеседника делает паузу, иногда весьма незначительную, чтобы его собеседник почувствовал, что его слова восприняты правильно и нуждаются в ответной реакции. Такой тип диалога чужд, например, носителям русского языка, которые начинают реагировать на слова собеседника еще до того, как дослушали его до конца. Этот тип можно условно назвать «романским типом», так он характерен для стран романской группы языков (Франция,

Испания, Португалия, Италия и т. п.). В общении представителей Германии, Англии, Скандинавии диалог строится как последовательность реплик, между которыми практически нет пауз, но реакция следует после окончания реплики, а не до ее завершения или во время произнесения².

Нам показалось интересным проследить, как будут вести себя представители различных типов культур в ситуации межкультурного взаимодействия. Предлагаем фрагмент записи беседы группы российских и тайваньских преподавателей русского языка, сделанной на встрече с российским дипломатом Ю. Б. Кашлевым в Университете Китайской Культуры (Тайвань, г. Тайпей) в ноябре 2002 года. Знаком / обозначается небольшая пауза, сигналом неконечной позиции в высказывании, знаком // — большая пауза, сигналом окончания предложения, [— знак перекрытия реплик в диалоге, ... — знак незаконченного высказывания. Буквами А, Б, Г и Д обозначены россияне, В и Е — тайваньцы, цифры в скобках — номера реплик.

А — (1) Как раз позавчера и позавчера в Тамканском университете была большая международная конференция по глобализации...

Б — (2) [по глобализации

В — (3) А-а-а

А — (4) Я там я там был...

В — (5) [Вы были там?

Г — (6) [По — китайски? По-китайски говорили?

А — (7) Нет, на английском.

В — (8) [На английском

А — (9) Все доклады были на английском, /ну очень было интересно//

Г — (10) Вот эти материалы схватить было бы...//

А — (11) Как раз...

Д — (12) Ну, раз вы будете в этом университете...

Б — (13) ... можно взять тезисы

А — (14) там тезис... целые доклады, /полнотекстовые, поэтому...можно даже...

Е — (15) надолго вы будете?/

Г — (16) Е?

Е — (17) Две недели?/

Г — (18) Нет, я буду/ четыре дня./

Е — (19) Четыре?

Б — (17) Да. //

В данном фрагменте можно увидеть некоторые типичные черты устного диалогического общения, принятого в современной русской действительности — частые переспросы, постоянные перебивы партнера, одновременное участие нескольких человек, отсутствие больших пауз между репликами, незавершенность реплик, пропуски элементов высказывания, повторы, «вклинивание» в реплики других участников, ответы вместо партнера и т. п. Все это характеризует «романский», как было сказано ранее, тип ведения беседы. Особо следует отметить такое явление, как незавершенность реплик. На наш взгляд, оно связано не столько с незаконченностью самого высказывания, сколько со стратегией разговора. Говорящий специально оставляет реплику незаконченной (и синтаксически, и интонационно), давая понять, что можно вступить в разговор другому собеседнику. Здесь происходит смена ведущих в общении. Это явление вполне типично для устного общения, причем не только для русского языка. Можно предположить, что движения говорящего и реакции слушающего образуют довольно устойчивую ритмическую структуру, в которой этапы синхронизации перемежаются с асинхронными. Так, реплика 1 дает общее направление или тему беседы — конференция, она сформулирована в виде сообщения, причем говорящий намеренно использует интонацию незаконченного высказывания, чтобы вовлечь других в обсуждение этой темы. Ее подхватывает второй участник, перебивая первого и буквально повторяя последние слова. Такое явление получило название *эхолалия*, т. е. буквальное воспроизведение элементов высказывания. Его же можно увидеть и в дальнейшем (реплика 8). Реплика 4 продолжает тему и вызывает сразу несколько ответных реакций, которые, как видно из записи, перекрывают ее (реплики 5 и 6). Они сформулированы в виде вопросов, причем первый вопрос *Вы были там?* задан уже после того, как говорящий сообщил, что он там был, т. е. является избыточным. Второй же вопрос задан сначала в усеченной форме, а потом уже дается в полном виде. Пока, как мы видим, наблюдается синхронное развитие общения по типу «вопрос (утверждение) — от-

вет (реакция)». Реплика 9 интересна тем, что если первая ее часть является ответом на предыдущий вопрос, то вторая её половина представляет собой оценку события, что выражается резким повышением тона на слове *очень* с растягиванием гласного и инверсией (*было очень интересно — очень было интересно*). Обе части разделены между собой паузой, которая отмечает переход от одного типа высказывания к другому. Реплики с 10-й по 14-ю передают мнения участников беседы относительно того, где и как можно получить материалы конференции. Здесь используются разговорные выражения, типа *схватить бы*, незавершенные высказывания (реплики 10, 11 и 12), речевые подхваты (реплика 12 и 13). Реплика 10 еще раз иллюстрирует принцип незавершенности как структурный принцип организации общения — говорящий с помощью интонации незаконченного высказывания приглашает других участников высказать свои соображения, как можно достать материалы. И, как видно из дальнейшего развития, именно так и происходит. Интересно, что она сформулирована в виде пожелания, хотя подразумевается вопрос *Где можно достать материалы или Как их можно получить?* Рискнем высказать предположение, что говорящий намеренно использовал именно такую форму, поскольку он хотел подчеркнуть неформальный характер беседы (что подтверждается использованием разговорного выражения *схватить*), а кроме того, ситуация общения с людьми, которые имеют общий социокультурный фон и являются носителями языка, позволяет иначе формулировать высказывания. Можно сказать, что здесь имеет место переключение кодов общения с нейтрально-официального на разговорно-дружеский. Как отмечает Гамперц, переход с одного кода общения на другой чаще всего не связан с сообщением дополнительной информации, а преследует цель выражения оценки или квалификации явления или предмета³.

Структура реплики 14 весьма своеобразна — в ней есть опущения элементов высказывания, замена отдельных слов уже в ходе речи, изменение обычного порядка следования (*целые доклады/полнотекстовые* вместо *целые полнотекстовые доклады*). Последний случай весь-

ма показателен. Наши наблюдения позволяют предположить, что в устном общении на родном языке сообщение (высказывание) формируется по принципу «достройки», т. е. к сказанному постепенно достраиваются части, не меняя общего контура. Происходит наращивание высказывания внутри одной смысловой темы. Отсюда частое изменение порядка следования элементов, вынос частей словосочетания за его пределы в отдельную синтагму, которая выделяется интонационно (реплики 6 и 14).

Асинхронный этап наступает с реплики 15, когда в диалог вступает еще один участник. Его вопрос выпадает из рамок обсуждаемой темы и переводит весь диалог в иную плоскость. Любопытна реакция на эту реплику. Слушающий, видимо, не расслышал вопроса, поскольку он был задан не совсем правильно и фонетически не безупречно. Вместо ожидаемой реакции, типа *Простите, что вы сказали?* или *Я не расслышал вопрос, повторите, пожалуйста*, следует весьма эмоциональное восклицание *Е?*, весьма нехарактерное для русской речи. Говорящий продолжает строить свою речь по предыдущему сценарию, в то время как произошла смена — в диалог вступил не носитель языка. Не случайно поэтому он вместо *Е?* услышал *две недели*. После переспроса неясность была устранена. Любопытно, что ответ на переспрос дает другой участник, а не тот, к которому это вопрос обращен.

В реплике 18 интересно членение высказывания. В нейтральном варианте это предложение произносится с понижающейся интонацией в рамках одного мелодического контура (ИК-1). Пауза следует после отрицания *нет*. Здесь же мы имеем несколько иную модель. В высказывании отсутствует пауза после *нет*, зато она есть после слова *буду*, что нехарактерно для данного типа синтаксических структур. Последняя часть *четыре дня* произносится в более быстром темпе с сильной редуцией гласных и не столь явно выраженной интонацией точки в конце. Иными словами, происходит смещение членения с границ синтагмы внутрь ее, что является характерной особенностью синтагматического членения в устной речи на современном этапе развития русского языка.

Как мы видим, присутствие двух представителей иного типа культуры (т. е. восточной) не влияет на общий характер диалога. Более того, находясь в ситуации межкультурного общения, его участники оказывают влияние друг на друга в смысле речевого поведения. Переход от интракультурного к интеркультурному общению влечет за собой и изменения в стратегии речевого общения. Приведем еще один фрагмент из беседы.

А — Да, это трудное дело.// По-моему,/ они считают...

Б — [Как вы думаете...

А — считают русский язык самым трудным в мире, нет?

Б — Да, да, да.

В — Да-а-а

Б — [А вот как вы считаете, китайский язык вам дается легко или тоже трудно?

Г — Как вам русский.

А — Нет, во-первых, во-первых, мы учили китайский язык в институте,/ в Москве шесть лет.//

В — А-а-а ...

А — Это называлось московский институт востоковедения. Каждый день 20 иероглифов//

Б — Ой!

А — День и ночь, это...

Б — [День и ночь

А — <...> Мы должны были достичь такой степени, чтобы читать газеты, говорить, и читать Мао Дзе Дуна//

Д — О-о-о!

Б — Мао Дзе Дуна?

А — Ну, это вообще невозможно//

Б — И как вы считаете его теорию?

А — Нет, нет, ну, нет, но мы некоторые работы самые легкие его читали...

Б и В — А-а-а ...

Из данного фрагмента трудно понять, какой тип культуры представляют его участники, все они строят свои высказывания примерно одинаково с точки зрения ведения диалога. Здесь Б и В — это тайваньцы, А и Г — русские. Здесь есть и перекрытия реплик, и отсутствие пауз, и эхолоалия. Вместе с тем есть и отличительные черты. Так, существенно меньше перебивов реплик у участников, реакция следует после небольшой паузы, вопросы формулируются более развернуто, почти нет инверсии, незаконченных

высказываний. Можно высказать предположение, что преобладающим будет «романский» тип общения, поскольку его представители составляют большинство участников, ему же будут подчиняться и другие участники межкультурной коммуникации. Разумеется, нельзя не учитывать и индивидуальные особенностей участников общения, каждый из которых обладает собственным набором психофизиологических и языковых характеристик и является носителем определенной территориальной и социальной произносительной нормы. Однако типологические черты, тем не менее, должны проявляться.

В заключение отметим, что выдвинутые положения требуют дополнительных исследований, которые автор и собирается предпринять. В частности, было бы интересно проследить, как будет меняться стратегия речевого поведения при переходе от межкультурного к внутрикультурному общению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Young Yun Kim*. Intercultural Personhood: An Integration of Eastern and Western Perspectives. In Larry A. Samovar, Richard E. Porter. Intercultural Communication: A Reader. Fifth edition. Wadsworth Publishing Company. Belmont, California, 1988. P. 366-368.

² *An Intermediate Business Course* by David Evans. Addison Wesley Longman Limited, 1998.

³ *John J. Gamperz*. Discourse strategies. Cambridge University Press, 1995.

И. Ю. Павловская, Я. А. Тункун

МЕЖПОЛУШАРНАЯ АСИММЕТРИЯ И СЕНСОРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

IRINA J. PAVLOVSKAJA, JANA A. TUNKUN

BRAIN LATERAL ASYMMETRY AND SENSOR PREFERENCES AS DETERMINANT FACTORS
OF THE FOREIGN LANGUAGE LEARNING SUCCESS

Ирина Юрьевна Павловская

Доктор филологических
наук, профессор
Санкт-Петербургского
государственного университета

Яна Анатольевна Тункун

Старший преподаватель
кафедры повышения
квалификации
по иностранным языкам
ЦППК ФЛ Санкт-Петербургского
государственного университета
► yana.gof@gmail.com

В статье рассматриваются психокогнитивные факторы, определяющие успешность процесса освоения иностранного языка. Как ключевые выделяются две характеристики: межполушарная асимметрия и сенсорные предпочтения. В зависимости от них рассматриваются факторы мотивации, особенностей коммуникации и стратегий усвоения языковой информации. Представлены типичные поведенческие модели студентов разных психологических модальностей на занятиях и рекомендованы типы заданий на развитие умений четырех видов речевой деятельности на иностранном языке.

Ключевые слова: иностранный язык, обучение, психокогнитивные факторы, ведущие сенсорные каналы, психологическая модальность, виды речевой деятельности, вербальная и невербальная коммуникация.

The article deals with the psycho-cognitive features defying the success of foreign language learning and acquisition. Brain lateral asymmetry and sensor preferences are proved to be most crucial. In connection with these students' typical behaviour models in the academic context are shown and tasks for the development of all four verbal skills are recommended.

Keywords: foreign language, learning, psycho-cognitive features, leading sensor channels, psycho-linguistic modality, skills of speech activity, verbal and non-verbal communication.

Каждый преподаватель мечтает создать методику, способную быстро и непринужденно научить желающих бегло и правильно говорить на иностранном языке. Новые методики создаются, но никогда они не могут удовлетворить всех. И причина педагогических неудач часто кроется не в недостатках метода, а в отсутствии личностной гармонии между студентами, между студентами и преподавателем, между студентами и лингводидактическими материалами. Создание положительного эмоционального фильтра¹ — одно из основных условий успешного обучения. И такой фильтр можно создать только при получении информации о психокогнитивных характеристиках обучаемых.

Значимые различия между учащимися касаются **трех** основных сфер, а именно: **мотивации, особенностей коммуникации и стратегий, применяемых при усвоении языковой информации.**

Фактор **мотивации** может быть рассмотрен с точки зрения межполушарной асимметрии.

Так, левополушарному студенту (далее — ЛПС) доставляет удовольствие сам процесс усвоения информации и его результат в виде накопления знаний, его нет необходимости дополнительно мотивировать

к обучению. Иначе говоря, он обладает интенциональным локусом контроля. Правополушарный же студент (далее — ППС) должен обязательно видеть перед собой конкретную практическую цель, которую необходимо достичь в результате обучения². Соответственно и локус контроля у них будет внешним. В процессе обучения преподаватель в силах обеспечить таких студентов практической целью хотя бы на уровне задания, упражнения. В качестве мотивации может служить: возможность самостоятельно решить задачу «на выживание» в стране изучаемого языка, узнать что-либо интересное об одноклассниках и, возможно, подружиться с ними, поделиться своим опытом, который может помочь кому-либо принять верное решение.

Поведение учащихся с противоположной латеральной доминантностью при общении также значительно различается. **Коммуникативные способности** связаны с общей активностью личности, с преобладанием первосигнального типа реагирования с выраженностью образных компонентов деятельности, то есть глубинных языковых структур³, а следовательно, с функционированием правого полушария. Такие люди успешно работают в команде, поскольку для них первостепенным является то, чтобы их услышали, поняли и они прилагают к этому максимум усилий. Они являются более внимательными слушателями, так как обращают первостепенное внимание на невербальные сигналы собеседника (слушают «как» сказано), в отличие от ЛПС, которые слушают только слова и отвечают только на них.

Лингвистические способности обеспечиваются вербально-логическими, аналитическими, произвольными процессами. Они теснее связаны с сознательной саморегуляцией, с выраженностью второсигнальных функций, т. е. с функциями левого полушария⁴. Такие студенты предпочитают работать самостоятельно, любят писать исследовательские работы и требуют спокойной, без отвлекающих факторов обстановки в аудитории. При совместной работе ЛПС предпочитают говорить, при этом для них не принципиально важно, все ли из того, что они говорят, было понятно слушателям.

Таким образом, ППС будут более успешно работать в парах или группе, а для ЛПС предпочтительней оказывается индивидуальная работа.

ЛПС необходимо постепенно учить общению, различными упражнениями показывая важность услышать и понять других людей, учить способам получения дополнительной информации из невербального общения.

В обычной жизни жесты и интонация часто играют гораздо более важную роль и говорят о собеседнике больше, чем его слова. Без них любое общение носит искусственный, оторванный от реальности характер. «Коммуникативная деятельность включает в себя кроме языковых средств: оптико-кинестическую знаковую систему (жесты, мимика, визуальный контакт), пара- и экстралингвистические системы (интонация, паузы, неречевые вкрапления в речь)»⁵, а поскольку цель изучения языка — общение на нем, нельзя убирать невербальные формы из обучения⁶. Крайне редко, тем не менее, на занятиях иностранным языком обращают внимание на экстралингвистические факторы и учат активно использовать их.

Третья группа различий наиболее обширна и касается предпочитаемых стратегий при формировании грамматического и лексического навыков и речевых умений. Для начала необходимо отметить общие тенденции (табл. 1), а затем перейти к описанию конкретных проявлений речевого поведения в ситуации обучения.

С особенностью холистического мышления ППС связана способность воспринимать информацию в виде целостных шаблонов при запоминании как слов, так и грамматических структур. В правом полушарии хранятся готовые куски текста — штампы, фразеологизмы, обценная лексика, поэтому и обучение успешнее будет проходить при опоре на информацию, зашифрованную в паттерны. С этим связаны и различия в типах ошибок, наиболее часто совершаемых студентами.

Для ППС свойственно целостное, нерасчлененное восприятие. Этой группе учащихся нельзя расчленять смысловую единицу на части, они не в состоянии составить ее из более мелких

**Таблица 1. Этапы усвоения информации учащимися
правополушарного и левополушарного типов**

	Восприятие информации	Переработка информации	Запоминание информации	Воспроизведение информации
Левополушарные	Воспринимают слова в предложении и взаимосвязи между ними, смысл, связанный со структурой	Обдумывают правила и анализируют структуру предложения в соответствии с правилом	Учат правило	Используют правило для построения аналогичного предложения, но часто не правильно оценивают ситуацию применения
Правополушарные	Воспринимают ситуацию, контекст	Стараются понять особенности контекста, при котором данная фраза уместна	Учат фразу как единое целое	Часто точно понимают контекст, но могут допустить грамматические ошибки

составляющих. Единственным выходом является контекстуальное обучение, запоминание шаблонов, примеров и ситуаций, в которых встречаются грамматические явления. Левополушарные же, наоборот, расчленяют целое на составные части и при изучении правил легко применяют их для корректировки высказывания.

Так, ошибки ЛПС, как правило, связаны с незнанием правил, и после их изучения количество ошибок сокращается в 5 раз. ППС делают ошибки, связанные с невнимательностью, отсутствием заинтересованности. После изучения правил, количество ошибок у них увеличивается в четыре раза⁷.

Именно поэтому преподавателю необходимо обратить внимание на учащихся, для которых стандартный подход к изучению правил не эффективен, и смириться с тем, что они «пропускают мимо ушей» теоретические объяснения и не в состоянии ответить, какую видовременную форму они использовали и почему. Вместо этого нужно позволить им запоминать грамматику подходящим для них способом и, что еще важнее, облегчить им этот процесс, предложив всей группе (включая ЛПС) способы и упражнения для целостного, контекстуального изучения грамматики. Для ППС это будет единственно подходящий

способ, а левополушарные используют это время для дополнительной отработки на практике изученных правил.

Каждый раз перед тем, как начать детальное рассмотрение темы, необходимо дать общую схему функционирования изучаемого явления при помощи мыслительной карты-схемы, видео, плакатов и пр., поскольку все шаблоны в нашем сознании взаимосвязаны друг с другом и являются частью более крупного шаблона, также очень важно, чтобы новая поступающая информация была вплетена в уже имеющееся знание и созданы взаимосвязи для ее закрепления в памяти, в противном случае существует высокая вероятность того, что информация будет отвергнута сознанием⁸.

Способы запоминания также будут значительно отличаться. Уже доказанным можно считать тот факт, что произвольное запоминание прочнее, чем целенаправленные попытки выучить материал⁹. Для обеспечения произвольного внимания можно использовать несколько стратегий. Эффективность систематизации материала без цели его запомнить¹⁰ более отчетливо будет проявляться для ЛПС, поскольку оно основано на понимании внутренних логических связей между частями материала. Систематизация

может протекать в разных направлениях: путем объединения объектов по одному какому-либо признаку, например, распределение предметов по группам в зависимости от цвета, величины и формы и пр.; путем объединения материала в хронологическом следовании событий и путем систематизации его в соответствии с предложенной схемой.

Эффективность контекстуально-зависимого запоминания¹¹ характерна для ППС. Так, слова вспоминаются эффективнее при наличии нескольких признаков, характеризующих его, либо при связи слова с образом или ситуацией. Также интересны ассоциативные теории памяти. Предметы и явления действительности запечатлеваются и воспроизводятся не изолированно друг от друга, а в связи друг с другом¹². На этом основан, например, метод В. А. Куринского¹³, автор которого обучает сразу нескольким языкам с использованием принципа нанизывания ассоциаций.

Что касается произвольного запоминания, то оно происходит в результате мнемической деятельности, которая всегда носит избирательный характер. Мнемоника создает структуру для усвоения информации. При помощи визуальных образов, ритма и прочих опор обеспечивается длительность сохранения информации в памяти, а также обеспечиваются эффективные «зацепки» для вспоминания.

Мнемотехники в большинстве своем подходят больше для ППС, поскольку основаны на визуально-пространственном и контекстуальном способе кодирования информации. Так, способ, при котором учащиеся должны связать все запоминаемые слова в единый образ или рассказ, требует объединения всех слов в рамках единого контекста, а так называемая техника “loci”, при которой учащиеся расставляют слова или понятия на различные места в представляемом ими хорошо знакомом месте, а затем при вспоминании проходят по всем местам и «собирают» оставленные образы, требует хорошо развитого пространственного воображения.

Таким образом, при изучении слов необходимо создавать максимальное количество контекстуальных связей между изучаемыми и уже

известными словами, показывать варианты сочетаемости слов, увеличить количество упражнений на употребление слов при живом общении. Традиционное предъявление слов в виде списков для домашнего заучивания является самым бедным и малоэффективным способом закрепления лексики.

При разговоре о восприятии и памяти также уместно упомянуть стратегии, характерные для учащихся с различными ведущими сенсорными каналами, поскольку именно на этих двух этапах они являются наиболее значимыми. Принято различать пять основных видов (модальностей) ощущений: обоняние, вкус, осязание, зрение и слух. Восприятие человека всегда мультисенсорно. При ограничении количества работающих каналов создается нетипичная ситуация, к которой необходимо адаптироваться. Таким образом, учащиеся тратят свое время и силы в большой степени не на обучение, а на адаптацию.

Изначально у каждого человека при восприятии информации непроизвольно активизируется именно та модальность ментального опыта, которая лежит в основе индивидуального стиля кодирования информации. Более того, в стрессовой ситуации человек склонен «закрывать» в одном (доминирующем) сенсорном канале, тогда как в комфортных условиях открываются все его сенсорные каналы, что является предпосылкой для успешного обучения¹⁴.

Преподаватель, как поставщик языковой информации, заинтересован, чтобы студент воспринял ее в полном объеме, чего на практике никогда не происходит. Почему? Предпочтение тем или иным каналам восприятия — это привычка, которая вырабатывается в процессе столкновения с раздражителями, количество которых определяет степень их развития. Можно сказать, что репрезентативные системы являются своего рода «фильтрами» нашего восприятия. Следовательно, тот фильтр, через который пройдет больше битов информации в единицу времени, и обеспечит, в конечном счете, полноту и характер «сенсорной записи».

Способность к переработке информации ограничена на трех уровнях — сенсорном, когни-

тивном и опытном. Перегрузка может возникнуть при одновременном наличии слишком большого количества сенсорных признаков, если пытаться обработать слишком много событий в памяти, а также при поступлении непривычного сигнала.

Первичный этап сенсорного восприятия вряд ли можно сознательно активизировать и обеспечить поступление всех сигналов для дальнейшей обработки. Контроль со стороны преподавателя возможен, начиная со второй стадии — стадии когнитивной обработки, и заключается в целенаправленном задании активно использовать поступившую информацию. Большинство упражнений в учебниках направлены именно на такую активизацию с целью закрепления и перевода данных в долговременную память.

Что касается третьего этапа, то он, на наш взгляд, представляется не менее важным, чем второй. Если упущение на втором этапе означает, что информационный бит не попал в дальнейшую обработку и память, то третий этап отвечает за более масштабные упущения, поскольку привычка человека касается сразу целой сферы его жизни и информационный пропуск будет касаться не одного конкретного факта, а целого блока информации.

Так, например, если у студента слабо развит аудиальный канал, то при прослушивании записи преподаватель может целенаправленно привлечь его внимание к особенностям произношения и интонации говорящего, однако это будет единовременная мера, в следующий раз студент самостоятельно, скорее всего, проигнорирует эти подробности. Если же направить усилия на то, чтобы различными упражнениями помочь ему развить слабый канал, то целый спектр заданий станет для студента доступнее.

Сенсорные предпочтения человека могут стать основой для формирования определенных черт характера, а также проявляются в форме предпочитаемого поведения, информацию о котором можно использовать как на этапе тестирования для более точного определения ведущей модальности, так и для обеспечения комфортных внешних условий. Общие данные об особенностях протекания четырех этапов усвоения информации у обучаемых с различными ведущими каналами представлена в табл. 2.

Визуалам необходимо наличие картинок, схем, диаграмм, в то время как кинестетики не воспринимают готовых визуальных стимулов, но готовы сами их создавать, обучаясь и за-

Таблица 2. Этапы усвоения информации учащимися с различными ведущими сенсорными каналами

Этапы усв. инф. Вед. сенс. канал	Восприятие информации	Переработка информации	Запоминание информации	Воспроизведение информации
Визуальное восприятие	Воспринимают информацию в виде образов или ряда образов, как кино	Упорядочивают образы	Запоминают образы, как книжку комиксов	Описывают видимую внутренним взором картинку
Аудиальное восприятие	Воспринимают интонацию, тембр, сопутствующие звуки	Упорядочивают образы и сопутствующую звуковую информацию	Запоминают, проговаривая, записывая и слушая себя	Слушают внутренний голос и повторяют за ним
Кинестетическое восприятие	Воспринимают информацию как активное действие, соотнося с собственным опытом	«Проживают» полученную информацию, упорядочивая опыт	Запоминают, выполняя сопутствующие действия: ходят, пишут, двигаются	Активно используют жестикуляцию и другие действия, иллюстрирующие информацию

помятая в процессе практической деятельности. Кинестетики с радостью возьмутся за задание, в котором нужно составить проект, провести опрос, сообщить о результатах исследования, нарисовать карту сокровищ и провести партнера к зарытому кладу или провести публичное выступление с целью убедить или рассказать о необычном явлении. Они также будут в числе первых, кто найдет возможность общения с носителями языка, воспользуется Интернет-ресурсами и запланирует поездку за рубеж. Соответственно преподаватель, который будет ограничивать их жажду практической деятельности и не предоставит возможности для самовыражения, получит в их лице «трудных», часто слабых учащихся.

Визуал же, напротив, плохо ориентируется в практических ситуациях, предпочитая индивидуальное обучение, самостоятельное чтение, переписывание тетрадки, списков слов, «чтобы красиво выглядело», не стремится к общению и с трудом заставляя себя подняться из-за парты, когда преподаватель просит выполнить задание, где нужно, например, ходить от парты к парте и проводить опрос.

При недифференцированном коммуникативном обучении больше всего страдают, пожалуй, кинестетически-ориентированные учащиеся. Парты в ряд, невозможность двигаться во время занятия, мешают им активизировать мыслительную деятельность.

Аудиальные учащиеся обучаются через разговор и восприятие речи на слух. Им необходимы устные разъяснения, они часто проговаривают про себя или очень тихо при чтении текстов. Они редко смотрят на преподавателя, однако это не значит, что они невнимательны. Они чувствительны к посторонним бытовым звукам и часто могут невольно отвлекаться на них. Они могут вертеть головой, чтобы лучше слышать, но сидят не прямо, так как видеть им часто не так важно.

Говоря о четвертом этапе использования полученной информации, важно подчеркнуть, что, несмотря на все инновационные приемы, использованные на первых трех этапах, переход информации в практическое применение (особенно грамматической и лексической) происходит, как

и при любом обучении, через выполнение большого числа упражнений, закрепляющих изученное. И на наш взгляд, не так важно, каким образом происходит тренировка, а важно то, с каким багажом подходит учащийся к этому этапу.

Скорость извлечения из памяти необходимого слова или грамматической структуры при выполнении упражнения напрямую зависит от того способа, каким пользовался студент, закладывая их в память. И ППС, которому не предоставили никаких подходящих для него способов, будет просто не в состоянии отыскать в голове необходимую ячейку или же потратит на это несоизмеримо больше времени, пока будет восстанавливать сложные, выстроенные им самим связи. В то же время, при наличии средства для размещения новой информации в собственной языковой картине, этот процесс происходит быстро и безболезненно, значительно облегчая этап тренировки.

Рассмотрев общие закономерности четырех этапов усвоения информации, целесообразно перейти к некоторым аспектам формирования речевых умений у учащихся с различными психокогнитивными типами. Так, например, при обучении **говорению** важную роль, на наш взгляд, должны играть такие задания, как «ролевые игры» и «дебаты». Оба эти задания дают прекрасную возможность учащимся применить на практике изученные слова и выражения и одновременно поделиться своим мнением, а также проявить свой творческий потенциал.

В существующих учебно-методических комплексах почти всегда присутствуют аудиозаписи для развития навыка **аудирования**. Но этого недостаточно. Дело в том, что аудиальные средства практически не используются при обучении прочим навыкам и умениям. Так, например, песни и стихи, причем включая самостоятельное написание стихов различных жанров (хокку, белый стих, ритмический стих и пр.) учащимися, являются потенциально богатым средством обучения как лексике, так и грамматике, обеспечивая контекстуальность и активизацию произвольной памяти.

Общей тенденцией при обучении **чтению**, помимо предложения учащимся различных стра-

I can see: footprints, stars shimmering, Moon dust, shadows

I can hear: silence, heart beating, breathing, steps, pulse, blood pressure, falling drops of sweat

I can feel: pain in the ears, emptiness, drop* of sticky blood going down the cheek

I can smell: oxygen, fabric, plastic

I can taste: adrenalin, success, fame

* предикаты даны с сохранением ошибок учащихся

Рис. 1. Образец выполнения задания на целенаправленное использование предикатов.

тегий работы с текстом, должно стать применение заданий на самостоятельный выбор текстов из сети Интернет на определенную тему, заданную преподавателем.

При обучении **письму** необходимо соблюдать баланс между двумя основными стратегиями, а именно обучением по шаблону с минимальным количеством изменений и написанием свободного сочинения. В первом случае происходит тренировка выбора грамматических структур и лексических средств, но только во втором случае можно научиться структурировать и выстраивать письменное высказывание без повторов и логических неувязок. Упражнения на совместное написание сочинения всей группой или задание преподавателя составить план работы или переписать каждый второй абзац сочинения помогут студентам понять роль абстрагирования от формы в задаче написания по-настоящему интересного сочинения.

Речь людей с различными ведущими сенсорными каналами характеризуется употреблением специфических предикатов (слов и выражений определенной модальности). Кроме того, целенаправленное использование этих слов и фраз на занятии способствует активизации конкретного канала. Для преподавателя средством обучения является слово, поэтому вербальная информация представляет особую ценность. Задания, в которых учащиеся должны оценить картинку или заданную ситуацию с точки зрения только одного

канала, приводят к обогащению словарного запаса и способствуют творческому использованию образной лексики и фразеологии.

Так, например, вводный урок по внедрению предикатов состоит из четырех частей. В первой студентам предлагается несколько картинок, на которых изображены важные моменты истории (например, посадка человека на луну). Студенты делятся на группы, и каждой группе предлагается представить, что из всех органов чувств у них осталось только одно (например, слух), и описать события на картинке с точки зрения данного канала. Приведен пример предикатов, составленных учащимися курсов иностранных языков СПбГУ (рис. 1).

Зрительное восприятие в подавляющем большинстве случаев является наиболее развитым, и в первое время студенты испытывают значительные сложности, когда им приходится говорить на языке других чувств. В то же время, студенты с развитой кинестетикой выступают лидерами на этом этапе, предлагая много нестандартных ощущений. В конце первого этапа студенты при помощи преподавателя составляют сводную таблицу по всем каналам восприятия, обсуждая и добавляя новые идеи. Таким образом составляется словарный запас по данной теме, который должны использовать уже все студенты, независимо от их ведущего канала.

В качестве домашнего задания можно предложить написать сочинение от какого-либо лица

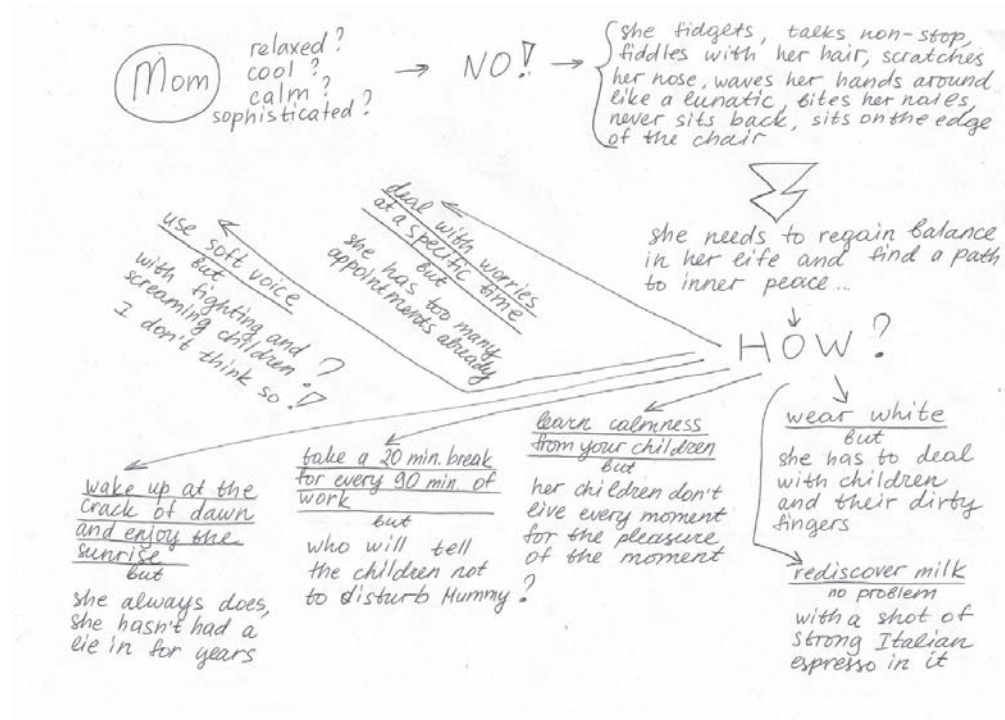

Рис. 2. Мыслительная карта-схема, составленная левополушарными учащимися.

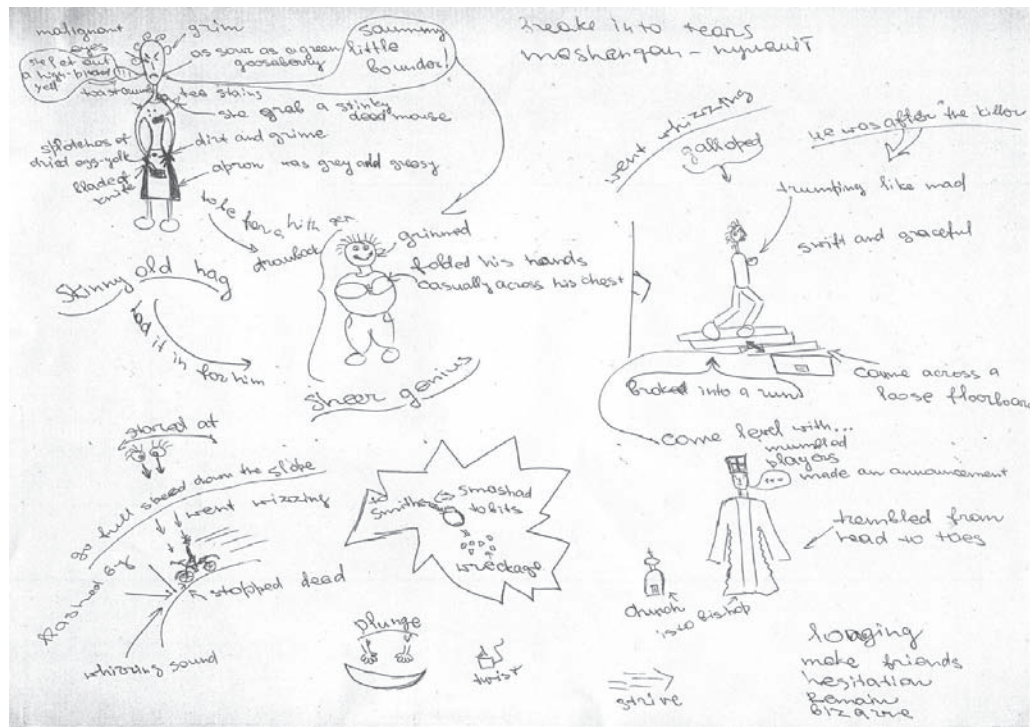

Рис. 3. Мыслительная карта-схема, составленная правополушарным учащимся.

(одушевленного или неодушевленного): статуи Петра I, наблюдающей молодоженов; то же самое от лица приглашенного на свадьбу ребенка 7 лет; рассказ европейца, впервые попробовавшего китайскую кухню; рассказ будильника, пытающегося разбудить спящего глубоким сном хозяина, и т. п.

В результате студенты получают возможность более активно использовать все сенсорные каналы, расширив свое восприятие реальности.

Составление мыслительных карт-схем при обучении лексике апеллирует как к ЛПС, которые получают возможность реализовать свою склонность к логической организации информации (рис. 2), так и к ППС, которые используют мозаически-холистический подход (рис. 3).

В заключение необходимо сказать, что ситуация, при которой студентов различных психокогнитивных типов обучают отдельно или подбывают им индивидуальные задания, представляется нереалистичной и ненужной. Эффективное обучение, скорее всего, будет строиться путем использования ведущего канала и развития всех остальных¹⁵, поскольку «умелое преподавание — это способность целенаправленно двигаться от одного стиля к другому в зависимости от смены цели на каждом этапе урока»¹⁶.

При предъявлении информации различными способами, каждый студент получает возможность выбрать наиболее эффективные для себя. Кроме того, это обогащает студента дополнительными стратегиями обучения и развивает мышление. Вначале подготовка к такому уроку занимает больше времени, однако само упражнение на уроке не требует больше времени, чем стандартное. Благодаря повышению мотивации и осознанности преподаватель тратит меньше времени на повторение, а эффективность запоминания повышается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Krashen S. Principles and Practice in Second Language Acquisition. Oxford, 1982.

² Москвин В. А., Москвина Н. В. Основы дифференциальной нейропедагогики. Оренбург, 2003. С. 131–132.

³ Деглин В. Д., Баллонов Л. Я., Долгина И. Б. Язык и функциональная асимметрия мозга // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-

та. 1983. Вып. 635. Текст и культура (Тр. по знаковым системам. Т. 16). С. 31–42; Кабардов М. К. Роль индивидуальных различий в успешности овладения иностранным языком: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1983.

⁴ Кабардов М. К. Коммуникативный и лингвистический типы овладения иностранным языком в разных условиях обучения // Школа здоровья. 1997. № 1. С. 72–86.

⁵ Кабардов М. К. Коммуникативно-речевые и когнитивно-лингвистические способности и склонности // Способности и склонности / Под ред. М. К. Кабардова. М., 1989. С. 103–128.

⁶ Ляховитский М. В. Методика преподавания иностранного языка. М., 1981.

⁷ Москвин В. А., Москвина Н. В. Указ. соч. С. 139–142.

⁸ Jensen E. Brain-based Learning. — Brain Store Inc, 1996.

⁹ Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961; Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. М., 1966.

¹⁰ Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. М., 1966.

¹¹ Mäntylä T. Optimizing cue effectiveness: Recall of 500 and 600 incidentally learned words // Journ. of Experimental Psychology: Learning, Memory, Cognition, 12, 1986. P. 66–71; Котик Б. С. Как выучить иностранный язык: пособие для взрослых / Б. Котик, П. Соловей. М., 2005; Мелентьева Т. И., Корсакова Н. К. Функциональная асимметрия полушарий мозга и дифференцированное обучение иностранным языкам. М., 2000.

¹² Сеченов И. Рефлексы головного мозга. М., 1961.

¹³ Куринский В. А. Автодидактика. М., 1994.

¹⁴ Гриндер М. Исправление школьного конвейера. М., 1995. — http://www.koob.ru/grinder_michael/righting_the_educational_conveyor

¹⁵ Котик Б. С. Нейропсихологический подход: от упрощений к системно-динамическому анализу обучения иностранному языку, 1990. — <http://www.voppsyl.ru/4y/ISSUES/1990/903/903126.php>; Reid J. R. Understanding Learning Styles in the Second Language Classroom. Upper Saddle River, New York, 1998; Williams L. V. Teaching for the Two-sided Mind: A Guide to Right Brain/left Brain Education. Simon, Schuster, 1986.; Given B. Teaching to the brain's natural systems. Alexandria, Virginia, USA, 2002.

¹⁶ Mosston M., Ashworth S. The spectrum of teaching styles: From command to discovery. New York: Longman, 1990.

Зейнеп Зафер

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА В ПРОГРАММАХ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ (ГИМНАЗИИ¹) И УНИВЕРСИТЕТОВ ТУРЦИИ

ZEINEP ZAPHER

RUSSIAN LITERARY CLASSICS IN THE SECONDARY SCHOOL PROGRAMMES
(GRAMMAR SCHOOL) AND THE UNIVERSITIES OF TURKEY

После краткого обзора истории перевода русской художественной литературы на турецкий язык автор рассматривает вопрос, касающийся ее присутствия в учебных программах и учебниках литературы в Турции. Таким образом, он подходит к проблеме подготовки массового турецкого читателя к восприятию русской литературы.

Ключевые слова: русская литература, Турция, перевод, учебные программы.

The author examines the place of the Russian literary works in the educational programmes in Turkey after presenting the short history of the translation of Russian literature in Turkish. In this context, the author reaches the subject related to the preparation of the ability of understanding of Russian literature by Turkish readers.

Keywords: Russian literature, Turkey, translation, educational programme.

Зейнеп Зафер

Доктор наук, доцент
Университета «Гази»
(Анкара, Турция)
► zkelesh@yahoo.com

Впервые турецкий читатель получил возможность познакомиться с русской классической литературой в переводе на родной язык спустя двадцать пять лет после публикации в 1859 году первых художественных произведений некоторых французских авторов. В 1884 году комедия Грибоедова «Горе от ума» была переведена непосредственно с русского языка на турецкий, до этого турецкая интеллигенция читала некоторых русских авторов на французском языке.

Выпускница Восточного факультета Казанского университета Ольга Сергеевна Лебедева стала первым подвижником сближения русской и турецкой литератур. Ей принадлежат первые переводы произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого на турецкий язык. Она также является автором первой монографии о жизни и творчестве А. С. Пушкина и статьи о Л. Н. Толстом. Кроме этого в 1895 году в Стамбуле была издана ее «История русской литературы», в которой упомянуты двадцать самых известных русских писателей.

Турецкие переводчики продолжили дело, начатое О. Лебедевой. Однако многие из них делали переводы с французского языка. С 1884

по 1923 год, год провозглашения Турецкой Республики, было издано 16 книг с переводами русских классиков (в газетах также было опубликовано множество произведений). Кроме того, с 1923 по 1939 год было выпущено 35 книг переводов.

Благодаря начатой М. К. Ататюрком (1881–1938) программе сближения Турции с западными культурами, в 40-е годы в стране наблюдается усиление переводческой деятельности. Первый конгресс по печати, состоявшийся под эгидой Министерства национального просвещения в мае 1939 года, имел огромное значение для превращения переводов мировой художественной литературы в организованную государственную политику. Известный турецкий поэт, писатель и переводчик Хасан Али Юджель (1897–1961), министр просвещения с 1938 года, в своем докладе подчеркивает огромное значение «<...> знакомства республиканской Турции с классическими и современными произведениями западной культуры и мысли <...>» [8: 7]. В начале 1940 года «Комиссия по русской литературе» готовит план переводов и изданий классиков русской литературы. Переводческая деятельность в Турции во время Второй мировой войны (1939–1945) оценивается К. А. Беловой как «гражданский подвиг» [1: 395].

С 1940 года по 1966 год под эгидой Министерства национального просвещения Турции в переводе издается 1120 произведений мировой литературы, собранных в 1247 томах. Среди них 75 (в 88 томах) являются произведениями русской литературы. По количеству изданий мировой литературной классики в переводе на турецкий язык в исследуемый период русская литература занимает пятое место после французской, немецкой, древнегреческой и английской. Качество некоторых из этих переводов так высоко, что и сегодня читатели отдают предпочтение им.

Нужно заметить, что турецкий реципиент имел возможность знакомиться с множеством произведений русских авторов, которые были запрещены в Советской России и в других социалистических странах. Например, роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» (“Doktor Jivago”) сразу после присуждения автору Нобелевской премии был

переведён на турецкий язык и издан в конце 1958 года. После этого до 1999 года он был переведён еще четыре раза и многократно переиздан². Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в первый раз был издан в Турции в 1969 году, а антиутопия Е. Замятина «Мы» — 1988 году. Среди запрещённых в Советский период русских писателей особенно популярен в Турции был А. Солженицын. В 1965 году издается два перевода повести «Один день Ивана Денисовича», один из которых издается вместе с рассказом «Для пользы дела»; в 1968 году — «В круге первом», в 1970 году — «Раковый корпус», в 1972 году — «Август четырнадцатого» и, в одном сборнике, рассказы «Случай на станции Кочетовка» и «Матрёнин двор». В 1974 году одной книгой издаются «Письмо вождям Советского Союза» и статья «Жить не по лжи!». В 1974–1975 гг. издается «Архипелаг ГУЛаг» (в 3 томах), а в 1976 году «Ленин в Цюрихе». Следует подчеркнуть, что многие из этих произведений были переведены разными переводчиками и переизданы несколько раз. Много раз переиздавалась повесть «Один день Ивана Денисовича». Из произведений А. Солженицына только три было переведено непосредственно с русского языка.

Сегодня перевод и издание русской классической и современной литературы в Турции активно продолжается. Красноречивым примером этого служит тот факт, что только с 2001 по 2007 год было переведено на турецкий язык и издано шесть книг известного современного русского постмодерниста Виктора Пелевина³.

Из всего вышесказанного ясно, что в Турции переводятся и издаются произведения многих русских писателей. Книжные магазины предлагают турецкому читателю богатый выбор русской художественной литературы разных периодов. Но хорошо ли понимает русскую литературу турецкий реципиент? Как известно, для восприятия художественной литературы читателем большое значение имеет его предварительная подготовка, которая обычно начинается на уроках литературы. Массовый турецкий читатель получает краткую информацию о русской словесности в рамках уроков зарубежной литературы в гимназии. В старших классах гимназии русская

литература изучается на уроках турецкой литературы, часть которых отводится на зарубежную литературу.

В связи с тем, что преподавание зарубежной литературы осуществляется филологами — выпускниками кафедр турецкой филологии различных университетов Турции, большое значение имеет то, как филологи — будущие учителя литературы подготовлены к преподаванию русской литературы. Вот почему очень важными являются и университетские программы по литературе и литературоведению, включающие в себя и знакомство филологов с произведениями мировой литературы, в том числе и русской.

Какое место занимает преподавание русской литературы в программах гимназии и университетов в нашей стране? Какие русские авторы являются предпочитаемыми при подборе текстов для учебников литературы? Каково присутствие русской литературы в учебниках в сравнении с другими зарубежными литературами? Как подготавливается массовый турецкий читатель к восприятию русской литературы?

Ответы на все эти вопросы содержатся в учебных программах по изучению литературы, лежащих в основе учебников литературы в Турции. Изучение русской литературы в Турции начинается в республиканский период (1923 год). В 1924 году была принята первая новая учебная программа по турецкому языку и литературе для начальной и средней школы⁴. По мнению некоторых турецких исследователей, эта программа создавала условия для знакомства учащихся с основными европейскими литературами, потому что в выпускном классе гимназии один час в неделю отводился работе с литературными текстами [2: 45; 3: 181]. Эта программа претерпевает определенные изменения в 1927 году, но в ней остается изучение зарубежной литературы [3: 182].

Первого ноября 1928 года в Турции было принято решение о переходе на новый алфавит на основе латиницы. Вот почему в 1929 году вступила в силу новая учебная программа, в которой часы диванной литературы⁵ были сокращены, и вместо них были предусмотрены часы, отведённые на знакомство с зарубежной литературой [2:

47; 3: 183]. В этой программе на уроках литературы в гимназии рекомендовалось рассмотрение отрывков из произведений мировой литературы с античного периода до начала XX века [7: 31, 32].

Со времени утверждения первой программы республиканского периода (в 1924 году) до последней, утвержденной на 2005/06 учебный год, сменилось несколько программ. Например, в 1934, 1938, 1942, 1949, 1952, 1954, 1957, 1976, 1991 гг. в учебные программы по турецкому языку и литературе вносятся различные изменения и дополнения. В отношении западноевропейской литературы в программе 1934 года повторяется формулировка [4: 7] из предыдущей программы. В следующей программе (1938) обращается внимание на необходимость работать прежде всего над современной литературой (это касается как турецкой, так и западноевропейской литературы [5: 6]. Программы 1942 и 1949 гг. не имеют особенностей, представляющих интерес с точки зрения рассматриваемой здесь темы. Программа 1957 года, составленная на базе всех предшествующих учебных программ, использовалась на протяжении 33 лет — до 1991 года (исключение составляет программа 1976 года, которая использовалась только в течение одного учебного года — 1976/77) [3: 180–191].

Мы остановимся только на тех программах, которые имеют отношение к нашей теме. Для нас важна программа 1952 года по турецкому языку и литературе, предполагающая четырехлетнее обучение на последнем (гимназическом) этапе школьного образования. В четвертом классе гимназии в параллелях с гуманитарным направлением было предусмотрено 6 часов турецкого языка и литературы в неделю, из которых 2 часа в неделю отводилось на знакомство с произведениями зарубежной литературы [6: 3]. В этой программе впервые появился раздел «зарубежная литература», предусматривающий изучение древнегреческой, латинской, итальянской, испанской, французской, английской, немецкой, русской, скандинавской и американской литературы [Там же: 71–72]. В программе были указаны имена некоторых писателей, в частности, русская литература была представлена

Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым [Там же: 72]. Это единственная учебная программа, в которой фигурируют два русских автора.

Однако четырехлетнее обучение в гимназии в Турции просуществовало до 1954-го, а в некоторых учебных заведениях до 1955 года. Затем гимназический этап обучения снова возвращается к трехлетнему сроку⁶, в результате чего в обязательной программе остается только творчество Л. Н. Толстого. Разумеется, в этой программе, как и в предыдущих и последующих, было указано, что и другие произведения зарубежных писателей должны быть рекомендованы ученикам для чтения (на усмотрение учителя). Во всех учебных программах, которые были приняты после программы 1952 года до программы на 2005/06 учебный год, из представителей русской литературы по традиции продолжал фигурировать только русский классик Л. Н. Толстой.

В программе, которая вступила в силу в 2005/06 учебном году, истории зарубежной литературы, в том числе и истории русской литературы, не нашлось места (несмотря на то, что эта программа, как и программа 1952 года, предусматривает четырехлетнее обучение в гимназии). В ней рассматриваются главным образом литературные процессы в мире, которые повлияли на турецкую литературу, но не изучаются отдельные зарубежные литературы и их представители. Будущее покажет, насколько удачным является этот способ изучения литературы в гимназических классах турецкой школы.

В соответствии с рассмотренными выше программами издавались учебники и хрестоматии по литературе для гимназий. Нужно отметить, что в первых учебниках республиканского периода Турции зарубежная литература не была представлена⁷. Поэтому учителя должны были сами разрабатывать эту часть учебной программы, основываясь на собственных знаниях и весьма скудных источниках. Из того, что было сказано выше об истории перевода зарубежной и русской литературы на турецкий язык, ясно, что в этот период и количество, и качество переводов русских авторов, которые могли бы быть рекомендованы учащимся, оставляло желать лучшего.

Рассматривая учебники турецкой литературы и хрестоматии, можно выяснить, каких русских писателей и какие именно из их произведений включали составители в учебную литературу в различные периоды. Исследования в этой области показали, что учебники и хрестоматии по литературе, изданные в 50-е годы, которые многократно переиздавались и в более поздний период, отводят весьма значительное место зарубежной, и в том числе русской литературе.

Чаще всего в них представлена краткая творческая биография Л. Н. Толстого и отрывки из его произведений, таких, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Казачьи», «Смерть Ивана Ильича», или некоторые из его сказок⁸. Второе место занимает Ф. М. Достоевский, творчество которого представлено отрывками из таких произведений, как «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Игрок»⁹. Лишь в одну хрестоматию включено имя И. С. Тургенева (для ознакомления с его творчеством ученикам предлагается отрывок из повести «Ася»)¹⁰.

В учебниках и хрестоматиях по литературе, составленных согласно программе 1991 года, из русских авторов присутствует только Л. Н. Толстой (как правило, с его эпопеей «Война и мир»)¹¹. А в последних учебниках, подготовленных в рамках программы по турецкому языку и литературе от 2005/06 года, вообще отсутствует зарубежная литература как текст. Эти учебники подготовлены на базе теории литературы, а литературные тексты подобраны главным образом из турецкой литературы.

В гимназиях русскую литературу, как и другие зарубежные литературы, преподают филологи — выпускники кафедр турецкого языка и литературы педагогических и гуманитарных факультетов различных университетов страны. По этой причине важное значение имеет то, какую подготовку получают они во время четырехлетнего обучения в университете.

В результате целенаправленного изучения университетских программ было установлено, что на всех кафедрах турецкого языка и литературы не существует стандартной дисциплины, которая включала бы в себя изучение мировой

литературы с античности до наших дней. Русская литература, как и другие зарубежные литературы, изучается в рамках таких предметов, как «мировая литература», «западная литература», «западная литература и литературные течения», «классики зарубежной и турецкой литературы», «литературоведение», «литературные течения» и др.

В рамках этих предметов на отделениях турецкого языка и литературы в университетах Турции чаще всего рассматриваются жизнь и творчество Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и, реже, некоторых других. В некоторых из вышеупомянутых курсов изучаются творческие биографии и важнейшие произведения этих авторов, в других они рассматриваются как представители тех или иных литературных течений. Некоторые из этих авторов, например Н. В. Гоголь и А. П. Чехов, изучаются с точки зрения их влияния на творчество различных турецких драматургов и прозаиков.

С конца XIX века до наших дней русская художественная литература переводилась, издавалась и предлагалась массовому турецкому реципиенту в достаточном количестве. Интерес турецкого читателя к русской литературе определяет и интерес издателей к отдельным ее представителям.

Однако из того, что было сказано выше об изучении русской литературы в гимназиях, а также в университетах, становится ясно, что массовый современный турецкий реципиент недостаточно подготовлен к полноценному восприятию русской литературы, и многое в её произведениях остается для него неясным. Разное вероисповедание турецкого и русского народов, культурные различия в советский период в истории России — все это является важными факторами, затрудняющими процесс понимания.

Как известно, художественной текст содержит определенный страноведческий, исторический, социальный, культурный потенциал и характеризуется национальной спецификой как в идейно-содержательном, так и в стилистическом плане. Поэтому можно с уверенностью сказать, что только те читатели, которые само-

стоятельно подготовились к восприятию русской литературы, могут наслаждаться ее богатством и многоплановостью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящей работе термин «гимназия» используется вместо принятого в турецком языке термина “lise”, которым в турецкой образовательной системе именуются средние общеобразовательные учебные заведения с 9-го по 11-й/ с 9-го по 12-й класс.

² Более подробно об этом см.: *Зафер З.* Судьба 17 части романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» // Болгарская русистика. №1–2. София, 2006. С. 137–147.

³ Более подробно об этом см.: *Зафер З.* Виктор Пелевин в Турции, *Žmogus Kalbos Erdvėje*, 5, *Mokslinių straipsnių rinkinys*, Litvanya — Kaunas, 16–17 Mayıs 2008. Kaunas, 2008. S. 226–233.

⁴ Для получения более подробной информации по этому вопросу см.: *Duman A.* 1923–1957 Yılları Arasında Orta Okul ve Liseler İçin Hazırlanan Türkçe, Türk Dili ve Edebiyatı Programları Üzerine Bir İnceleme. Yüksek Lisans Tezi. Danış. Prof. Dr. Abdurrahman Güzel, G. Ü. S. B. E., Ankara, 1992.

⁵ Диванная литература: турецкая литература XIII–XIX вв., которая с языковой, тематической и стилистической точки зрения развивалась под арабским и персидским влиянием.

⁶ Об этом см.: *Talim ve Terbiye Dairesi Genelgesi*. Sayı 1739–42. *Tebliğler Dergisi*, Cilt 17, Sayı 816, 13 Eylül 1954, Ankara, 1954; *Talim ve Terbiye Kurulu Kararı*. Sayı 222; Tarih 4.11.1954. *Tebliğler Dergisi*, Cilt 17, Sayı 826, 22 Kasım 1954, MEB Basımevi, Ankara, 1954.

⁷ Таков учебник Али Джанипа Йонтема (1928 г.), по которому проводятся уроки турецкого языка и литературы. См.: *Canip A.* Edebiyat. Devlet Matbaası, İstanbul, 1928.

⁸ Например, учебники: *Kocatürk V. M.* Batı Edebiyatı Şaheserleri 3. Lise Son Sınıf Edebiyat Kolu, İst., 1955; *Nisari A.* Metinli Batı Edebiyatı III. İnkılap Kitapevi, İst., 1955; *Buch E., Bayrav S.* Batı Edebiyatından Seçme Metinler, İst., 1955; *Banarlı N. S.* Metinlerle Türk ve Batı Edebiyatı. Lise III, İst., 1955; *Yetkin S. K., Arıkan S.* Örnekleriyle Türk ve Batı Edebiyatı — III, İst., (1961?); *Balkır İ. Y.* Örnekli Türk ve Batı Edebiyatı. Lise III, İst., 1979.

⁹ Например, учебники: *Kocatürk V. M.* Batı Edebiyatı Şaheserleri 3. Lise Son Sınıf Edebiyat Kolu, İst., 1955; *Nisari A.* Metinli Batı Edebiyatı III. İnkılap Kitapevi, İst., 1955. *Buch E., Bayrav S.* Batı Edebiyatından Seçme Metinler, İst., 1955.

¹⁰ См.: *Yetkin S. K., Arıkan S.* Örnekleriyle Türk ve Batı Edebiyatı — II, İst. (1961?).

¹¹ См.: *Kavaklı A. E., Balta A., Vural A.* Edebiyat — II, 3. baskı, İst., 2001.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белова К. А.* Из истории переводов Пушкина в Турции. Пушкин и мир Востока. М., 1999.

2. *Göğüş B.* Orta Dereceli Okullarımızda Türkçe ve Yazın Eğitimi. Gül Yayınları, Ankara, 1978.

3. *Karakuş İ.* Türkçe, Türk Dili ve Edebiyatı Öğretimi. Can, Ankara, 2005.
4. Lise Müfredat Programı, Devlet Matbaası, İst., 1934.
5. Lise Programı, Devlet Basımevi, İst., 1938.
6. Lise Mefrudat Programı. Milli Eğitim Basımevi, Ankara, 1952.
7. Orta Mektep ve Liselerin Türkçe Müfredat Programı, Yeni Gün, Ankara, 1929.
8. *Yücel H. A.* Birinci Türk Neşriyat Kongresi Açılışında Sayın Başvekili ile Maarif Vekili Tarafından Söylenen Nutuklar. Ankara, 1939.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Banarlı N. S.* Metinlerle Türk ve Batı Edebiyatı. Lise III, İst., 1955.
2. *Balkır İ. Y.* Örnekli Türk ve Batı Edebiyatı. Lise III. İst., 1979.
3. *Buch E., Bayrav S.* Batı Edebiyatından Seçme Metinler, İst., 1955.
4. *Canip A.* Edebiyat. Devlet Matbaası, İst., 1928.
5. *Duman A.* 1923–1957 Yılları Arasında Orta Okul ve Liseler İçin Hazırlanan Türkçe, Türk Dili ve Edebiyatı Programları Üzerine Bir İnceleme. Yüksek Lisans Tezi. Dan. Prof. Dr. Abdurrahman Güzel, G. Ü. S. B. E., Ankara, 1992.
6. *Kavaklı A. E., Balta A., Vural A.* Edebiyat — II, 3. baskı, İst., 2001.
7. *Kocatürk V. M.* Batı Edebiyatı Şaheserleri 3. Lise Son Sınıf Edebiyat Kolu, İst., 1955.
8. *Nisari A.* Metinli Batı Edebiyatı III. İnkılap Kitapevi, İst., 1955; *Buch E., Bayrav S.* Batı Edebiyatından Seçme Metinler, İst., 1955.
9. *Pasternak B.* Doktor Jivago, Türkçesi M. Kenan Kan, Karaveli Yayınları, İst., 1958.
10. *Soljenitsin A.* Ağustos 1914: Düğüm (10–21 Ağustos), Türkçesi Leyla Soykut, Hürriyet Yayınları, İst., 1972.
11. *Soljenitsin A.* Gulag Takım Adaları (1918–1956), I. Cilt, Rusçadan çeviren Selim Taygan, Nebioğlu Yayın Evi, İst., 1974.
12. *Soljenitsin A.* Gulag Takım Adaları (1918–1956), II, III. Cilt, Rusçadan çeviren Selim Taygan, Nebioğlu Yayınevi. İst., 1975.
13. *Soljenitsin A.* İvan Denisoviç'in Bir Günü, çev. Niyazi Dalyancı, İst., 1965.
14. *Soljenitsin A.* İvan Denisoviç'in Hayatında Bir Gün. Dava Uğruna, çev. Zeyyet Özalpsan, İst., 1965.
15. *Soljenitsin A.* İlk Çember, Türkçesi Hasan Aslan, E Yayınevi, İst., 1968.
16. *Soljenitsin A.* Kanser Koşuşu, çev. Özay Süsoy, Gönül Suveren, Altın Kitaplar, İst., 1970.
17. *Soljenitsin A.* Koçetovka İstasyonu'nda Bir Olay ve Matriyona'nın Evi, Rusçadan çev. Mehmet Özgül, Varlık Yayınları, İst., 1972.
18. *Soljenitsin A.* Lenin Zürih'te, Kervan Yayınları. İst., 1976.
19. *Soljenitsin A.* Sovyet Liderlerine Açık Mektup (Eylül 1973); Yalanla Yaşamayın (Şubat 1974), Rusçadan çev. İsmet Giritli, Nebioğlu Yayınevi. İst., 1974.
20. *Talim ve Terbiye Dairesi Genelgesi.* Sayı 1739–42. Tebliğler Dergisi, Cilt 17, Sayı 816, 13 Eylül 1954, Ankara, 1954.
21. *Talim ve Terbiye Kurulu Kararı.* Sayı 222; Tarih 4.11.1954. Tebliğler Dergisi, Cilt 17, Sayı 826, 22 Kasım 1954, Ankara, 1954.
22. *Yetkin S. K., Arıkan S.* Örnekleriyle Türk ve Batı Edebiyatı — II, İst., (1961?).
23. *Yetkin S. K., Arıkan S.* Örnekleriyle Türk ve Batı Edebiyatı — III, İst., (1961?).
24. *Zamyatin Ye. Biz,* çev. Füsün Tülek, Ayrıntı Yayınevi. İst., 1988.

[предлагаем вашему вниманию]

Чагина О. В. Поговорим о себе. Пособие по развитию речи для иностранных учащихся / О. В. Чагина. — М.: Русский язык. Курсы, 2008. — 96 с., илл.

Данная работа представляет собой практическое пособие для иностранцев, изучающих русский язык.

В пособии дается учебный материал для развития речи на основе текстов социокультурной тематики (характер, настроение, общение, здоровье, спорт и т. п.). Как показывает практика, эти темы вызывают неизменный интерес у разных категорий учащихся.

Пособие состоит из шести уроков, каждый из которых определяет ведущую грамматическую тему. Грамматический материал пособия подчинен задачам обучения студентов способам выражения различных смысловых отношений (характеристика лица, выражений эмоций, выражение взаимного действия, выражение количественных и качественных изменений, выражение физического состояния лица и др.).

Каждый из уроков решает ряд языковых и речевых задач и раскрывает определенную социокультурную тему.

Пособие предназначено для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения.

КОКЕТТИ С. Поговорим о России. Введение в русскую культуру. — Милан, 2009.

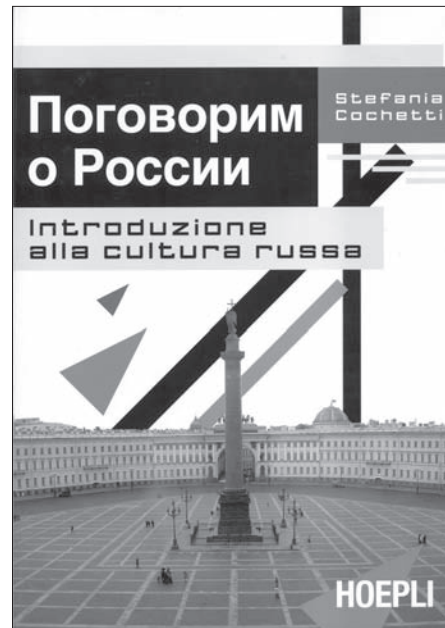
Рецензируемое пособие представляет собой методическую интерпретацию многолетнего опыта преподавания русского языка и русской литературы в лингвистических лицах и университетах Италии. Автор адресует свое произведение учащимся, владеющим русским языком на уровнях А1 и В2 в соответствии с требованиями Общеευропейских компетенций, оговаривая необходимость некоторых дополнительных усилий при использовании данных учебных материалов для студентов более низкого уровня владения языком, т. е. уровня А1.

В Предисловии автор сформулировал цели, которыми он руководствовался при создании пособия:

- рассказать о русской культуре на доступном для обучаемых языке;
- обеспечить методическое управление чтением художественных текстов;
- способствовать формированию лингвистической компетентности учащихся путем устного и письменного воспроизведения прочитанного;
- расширить лексический запас учащихся, а также пополнить их знания в области морфологии и синтаксиса русского языка.

В пособии реализована очень важная идея объединить изучение языка и культуры и объемно представить сведения о России в трех аспектах: **1)** объективные условия существования страны (*О географии России*); **2)** этапы исторического развития российского государства (*Немного истории*); **3)** культурная составляющая представлена текстами классической и современной русской литературы (*Из русской литературы*). Этим обусловлена структура пособия, которое соответственно включает три части.

Учитывая факт активного включения в современные учебные планы такой дисциплины, как «Страноведение России», наличие первого раздела в данном пособии следует признать оправданным и логичным: география, климат, ландшафт влияют на менталитет нации, а от этого, в свою очередь, зависит культура, частью которой явля-

ется язык. Прочитав текст первой части пособия, студенты узнают о территориальных масштабах России, о разнообразии ее природы, о богатстве ее минеральных ресурсов, получают основные сведения об административном устройстве. Эти минимальные общие знания о стране изучаемого языка абсолютно необходимы для каждого.

Текстовое обеспечение второй части пособия демонстрирует успешное решение труднейшей задачи, которая стояла перед автором: обозначив важнейшие этапы исторического развития России, представить их краткими текстами. Таким образом, отфокусировано 12 периодов: 1. Киевская Русь. 2. Монголо-татарское нашествие. 3. Эпоха Ивана Грозного. 4. Смутное время. 5. Россия при Петре I. 6. Эпоха Екатерины II. 7. Россия XIX века. Социальные проблемы и революционное движение. 8. XX век. Революции в России: 8.1. Первая русская революция, 8.2. Ленин. Большевики и меньшевики, 8.3. Октябрьская социалистическая революция, 8.4. Николай II. 9. После Октябрьской революции. 10. Эпоха Сталина. 11. «Оттепель» — «Застой» — «Перестройка»: 11.1. «Оттепель». Эпоха Хрущева, 11.2. «Застой». Эпоха Брежнева, 11.3. «Перестройка». Эпоха Горбачева. 12. От Ельцина до Медведева.

Русская литература, являющаяся предметом изучения в третьей части, представлена знаковыми именами: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, А. А. Ахматовой, В. В. Маяковского, А. П. Чехова, М. А. Булгакова, А. И. Солженицына. В современной литературе отдано предпочтение женской прозе, а именно — творчеству Л. С. Петрушевской и Л. Е. Улицкой. Художественные тексты даются в рамках литературных направлений с краткой их характеристикой. Чтению текстов предшествуют биографические справки об их авторах, отмечается место писателя в истории русской и мировой культуры.

Работа со всеми текстами в пособии обеспечена послетекстовыми заданиями. В конце книги имеются ключи к ним.

Пособие скромно, но со вкусом и информативно иллюстрировано.

С. Кокетти как опытный специалист и творческая личность сумела создать весьма ценный методический продукт, в основе которого лежит обобщение практики преподавания русского языка и русской культуры в итальянской аудитории. Она очень своевременно почувствовала необходимость и актуальность такого пособия, поскольку большинство итальянских преподавателей отмечают недостаток объективной информации о России. Следует отметить, что данное пособие может быть использовано в иностранной аудитории любого национального состава, поскольку автор не прибегает ни к итальянскому, ни к какому-либо другому языку-посреднику при семантизации лексики и комментариях.

Некоторые погрешности, имеющиеся в пособии, компенсируются его несомненной полезностью.

И. А. Гончар

[хроника]

«КОРРЕКТОР-2008»

В Тюмени в рамках фестиваля «Тюменская пресса — 2009» подведены итоги ежегодного конкурса профессионального мастерства корректоров СМИ региона. Награды лучшим корректорам были вручены в Тюменском областном Доме печати, на встрече с ветеранами, многие из которых названы «легендами» журналистики.

Конкурс проводится начиная с 2006 года. Организаторами его традиционно выступают кафедра русского языка Тюменского государственного университета, Союз журналистов Тюменской области, Тюменский областной Дом журналистов при поддержке Департамента информационной политики администрации Тюменской области.

Заочный тур конкурса, как всегда, прошел в начале осени. Но если раньше его участники высылали в адрес экспертного совета, в составе которого — преподаватели кафедры русского языка ТюмГУ, по три специально отобранных ими (и, конечно же, лучших!) номера газеты (таким образом эксперты получали экземпляры практически всех районных и городских газет, выходящих на юге Тюменской области, — а их более двадцати), то осенью 2008 года выборка номеров из газет, присланных в адрес департамента, оказалась случайной и потому максимально репрезентативной.

С результатами экспертизы районных и городских корректоры знакомятся во время мастер-классов преподавателей кафедры, как правило, в ноябре, когда в Тюменском областном Доме журналистов проводятся курсы повышения квалификации корректоров, и ежегодно более двадцати слушателей съезжаются из ближних и дальних сёл и городов — районных центров юга Тюменской области. Главные редакторы «районков» находят деньги для того, чтобы командировать тех, кто стоит на страже государственного языка, в Тюмень, и тоже получают экземпляры экспертиз... Сначала главные редакторы знали «своего» эксперта (который отслеживает качество русского языка в газете на протяжении всех лет проведения конкурса) лишь заочно, а в декабре 2008 года впервые прошел круглый стол «Культура речи в районной газете», на котором состоялся диалог редакторов с преподавателями

университетской кафедры. И, надо отдать должное, при действительной заинтересованности главного редактора в качестве русского языка на страницах его газеты результаты совместной работы ученых и газетчиков очевидны. Случайно или нет, но если в первые год-два представленные на конкурс газетные номера были буквально красными от подчеркнутых речевых, пунктуационных и грамматических ошибок, то в этом году ситуация качественно изменилась — в лучшую сторону.

Очный тур конкурса проходит в виде письменного экзамена. Конечно, вряд ли кто любит сдавать экзамены. Но если студенты и школьники к ним привыкли, то взрослым нужны немалое мужество и особенно — психологический настрой. Приятно, что милые дамы (корректор — профессия женская) преодолели страхи и сомнения. В результате — каждая достигла своей высоты, и для каждой это была её личная (да и «корпоративная» — ведь «за спиной» — родная редакция!) победа.

Справившись в течение полутора часов с тестовыми заданиями, корректорской правкой текста, «добротно» испорченного организаторами, и функционально-стилевым анализом предложенного оригинала, участники превратились в слушателей курсов повышения квалификации, которые провели с ними члены экспертного совета. Провели в том числе и «по горячим следам», комментируя грамматические, пунктуационные и речевые ошибки, допущенные в присланных на конкурс газетах. Орфографических ошибок почти не было — все-таки «умный» компьютер помогает их избежать.

Организаторы конкурса хотят поднять престиж профессии, и, собрав корректоров в Тюмени, предоставить им возможность поговорить о наболевшем, обсудить спорные вопросы, договориться, например, о единообразии в написании официальных названий. «Больные» темы современной газетной речи — влияние, с одной стороны, «казенной» речи чиновников, с другой — устной разговорной речи, просторечия и диалектов, «в окружении» которых часто живут журналисты районных СМИ. И газета активно

тиражирует эти нарушения нормы, напрямую воздействуя на формирование речевой культуры нашего времени и «языкового вкуса» тех молодых людей, которые газеты все-таки читают.

Проведенный впервые в 2005 году семинар показал, что корректоры нуждаются в подобных встречах. Конкурсные же материалы не только полезны для практики, но и востребованы наукой. Они помогают ученым ТюмГУ проводить комплексный анализ состояния русской письменной речи на страницах СМИ региона — такая одна из задач конкурса. Цель же его актуальна во все времена. Прочитав её из первого «Положения о проведении открытого конкурса „Корректор–2006“»: «Воспитание у граждан Российской Федерации (сотрудников редакций и читателей) уважения к государственному языку, сохранение его традиций, обеспечивающих эффективную коммуникацию представителей разных уровней населения и власти».

Поздравляя победителей и всех участников конкурса, его организаторы прежде всего благодарят их за каждодневный, как говорится, «скромный», но по сути — великий труд! За их гражданскую позицию в отстаивании интересов русского языка — государственного языка нашей страны.

*Ольга Трофимова,
д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка
ка ТюмГУ, член Союза журналистов России*

ОРЕНБУРЖЬЕ

Оренбургская область была образована 7 декабря 1934 года, в этом году ей исполняется 75 лет. Область занимает выгодное географическое положение: она соединяет центральные районы страны железнодорожными путями и автотрассами со Средней Азией, Сибирью, Уралом, Нижним Поволжьем и Западным Казахстаном.

В настоящее время Оренбургская область составляет только часть территории бывшей Оренбургской губернии.

Оренбург был основан в 1743 году по указу царицы Анны Иоанновны, весной 1744 года он стал центром вновь созданной Оренбургской губернии, которая занимала всю Башкирию, Оренбургскую и Челябинскую области, часть Екатеринбургской, Пермской и Самарской областей, почти всю Татарию и значительную часть Казахстана (до Каспийского и Аральского морей).

До императрицы Анны Иоанновны дошли слухи о богатствах Южного Урала. Решив продолжить политику российских царей по освоению сибирских земель, в 1734 году она повелевает основать в устье реки Орь, впадающей в реку Яик (Урал), новый город и назвать его Оренбургом. В 1735 году туда отправляется экспедиция под началом обер-секретаря сената И. Кириллова. Заложив новую крепость, Кириллов решил, что место для неё выбрано крайне неудачно (из этой крепости позже вырос город Орск), поэтому в 1740 году город перенесли на новое место к Красной горе, ниже по течению Яика. Но и новое место, выбранное для Оренбурга, оказалось неудобным. Уже при закладке крепости заметили, что Красная гора бедная строительным материалом. В 1742 году Оренбург был заложен в третий раз. Город, спешно выстроенный на Красной горе, продолжал существовать под названием Красногорской крепости, а затем станицы Красногорской.

Для подготовки материалов использованы данные книг:

- Географический атлас
Оренбургской области.
М., 1999.
- Злобин Ю. П., Поляков А. Н.,
Футорянский Л. И. и др.
История Оренбургская: В 2
ч. Оренбург, 2008.
- История родного края.
Челябинск, 1988.
- Орденосное Оренбуржье.
Челябинск, 1968.
- Орск. Фотоальбом. М., 1995.
- Футорянский Л. И. История
Оренбуржья.
- Чибилёв А. А. Природное
наследие Оренбургской
области. Оренбург, 1996.

Место, именуемое Бердск, куда в третий раз перенесли город, оказалось самым подходящим для строительства. «Из всех по Яику мест лучшее тут хлебопашество устроено и пахотной земли, сенных покосов, рыбных озёр, одним словом всего того при великом городе и довольству и жительству людскому на всегдашнее время нужно», — так новый начальник комиссии, контр-адмирал и тайный советник И. Неплюев, прибывший весной 1742 года на место службы, оценил выбранное новое место для города. Действительно, по реке Сакмаре сюда было удобно доставлять камень и лес из Башкирии, а российские купцы легко добирались из Бердска до азиатских кочевий.

Оренбург строился как город-крепость, как опорный пункт линий крепостей по рекам Яику, Самаре и Сакмаре, охранявших юго-восточную границу России. К осени 1743 года крепость уже стояла. Она была обнесена высоким земляным валом, длиной свыше 5 вёрст и высотой до 3,5 метра, с 9 бастионами и 2 полубастионами; её опоясывал глубокий ров до 10 метров шириной и защищал обрывистый берег Яика. Рядом с городом, с восточной стороны крепостного вала, возник Форштадт, пригород, где поселились переведённые в Оренбург украинские и сакмарские казаки.

В 1744 году Оренбург становится центром губернии, границы которой простирались от Волги до Яика и Тобола, от Каспийского моря до Пермской губернии. Рос город, росло и его значение. Оренбург строили как центр хозяйственно-экономического общения со степными народами. Это в первую очередь предполагало торговлю. Поэтому жизнь города носила и военный и тор-

Современный герб Оренбурга состоит из двух полей золотого цвета, разделенных сине-голубой волнистой полосой, символизирующей реку Урал как границу между Европой и Азией. На верхнем большом поле находится изображение двуглавого орла, выходящего из вод реки Урал. Над орлом — три исторические короны Петра Великого (над головами орлов две малые и в центре вверху — одна большая). На груди орла расположен красный щит с изображением Георгия Победоносца на коне, поражающего копьём дракона. На нижнем поле герба города в центре расположен диагонально синий крест Андрея Первозванного, пожалованный Оренбургу за верность государству.

говый характер. Тут были и казармы, и артиллерийский двор, и пороховые погреба, и военные учреждения, а рядом торговые дворы и таможня. С 1748 года город стал военным и административным центром Оренбургского казачьего войска.

В середине XVIII века Оренбург делается «главным городом» на границе Европы и Азии, центром торговых связей, а главными торговыми базами становятся Гостиный и Меновой дворы. Меновой двор находился через реку от города. За его высокими стенами расположились 344 лавки, амбары, церковь, мечеть, здание для ночлега. Во двор вели двое ворот. Европейские

Гауптвахта на берегу Урала

В. А. Перовский

Краеведческий музей

Оренбуржье в датах

были обращены к Оренбургу, азиатские глядели в пустынную казахскую степь. Торги на Меновом дворе продолжались с начала мая до глубокой осени. Торговое значение двора было огромным. Большие караваны верблюдов и лошадей стекались сюда из Бухары, Хивы, Коканда, Ташкента, многих других городов и областей. Двор выглядел типичным восточным базаром, где торг шёл и в розницу, и оптом, когда скот покупали гуртовщики. Они занимались транспортировкой скота и продуктов животноводства на рынки других областей России. Кроме скота, на Меновой двор привозили кожи, шерсть, хлопок, разные восточные товары. Обороты его достигали нескольких миллионов рублей. Набрав здесь тканей, чая, сахара, халатов, сапожного товара, торговцы направлялись в кочевья и стойбища степняков для меновой торговли.

Оренбург считался по классификации того времени стратегической крепостью второго класса. В октябре 1773 года его осадила армия Емельяна Пугачёва, которого привлёк готовый укрепленный бастион, лучший по всему Яику, вдобавок хорошо обеспеченный продовольствием, фуражом и оружием. На всём пути следования отрядов Пугачёва к Оренбургу им одна за другой сдавались более мелкие крепости. В ряды пугачёвского войска вливалось всё больше людей. Казаки, башкиры, татары, калмыки, работные люди уральских заводов, крепостные крестьяне толпами стекались к Пугачёву. Осадив город, Пугачёв разместил ставку в Бердской слободе. Отсюда он посылал многочисленные воззвания к народу, обещая свободу, льготы, чины и награды. Целых шесть месяцев длилась осада Оренбурга, но взять город мятежники так и не смогли. Вскоре восстание было жестоко подавлено. Реку Яик по указу императрицы Екатерины Великой переименовали в Урал, чтобы ничто не напоминало о пугачёвском бунте.

Как и многие сибирские города, Оренбург был местом ссылки неблагонадёжных подданных. После восстания декабристов сюда сослали солдат расформированного Семёновского полка. Десять лет находился в ссылке в Оренбургском крае украинский поэт Тарас Шевченко. О его пре-

- VII в. до н. э. — IV в. н. э. — сарматы в Приуральских степях. 1586 год — появление казаков на Яике, основание казачьего городка Кош-Яик.
- 1743 год, 19 апреля. Оренбург заложен на месте, где он находится теперь.
- 1744 год, 15 марта. Учреждена Оренбургская губерния.
- 1773 год, 17 сентября — 1774 год, 2 апреля — первый (оренбургский) этап крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева.
- 1773 год, 2 октября. Казаки Самарского городка с почетом встретили отряд во главе с Е. Пугачевым.
- 1773 год, 5 октября. Повстанческая армия Пугачева заняла Форштадт и начала осаду Оренбурга.
- 1774 год, 23 марта. Пугачев снял осаду Оренбурга.
- 1774 год, 13 января — победа Пугачева над правительственными войсками под Оренбургом.
- 1774 год, 22 марта — поражение Пугачева под Татищевой крепостью.
- 1775 год, 15 января. Указ о переименовании реки Яик в реку Урал и Яицкого городка в город Уральск, чтобы вытравить из сознания народа память о крестьянском восстании под руководством Пугачева.
- 1833 год, 18–20 сентября. Оренбург посетил А. С. Пушкин, приехавший собирать материалы об истории крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева.
- 1838 год, 1 января. Вышел первый номер официальной газеты «Оренбургские губернские ведомости».
- 1839–1840 гг. — зимний поход В. А. Перовского в Хиву.
- 1854 год. Открыта библиотека с материалами по изучению Оренбургского края.
- 1856 год. Основан Оренбургский драматический театр.
- 1930 год. В Оренбурге открыты педагогический и сельскохозяйственный институты.
- 1937 год. Бугурусланское месторождение Оренбургской области дало первую промышленную нефть.
- 1938 год, ноябрь. Орская ТЭЦ дала первый ток.
- 1941 год, июнь — 1942 год. Эвакуация в Оренбуржье более 90 предприятий.
- 1944 год. Образование Чкаловского медицинского института.
- 1949 год. В селе Берды открыт памятник А. С. Пушкину.

бывании в городе рассказывает Мемориальный музей-гауптвахта Тараса Шевченко. В Оренбурге служил и поэт А. Плещеев, сосланный за принадлежность к кружку М. Петрашевского. Здесь же под надзором полиции три года жил композитор А. Алябьев.

В начале XIX века Оренбург оставался военно-чиновничьим и торговым городом. Он не отличался благоустроенностью. Летом над ним носились тучи пыли, зимой его заносило снегом. Лишь одна улица, по которой шли торговые караваны, была вымощена булыжником. Дома стояли тесно, скученно; в некоторых частях города накопилось много обветшалых строений. Таким застал город новый военный губернатор В. Перовский, многое сделавший для благоустройства города и края.

С Оренбургом связаны громкие имена России: Н. М. Карамзин, Г. Р. Державин, И. А. Крылов, П. П. Свиньин, А. С. Пушкин, В. И. Даль, В. А. Жуковский, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко. А. С. Пушкин посетил наш город в 1833 году. Результатом его поездки явились произведения, известные каждому, — «Капитанская дочка» и «История Пугачевского бунта» (съемки фильма на эту тему — «Русский бунт» — проходили в Оренбургской области). Создатели Козьмы Пруткова братья Жемчужниковы были чиновниками при губернаторе В. А. Перовском.

Со временем российские владения в Средней Азии расширялись. Оренбургская крепость постепенно теряла своё стратегическое значение. В 1862 году её упразднили окончательно.

Промышленность в Оренбурге начала развиваться со второй половины XIX века. Основу её составили мукомольные, кожевенные, обувные, шорные и другие предприятия. В 1877 году открылось движение поездов на линии Самара—Оренбург, а в 1905 году — Оренбург—Ташкент. С этих пор торгово-промышленное развитие города пошло ускоренными темпами. Депо, главные железнодорожные мастерские, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, бойни, кожевенно-овчинные, гончарные и кирпичные заводы, салотопни, мельницы, металлообрабатывающие мастерские (всего 109

предприятий) превратили город в крупный промышленный и торговый центр.

К началу XX века в Оренбурге проживало свыше 70 тысяч человек. В городе действовали мужская и женская гимназии, два кадетских корпуса, Николаевский женский и учительский институты, духовная семинария, военнопольдшерская школа, арсенал, пять банков, театр, отделы Русского географического общества и Российского общества садоводства.

На рынках России и за границей славилась оренбургская пшеница, отличавшаяся высоким содержанием белка. На всемирной Лондонской выставке она удостоилась медали. Мировой известностью пользовались мастерские по производству оренбургских пуховых шалей и ажурных платков «паутинка»: оренбургский платок размером 2 на 2 метра весил всего 70 граммов и легко проходил сквозь обручальное кольцо. Этот ручной промысел был известен в Оренбурге с XVIII века, его основателями считаются супруги Рыковы, которые в 1770 году за представленную пряжу из пуха местных коз были награждены золотой медалью Всероссийского вольного экономического общества.

Современная история Оренбурга также интересна. Благодаря самому большому количеству солнечных дней в году сюда в 1920-х годах было переведено из Серпухова (Подмосковье) высшее летное училище, которое закончил известный летчик Валерий Чкалов. А в 1938 году, после его гибели, Оренбург переименовали в город Чкалов. Летчик достоин памяти, но к городу он не имел отношения, и через 19 лет, в 1957 году, городу вернули прежнее имя. Это же училище закончил и Юрий Гагарин. К сожалению, вследствие сегодняшней реформы образования это учебное заведение перестало существовать.

Открытие газового месторождения явилось вторым рождением Оренбурга, которое пришлось на 70-е годы XX века. Оренбург до открытия газового месторождения в основном состоял из домов, построенных в дореволюционное время, и одноэтажных, относящихся к частному сектору. Благодаря развитию газового комплекса Оренбург превратился в современный многоэ-

тажный благоустроенный город. Добыча природного газа ведется на крупнейшем в Европе Оренбургском газоконденсатном месторождении. Природный газ Оренбуржья поступает во многие регионы страны и стран Европы.

Природные достопримечательности Оренбуржья

Мертвое море в степи. Около города Соль-Илецка весной 1906 года небольшая речка Песчанка разлилась на несколько километров. Вода затопила места старых открытых разработок соли. Впоследствии здесь образовались соленые озера. Одно из озер — Тузлучное — является источником донной лечебной грязи. Летом температура грязи на дне достигает 60 градусов выше нуля. Иловая грязь, содержащая бром, обладает целебными свойствами. С их помощью излечивают заболевания костей, сухожилий, нервной системы, ревматизм и многие другие заболевания.

Соседнее соленое озеро — Развал — в противоположность первому, летом в жаркую погоду, начиная с глубины четырех метров, сохраняет отрицательную температуру (до минус пяти градусов). Если в это озеро на глубину 10 метров погрузить закупоренную бутылку с пресной водой и вынуть ее через 10–15 минут, то в бутылке окажется лед, хотя верхний слой озерной воды остается теплым.

Вода озера имеет желтоватый цвет, на вкус она горько-соленая. Насыщенность воды озера солью не уступает Мертвому морю — ни одно живое существо не может в ней жить. Плотность воды озера больше плотности человеческого тела.

Можно сколько угодно времени лежать на водной поверхности, держать в одной руке книгу или газету, а в другой зонтик от солнца, зная, что внизу находится водная толща в 20 метров.

Бор в степи. Среди широких степей зеленым оазисом раскинулся Бузулукский бор.

Бузулукский бор возник на песчаных дюнах в бассейне реки Боровки в послеледниковое время. Около шести-семи тысяч лет назад здесь появились сначала островные сосновые и березовые леса. Впоследствии возник сплошной сосновый лесной массив с подлеском лиственных растений. Можно считать, что чистый сосновый бор сформировался около трех-четырёх тысяч лет до наших дней. В то время климат был более влажным. В бору существовало большое количество глубоких озер, топких трясин и опасных зыбучих «окон». Об этом свидетельствуют сохранившиеся карты бора XIX века, где нанесено множество водоемов. Позднее — во второй половине XIX века и в начале текущего века — в связи с хищническими порубками, лесными пожарами, рядом засушливых лет и другими причинами произошло массовое пересыхание водоемов, что привело к некоторым изменениям природных условий бора.

Бузулукский бор лежит на границе двух климатических зон: лесостепной и степной. В бору насчитывается до 20 разных типов леса. Бор отличается контрастами растительного и животного мира. Тайга, тундра и степь здесь как бы слились в одно целое.

Орская яшма. Самым знаменитым месторождением поделочных яшм на Южном Урале является Орское, или месторождение горы

Караван-Сарай

Оренбургский драматический театр им. М. Горького

Библиотека ОГУ

Полковник. Оно разрабатывается уже около 250 лет. Месторождение расположено на левобережье реки Орь в нескольких километрах юго-восточнее Орска. Гора Полковник представляет собой глыбово-грядовые выходы яшм на склоне и вершине пологого увала, возвышающегося над рекой Орь на 25–30 м. Специалисты утверждают, что удивительный камень имеет до 360 разнообразных цветов, тонов и оттенков.

Изделия из яшмы орских месторождений широко известны, их можно увидеть во всех крупнейших музеях: Эрмитаже, Русском музее, Геологическом музее Горного института в Екатеринбурге и во многих других городах. Благородный камень был использован в ленинском мавзолее — им отделан саркофаг. Яшма украшает станции Московского метро, в частности «Маяковскую».

Оренбургский пуховый платок

Пуховые изделия оренбургских мастериц давно получили широкую известность не только в России, но и далеко за ее пределами. Оренбургские пуховые платки не имеют равных себе по тонкости работы, оригинальности узора, красоте отделки, эластичности, прочности и способности сохранять тепло. Особым изяществом отличаются ажурные платки, так называемые «паутинки». Несмотря на большой размер — 210 х 210 сантиметров, «паутинку» легко можно уложить в скорлупу гусиного яйца или пропустить через обручальное кольцо.

Пуховязальный промысел в России возник очень давно: примерно двести лет назад. Появившись первоначально в Оренбургском крае, он затем получил распространение в Пензенской губернии.

Можно с полным основанием считать временем зарождения в Оренбуржье пуховязального промысла вторую половину XVIII века. Первый, кто обратил внимание на особую ценность козьего пуха и на необходимость разведения специальной породы пухоносных коз, был Петр Иванович Рычков (1712–1777) — первый член-корреспондент Академии наук, историк Оренбургского края. Свои наблюдения и резуль-

таты проделанного им опыта по очистке и обработке пуха он опубликовал в 1765 году в «Трудах Вольного Экономического общества».

К середине прошлого века оренбургские платки приобрели мировую славу. Лучшие из них неоднократно экспонировались на всероссийских и международных выставках.

Работа пуховязальщиц очень трудоемка и кропотлива. Чтобы изготовить платок ручным способом, необходимо проделать ряд последовательных операций: очистить пух от волос, три раза прочесать его на гребнях, выпрясть на веретене нитку, стростить пуховую нитку с ниткой натурального шелка для ажурного платка, смотать в клубки, связать и, наконец, очистить готовый платок. Подсчитано, что на вязку одного теплого платка вязальщица в среднем затрачивала около 257 часов, а на изготовление ажурного — «паутинки» — 195 часов.

Талантливые оренбургские вязальщицы, как правило, сами были авторами рисунков, которыми украшается платок. Иногда они копировали для этой цели морозные узоры окон. Эта оригинальность рисунка составляет отличительную черту самобытности оренбургского пуховязального мастерства. Узоры весьма разнообразны и, как правило, носят народные названия: «кошачьи лапки», «паутинка», «елочка», «шашечки», «цепочки», «тройная ягодка», «круглая малинка», «пшеника», «змейка», «змейка с отростками» и другие.

В 1960 году в Оренбурге образован комбинат оренбургских пуховых платков, который с 1993 года носит название ОАО «Ореншаль». Налажен выпуск свыше шестидесяти наименований пуховых изделий. В оренбургском художественном училище есть специальное отделение, где учат пуховязальному мастерству.

ОРЕНБУРГ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX ВВ.

T. A. YUDINA

ORENBURG IN RUSSIAN LITERATURE OF XIXTH – XXTH CENTURIES

В статье представлен круг писателей, показавших в своем творчестве Оренбург. Исследуя художественные произведения XIX–XX вв., автор составляет лексический портрет Оренбурга.

Ключевые слова: Оренбург, лексический портрет города, художественная литература.

In the article it is presented the circle of writers who showed a city Orenburg in their creative work. Investigating the artistic works of XIXth — XXth centuries, an author makes the lexical portrait of Orenburg.

Keywords: Orenburg, lexical portrait of the city, fiction.

Татьяна Анатольевна Юдина

Ассистент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета
► tan_tom56@mail.ru

«Оренбург — губернский город Оренбургской губернии, от Москвы на правом возвышенном берегу р. Урала. Первоначально, в 1735 г., Оренбург был основан на устье р. Ори, при впадении ее в р. Урал...» — эти и многие другие исторические моменты образования и развития города мы узнаем из Энциклопедического словаря Ф. Брокгауза и И. Ефрона (1897). Так представлен Оренбург в справочной литературе.

Но богатая событиями история Оренбургского края издавна привлекала внимание ученых, художников и особенно писателей, благодаря которым Оренбург находит свое отражение в художественной литературе. Так, в Оренбурге прошли детские годы Г. Р. Державина и «подлинного певца оренбургских степей» С. Т. Аксакова. В творчестве Г. Р. Державина оренбургские впечатления нашли свое отражение в «восточном колорите» оды «Фелица», в которой дан «идеализированный образ восточной царевны, наделенной добродетелями, обязательными с точки зрения поэта для всякого монарха» [3: 16]. В «Фелице», и в некоторых других произведениях автора можно найти отголоски его связи с Оренбургским краем, наблюдения за его населением и природой. Так, в оде «Благодарность Фелице» Г. Р. Державин вспоминает степи, которые «как моря, струятся, седым волнуясь ковылем», и безоблачное небо, которое «янтарным пламенем блестит». Первое упоминание о Рифейских горах находим в сти-

хотворении «Памятник»: «Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных, / Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал».

С. Т. Аксаков, в отличие от других писателей, был в Оренбургском крае постоянным жителем, детские и отроческие годы провел в дедовском имении Ново-Аксаково (ныне Бугурусланский район Оренбургской области), которое в произведениях автора названо Багрово. Свои впечатления о крае отразил в произведениях: «Детские годы Багрова-внука», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Семейная хроника», «Послание к М. А. Дмитриеву», «Послание к брату (Об охоте)», «Вот родина моя...» и др. Работая над «Записками об уженье рыбы», Аксаков в письме к Гоголю отмечает, что в этом произведении «займет свою часть чудесная природа Оренбургского края» [2: 310]. Как истинный певец степи, автор очень часто обращается к ее описанию. С удивительной точностью Аксаков передает особенности каждого времени года. Изображая осеннюю степь, писатель говорит, что *«степь не была уже так хороша и свежа, как бывает весною и в самом начале лета...: по долочкам трава была скошена и сметана в стога, а по другим местам она выгорела от летнего солнца, засохла и пожелтела, и уже сизый ковыль, еще не совсем распустившийся, еще не побелевший, расстилался, как волны, по необозримой равнине; степь была тиха, и ни один птичий голос не оживлял этой тишины»* («Детские годы Багрова-внука»). Или: *«Трава поблекла, потемнела и прилегла к земле; голые крутые взлобки гор стали еще круче и голее, сурчины как-то выше и краснее, потому что листья чилизника и бобовника завяли, облетели и не скрывали от глаз их глинистых бугров»* (Там же). В повести находим описание и поздней осени: *«Тянулась глубокая осень, уже не сырая и дождливая, а сухая, ветреная и морозная. Морозы без снегу доходили до двадцати градусов, грязь превратилась в камень, по прудам ездили на лошадях»* (Там же).

Наиболее плодотворные годы своей жизни провел в Оренбурге В. И. Даль. Во многих повестях, созданных автором в Оренбургском крае, находим факты из истории Оренбурга, сведения о быте и нравах уральских казаков. Так, в повести

«Серенькая» в главе «Домик на водяной улице» В. И. Даль вспоминает начало Оренбурга, не называя его прямо: *«в опрятном, новом городке Елизаветинских времен, перенесенном трижды с места на место»* (слова «перенесенном трижды с места на место» явно указывают на то, что речь идет об Оренбурге, так как известно, что город три раза менял свое местоположение), *«закладка города началась глубоким окопом его, для защиты от внезапных набегов»* (изначально город представлял собой крепость, обнесенную высоким забором и глубоким рвом по периметру), *«с каждого перекрестка во все четыре стороны виден крепостной вал»* (все улицы города были расположены под прямым углом). В очерке «Уральский казак» автором описаны быт и традиции уральских казаков, их служба, близость к восстанию: *«войско, вытянутое станицами своими лентой по течению реки Урала, верст на 800, ожило после кратковременного отдыха; по городкам, форпостам и крепостям стали бегать и суетиться, словно земля под народом накалилась и не дает никому ни спать, ни есть»*.

В 1833 году приезжал в Оренбург А. С. Пушкин, чтобы познакомиться с местами, где была крестьянская война под предводительством Е. Пугачева. В «Капитанской дочке» находим описание бурана в оренбургской степи: *«Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, — закричал ямищик, — беда: буран!» выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали»*.

Посетил Оренбургский край и А. К. Толстой. Впечатления от поездки нашли отражение в очерке «Два дня в киргизской степи». Так описана степь (*«езда в Оренбургской губернии неизмеримо быстра, степные дороги гладки, как паркет»*), которая очень часто сравнивается с морем: *«степь*

рисовалась перед нами во всем своем необъятном величии, подобная слегка взволнованному морю», «степь, похожая на открытое море». Описание оренбургской степи очень образно и красочно: «тысячи разноцветных оттенков бороздили ее в разных направлениях», «опять имел случай любоваться чудесным освещением и бесчисленными оттенками степи».

Оренбургский край привлек внимание великого русского писателя Л. Н. Толстого, который в 1876 году посетил его. Оренбургские впечатления нашли свое отражение в повести «За что?» и в рассказах «Ильяс» и «Много ли человеку земли надо». В последнем произведении автор отмечает особенность оренбургской степи — необъятность — «земля вся ковыльная, ровная как ладонь, черная как мак, а где лощинка — так разнотравье, трава по груди». Необъятность и красота степи подчеркивается Л. Н. Толстым и в письмах друзьям.

Поездки в Оренбургский край, связанные с интересом к пугачевскому восстанию и личности Пугачева, совершал и В. Короленко. Результатом пребывания на Урале стали его произведения «У казаков» и «Пугачевская легенда на Урале». В этих очерках дана характеристика уральских казаков: «казаки, — „головка“ русского народа» («У казаков»), «наш народ — что ковыль в степи. Иной раз, в засушливое лето, вся трава посохнет, а он зеленый... отчего? Корень глубоко пускает» (Там же). В очерках «У казаков» показаны степные просторы Оренбургской губернии, степь автор представляет как неподвижное, ленивое существо: «степь дремлет в своей неподвижности», «все та же степь, недвижимая, ленивая и дремотная», «враждебная степь».

Оренбург, как и любой другой город, имеет ряд особенностей, многие из которых нашли отражение в оренбургских произведениях писателей. В художественных текстах мы встречаем различные упоминания об Оренбурге, которые выражаются в описании города, степной природы, исторических событий и памятных мест. Сам топоним Оренбург употребляется в произведениях довольно редко. Зачастую мы определяем, что речь идет об Оренбурге, по каким-либо дета-

лям. В художественных произведениях писателей и поэтов мы находим описания различных городских локаций, явно указывающих на то, что речь идет об Оренбурге.

В описании Оренбурга особо отмечены Гостиный и Меновой дворы, игравшие в XIX веке важную роль в жизни города, так как «главный промысел в Оренбурге есть торговля с киргизцами и бухарцами и с крепостями линии, которые товары покупают в Оренбурге» [4: 242]. Гостиный двор представляет собой архитектурный комплекс, занимающий целый квартал, и по своей планировке, как отмечают исследователи, напоминает Гостиный двор Санкт-Петербурга. Свое отражение оренбургский **Гостиный двор** находит и в художественной литературе XIX–XX вв.: «В Оренбурге есть и гостиный двор, но это огромное здание более походит на арестантский двор или на монастырь; лавки все обращены внутрь, а снаружи видны одни только стены; все глухо, пусто, мертво, и покупщики неохотно туда заходят» (В. Даль «Бикей и Мауляна»); «Гостиный двор — громадный четырехугольник, огражденный со всех сторон высокими зданиями с толстыми кирпичными стенами. Внутри двора, вдоль стен — лавки, что ни лавка, то каменный каземат со сводчатым потолком и кованой дверью. Иноземные купцы могут быть спокойны за свои товары. В Гостином дворе многолюдно и шумно» (В. Пистоленко «Сказание о сотнике Тимофее Подурове»); «Гостиный двор снаружи похож на городскую тюрьму, нежели на торговое место, ибо открытая сторона лавок находится внутри двора, так что с улиц гостиный двор представляет одни только голые стены» (П. П. Свиньин «Картина Оренбурга и его окрестностей»).

Оренбург был крупным центром внешней среднеазиатской торговли, а его Меновой двор в степи — международной ярмаркой Востока. Поэтому и **описания Менового двора** достаточно часто встречаются в оренбургских произведениях авторов: «Посреди прекрасной, необозримой равнины, составляющей часть зауральских окрестностей Оренбурга, представляется взору огромное каменное здание, или, лучше сказать, совокупление зданий, имеющее фигуру продолговатого

четырёхугольника, коего углы связаны между собой бастионами. Это *Оренбургский меновой двор*. Четыре огромные наружные корпуса, ограждающие оный, заключают в себя 152 лавки, 104 комнаты с кухнями, для жительства русских и азиатских купцов. *Двое ворот ведут во внутренность менового двора: Российские, обращенные к стороне города, и Киргизские, от коих начинается путь в Хиву и Бухарию, к степи* (А. Крюков «Оренбургский меновой двор»); «В пяти верстах от города за Уралом близ полотна Ташкентской железной дороги расположился *Меновой двор*; больше двухсот деревянных теремов-лавчонок, обнесенных высокими каменными стенами в виде крепости с бастионами. Когда-то окраина города и торговля страдали от разбойных набегов азиатов» (В. Правдухин «По излучинам Урала»); «Вот ясно обрисовалось вдали *четырёхугольное здание менового двора*: оно казалось мне тогда чем-то таким таинственным и недостижимым, как замок какого-нибудь волшебника» (О. Крюкова «Старина»); «Правее Сулака темнеют *стены Менового двора*. *Меновой* — каменная крепость. Построили ее, чтоб усилить торговлю с Азией. И шла торговля. Из далекой Индии купцы доставляли товары» (В. Пистоленко «Сказание о сотнике Тимофее Подурове»).

В художественной литературе портрет Оренбурга складывается из изображения отдельных его районов, например, **описание известного в Оренбурге района — Форштадта**: «С другой стороны ... темнели *добротные крыши Форштадта*. Там обитали потомки *славного яицкого воинства, трудовые казаки*, хвастали своими дедами и прадедами, пасли гусей и откармливали чушек» (С. Антонов «Царский двугривенный»); «К востоку и западу от города, то есть вниз и вверх по течению Урала, простираются *два большие предместья, из коих восточное называется Голубиною слободкою, а западное (населенное казаками) Форштадтом*. Оба они, имея вид сел, величиною почти равняются городу и, в отношении к плану, могут быть названы крыльями *укрепленного Оренбурга*» (П. П. Свинын «Картина Оренбурга и его окрестностей»); «Что же касается оренбургских предместий, то

Форштадт получил начало свое вместе с основанием города, а Голубиная слободка построена гораздо после и распространилась уже в последних годах» (П. П. Свинын «Картина Оренбурга и его окрестностей»).

Большинство жителей и гостей Оренбурга как одно из известных мест в городе называют **Зауральную рощу и бульвар**. Еще в прошлом веке изнуренные зноем и пылью жители стремились к реке, в Зауральную рощу, которая в начале XIX века еще не была благоустроена. Военный губернатор граф Эссен (1817–1830) приказал реконструировать Зауральную рощу — «проложить аллеи, произвести подсадки деревьев, выбрать и „облагородить“ места под общественные пляжи» [1: 22]. Благодаря Эссену Зауральная роща становится любимым местом отдыха оренбуржцев. Краеведы отмечают следующее: «В выходные и праздничные дни здесь звучала музыка военных оркестров; каждое лето „европейский“ берег узеньким свайным мостом соединялся с „азиатским“; рядом с мостом была устроена купальня, здесь же выдавались прогулочные лодки; от широкой аллеи, ведущей к Большой поляне, была проложена целая сеть более мелких. <...> Крутой, обрывистый берег тоже подвергся реконструкции — по нему к Уралу был сделан крутой спуск-лестница» [1].

Любимое место оренбуржцев не оставили без внимания и русские писатели, отразившие в своих произведениях бульвар. П. П. Свинын в «Картине Оренбурга и его окрестностей» говорит о бульваре, что он «едва ли не возвышеннее всех бульваров в Европе»: «*перед губернаторским домом, на набережной Урала, устраивается бульвар, который, судя по высоте берега, едва ли не возвышеннее всех бульваров в Европе*». В романе «Страна отцов» Сергея Гусева-Оренбургского встречаем описание вечернего бульвара: «*вдоль откоса тянется „сквер“, или „бульвар“, где по вечерам играет военный оркестр на утеху избранной публике, чинно дефилирующей по главной аллее, и где есть аллея „тайных вздохов“, по которой считается неприличным гулять*». В романе Валериана Правдухина «По излучинам Урала» бульвар «Беловка» показан так: «*За воро-*

тами на бульваре „Беловка“ среди аллей чахлой акации высокая под темный мрамор, похожая на Александрийский столп, колонна с золотым шаром на вершине. На ней рельефными буквами граждане города запечатлели свою благодарность Александру Первому за свободу... от воинского постоя».

Достаточно часто встречаются в оренбургских произведениях **описания соборов и церквей Оренбурга**: «Более нежели за двадцать верст начинали уже блистать в отдалении на утреннем солнце светлые кресты оренбургских соборов» (О. Крюкова «Старина»). Большое внимание в художественных произведениях уделяется описанию Преображенской церкви, основанной в 1750 году и расположенной на высоком берегу Урала, позади гауптвахты. В народе этот храм был прозван «золотым»: «Последние лучи заходящего солнца, быстро пробежав по куполу *прибрежно-го Золотого Собора*, мгновенно умерли в неизмеримом пространстве воздуха» (П. Кудряшев «Сокрушитель Пугачева Илецкий казак Иван»), «на высшей точке его [центра], у края откоса над рекой, ширится площадь, среди которой возвышается *двухсотлетний „золотой“ собор*, окруженный лучшими зданиями города: губернаторским дворцом, казенной палатой, мрачным казначейством, семинарией, тюрьмой и гауптвахтой» (С. Гусев-Оренбургский «Страна отцов»). Не остался без внимания и Казанский кафедральный собор, освященный в 1895 году, уникальный по своей красоте, придававший городу неповторимый облик: «*Грузный каменный Казанский кафедральный собор, местный Исаакий, тяжело и крепко уселся в центре города*» (В. Правдухин «По излучинам Урала»), «*пузатый, тяжелый собор по-прежнему внешне главенствует над городом*, но уже никогда не увидишь вокруг него торжественных и разоде-тых толп, не могущих из-за тесноты попасть в его сумрачные сени» (Там же).

Указывает на Оренбург и описание некоторых **ярких деталей**, например, упоминание об Оренбургском пуховом платке: «Да что о нем говорить <о пуховом платке>? Всюду он известен, *наш красавец*. По радио небось каждый день про него поют: И тебя, моя мама, согре-

ет / *Оренбургский пуховый платок*» (И. Уханов «Оренбургский пуховый платок»); «Во многих селениях Оренбуржья о пуховом платке говорят как о привычном и обыденном. Да и вязка его не представляет тайны: чуть ли не в каждом сельском доме платки вяжут» (И. Уханов «Оренбургский пуховый платок»); «...Дышала на дворе *июльская жара*, а от ажурных белых „паутинок“, казалось, пахло снегом, январская морозная узорь их радовала глаз, и кто-то уже читал знакомые стихи: Меня закрывает от старых нападков / *Пуховый платок* твоего снегопада...» (И. Уханов «Оренбургский пуховый платок»); «В этот выюжный неласковый вечер, / Когда снежная мгла вдоль дорог, / Ты накинь, дорогая, на плечи / *Оренбургский пуховый платок!*» (В. Боков «Оренбургский пуховый платок»).

Это далеко не полный перечень писателей и поэтов, обратившихся в своем творчестве к Оренбургскому краю и сформировавших Оренбургский текст русской литературы. Внимание писателей привлекали необъятные просторы Оренбургского края с его степной природой, интересовала история края — как древняя, когда Оренбург был воротами из Азии в Европу, так и позднейшая, когда обширная территория его была ареной народных движений и восстаний, в том числе крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Десятков Г. М. Легенды старого Оренбурга. Калуга, 1994.
2. Машинский С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М., 1973.
3. Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкаловское книжное изд-во, 1956.
4. Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824.

КАФЕДРА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ОРЕНБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка была создана 28 июля 2004 года в Оренбургском государственном университете в связи с открытием одной из базовых специализаций направления 021700 — Филология — 021701 — Русский язык и литература. Кафедра является самой «молодой» на факультете филологии.

Заведует кафедрой д-р пед. наук **И. И. Просвиркина**. Её научные интересы связаны с лингвокультурологией, этнолингвистикой, лингводидактикой, методикой преподавания лингвистических дисциплин в школе и вузе.

Научные интересы кафедры реализуются в работе научной школы «**Поэтика художественной литературы**» (100101). Основатель и руководитель научной группы — **д-р фил. наук, проф.**, отличник народного просвещения Каз. ССР **С. А. Матяш**, автор более 130 работ по теории и истории русского стиха. В течение последних лет получены существенные научные результаты в области стиховых форм; исследованы жанры русской поэзии XVIII–XX вв. (надпись, стихотворная сатира, стихотворная новелла, инвектива, стихотворный фельетон); разработана методика анализа композиции классических жанров русской поэзии; описаны композиции лирических стихотворений Жуковского, Батюшкова, Некрасова; определены параметры описания графики классического стиха и исследована графика поэзии Некрасова, его предшественников и современников; предложена новая методика выявления и анализа стиховых переносов; создана теория «затяжного» переноса. С 2004 года под руководством С. А. Матяш защищены 10 кандидатских диссертаций.

Активно ведётся работа по двум научным направлениям: «Регионально ориентированные исследования филологических процессов», «Структурная организация текста».

Первое направление под руководством **д-ра пед. наук И. И. Просвиркиной** и **д-ра фил. наук В. Ю. Прокофьевой** занимается исследованием современной лингвосоциокультурной и лингвоэтнической ситуации в регионе, анализом речевой деятельности на основе этнокультурологического подхода, определением связи между этнокультурологическим развитием личности и уровнем лингвистической образованности в процессе речевого взаимодействия.

Второе направление исследований проводится по теме «Структурная организация текста» (руково-

дитель: **д-р фил. наук К. И. Белоусов**). Учёные исследуют организацию и самоорганизацию текста, разрабатывают методы, приемы, алгоритмы экспериментального и модельного исследования текста.

В целом деятельность коллектива кафедры РФиМПРЯ затрагивает различные направления, связанные с исследованием коммуникативного пространства.

При кафедре создан Центр славянских языков и культур, основной функцией которого является удовлетворение потребности российских граждан, в том числе преподавателей, сотрудников и обучающихся в Оренбургском государственном университете, в дополнительном и более глубоком изучении русского языка для совершенствования профессионального и общего культурного уровня; удовлетворение потребности иностранных граждан в изучении русского языка; популяризация языковой культуры народов России и зарубежных стран.

14 ноября 2008 года в университете была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «**Регионально-ориентированные исследования филологического пространства**» (При поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) 08–04–81480 г/У).

Приветствуя участников конференции, ректор Оренбургского государственного университета, д-р экон. наук, проф. Владимир Петрович Ковалевский отметил, что мы живем в многополярном, постоянно меняющемся мире, и, естественно, изменения касаются всего, в том числе и русского языка.

С приветственным словом также выступили проректор по научной работе и инновационной деятельности ОГУ, д-р техн. наук, профессор Сергей Николаевич Летута.

Декан факультета филологии ОГУ, канд. пед. наук, доц. Людмила Рафаиловна Малышева отметила, что конференция чрезвычайно значима для страны и области с ее пространством и многонациональным населением. Проблемы региональной идентичности — это не только проблемы людей, но скорее самой территории. «Что ни город, то свой нрав», — гласит русская пословица. Она касается и человеческих качеств и характеристик, но и особого филологического пространства, сотканного из фольклора, новых названий, оценок, устойчивых выражений, заимствований и т. д.

Оренбургский край в этом смысле — явление абсолютно уникальное, как в диахроническом, так и в синхроническом плане.

Ю. Е. Прохоров, д-р филол. наук, д-р пед. наук, проф., ректор Института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва), в своем докладе «Действительность, текст и дискурс: что и как образует и строит речевое общение» затронул вопрос о речевом общении, в котором функционирование языковых единиц трансформируется по ряду причин: социальных, культурологических и региональных.

А. Д. Дейкина, д-р пед. наук, проф., заведующая кафедрой методики преподавания русского языка Московского педагогического государственного университета, размышляя о русском языке и культуре, обратила внимание на то, что обучение культуре связано с обучением языку.

Л. В. Дюсупова, канд. филол. наук, доц. кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка ОГУ, рассмотрела языковую ситуацию в Оренбургском крае и отметила, что языковая панорама современного Оренбуржья — это сложная мозаика из нескольких различных как по происхождению, так и по своим социальным функциям языков.

А. А. Маслов, д-р ист. наук, проф., директор Центра стратегических исследований Китая Российского университета дружбы народов (Москва), руководитель проекта «Разработка и реализация мероприятий по развитию сотрудничества образовательных учреждений высшей школы России и Китая в рамках консорциума из ведущих вузов федеральных округов России», прочитал доклад на тему: «Особенности методики преподавания китайского языка».

Пленарное заседание завершил Андрей Иванович Изотов, д-р филол. наук, проф. кафедры славянской филологии Московского государственного университета, рассказавший о языковой ситуации

в Чешской республике. В докладе он рассмотрел литературный язык и городское койне.

На конференции работали секции, круглые столы и семинары: «Языковая личность и культурное пространство» (руководитель — проф. Ю. Е. Прохоров); «Актуальные вопросы методики преподавания русского языка и методики преподавания литературы в школе и вузе» (руководитель — проф. А. Д. Дейкина); «Отражение языковой картины мира в системе языка города» (руководитель — д-р филол. наук А. И. Изотов, секция была проведена в формате круглого стола); «Речевая коммуникация: проблемы и перспективы» (руководитель — д-р пед. наук И. И. Просвиркина); «Современный литературный процесс: диалог центра и провинции» (руководитель — проф. С. А. Матяш).

Круглые столы:

1. «Имиджевые портреты власти, образования и бизнеса региона» (руководитель — д-р филол. наук, доц. К. И. Белоусов).

2. «Национально-политическая культура Китая, основы взаимодействия и особенности межкультурных коммуникаций России и КНР» (руководитель — проф. А. А. Маслов).

Проведенная конференция имеет большое значение для поддержания научного диалога и обмена опытом в области современного понимания филологии и для исследований преподавателей кафедры, чьи научные исследования проводятся в рамках данного научного направления и которые привлекают студентов к научным изысканиям в данной области.

Материалы подготовлены В. Ю. Прокофьевой и И. И. Просвиркиной.

Фото конференции в ОГУ А. Зубарева

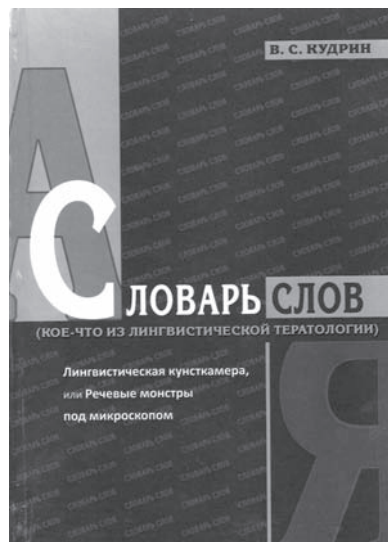
КУДРИН В. С. Словарь слов (кое-что из лингвистической тератологии). — Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ», 2008. — 284 с.

Лингвистическая кунсткамера, или Речевые монстры под микроскопом

Представьте, что в книжном магазине вы берете томик, на котором написано «КНИГА», а в продуктивном на банке рыбных консервов читаете «РЫБА». Удивитесь? Скажете: «И так понятно!» Написанная информация кажется избыточной, потому что дублирует предметную. А если дублирование происходит только на словесном уровне, то называется оно тавтологией, и нам с детства помнится пример про «масло масляное» как образец неоправданного смыслового повтора. Действительно, какое еще может быть масло? А что можно обнаружить в книге с надписью «Словарь...»? Есть варианты?

И вот перед вами «Словарь слов». Название, полностью оправдывающее содержание. Ибо в книге собраны сочетания, которых быть не должно, но которые есть, мы их видим, слышим, УПОТРЕБЛЯЕМ. Они стали элементами нашего речевого поведения. Мы привыкли к ним и в ускоряющихся темпах нашей жизни не замечаем их неправильности. Их языковое уродство не воспринимается как аномалия. И вот они пойманы на крючок, собраны в один аквариум, и мы можем посмотреть на них внимательно, не торопясь, запомнив облик и выяснив причины нарушения норм.

В книге есть и «классика жанра»: контаминации *играть значение* и *иметь роль*, отмеченные многочисленными учебниками по культуре речи *прейскурант цен* и *январь месяц*. Есть масса «выловленных» сочетаний, смысловая избыточность которых основывается на соединении русского слова с заимствованным, имеющим сходное значение: *взаимный компромисс*, *внутренний интерьер*, *дословная цитата*, *забавный курьез*, *конечный итог*, *крайний максимализм*, *краткий*

конспект, общий наркоз, официальное коммюнике, преступная мафия, модный шлягер, свободная вакансия и много, МНОГО других. Есть невозможные сочетания, которые, увы, стали привычными в нашей речи, — *объективное мнение* и *чистый бланк*. Есть примеры обычной неправильной сочетаемости, семантической и грамматической, присутствующей и в письменной и в устной речи: *побить абсолютный рекорд*, *дешевые цены*, *оплатить платеж*, *большая половина*; *трое дочерей*, *нежели*

чем, *речь упирается в ...*, *самый лучший*. Многие клишированные сочетания, употребляемые и там и сям, воспринимающиеся как правильные, при рассмотрении через лингвистический микроскоп оказываются тавтологичными: *библиографическое описание*, *для проформы*, *замкнутый круг*, *родные пенаты*, *продукты питания*, *резкий контраст*, *развитие сюжета*, *торжественная процессия*, *траектория полета...* Но с ними уже ничего не поделать, пусть живут... В «Словаре...» уделено внимание и такому «сорному», ничего, по сути, не выражающему, но встречающемуся на каждом шагу, слову, как *достаточно*, а также даны рекомендации по исправлению «неудобоваримых» элементов текста: *дело идет о* → *речь идет о* либо *дело касается*; *вторичное обращение* → *повторное обращение*, *вопрос стоит о* → *стоит вопрос о*.

Аналогов «Словарю...» нет. То, о чем мельком говорилось в учебниках по культуре речи и других словарях, собрано под одной обложкой и, несомненно, будет интересно и полезно всем, как теперь принято говорить, «пользователям» русской речи.

В. Ю. Прокофьева
► nikaarsenia@rambler.ru